

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №18, апрель 2021 года.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

16+

- 1 – «Из истории Сибири и Кузнецкого края» - к 300-летию Кузбасса, стр. 2-3;
- 2 – Александр Макастревич: «Последний день августа», «Слово сладкое - Победа!», «Дожить до рассвета» - проза и пьесы в стихах, стр. 4-8;
- 3 – Александр Васюнов: «Это был всего лишь сон», «Тёмная ночь», «Сочинение на тему «Как я провел выходной день», «Ядовитая рыба налим» - проза, стр. 9-11;
- 4 – Аделья Мачкова: «Россия поднебесная», «Синхронный перевод», «Сказка для внучки», «Травы, наверное, помогли...» - проза, стр. 12-13;
- 5 – Иван Кожемяко: «Внучка, любовь и картошка...», «Последняя встреча», «Любовь невольницы» - проза, стр. 14-18;
- 6 – Владимир Неунывахин: «Рассказы и зарисовки о жизни и о природе», «Береста», «Белые ночи и соловьи», «Ветеринар», «Банная нечисть», «Берёзка» - проза, стр. 19-23;
- 7 – Владимир Черноусов: «В хрустальной тишине» - стихи, стр. 24;
- 8 – Ольга Малюк: «Просочилось сквозь пальцы время» - стихи, стр. 25;
- 9 – Анатолий Гуляев: «Главы из будущей книги «Из истории Сибири и Кузнецкого края»: «Погиб при исполнении», «Штрихи к портретам подвижников краеведения», «Избушка», «Платон мне друг, но истина дороже» - публицистика, стр. 26-38;
- 10 – Владимир Дегтярёв: «Какая малость мне нужна» - стихи, стр. 39;
- 11 – Наталья Широбокова: «Наследники сказочных тайн», «Лужи в сапогах» - проза и стихи для детей, стр. 40-41;
- 12 – Александр Танков: «Сказка для взрослых» - сказки, стр. 41;
- 13 – Людмила Танкова: «Извольте оплатить счётик-с» - проза, стр. 42-44;
- 14 – Вячеслав Елатов: «Приобщение к гармонии», «С позиции крайнего», «Осветить номер», «...Он оставил нам» - литературоведение, стр. 45-48;
- 15 – ЛиТерра: «Итоги конкурса одного стихотворения «Мир спасённый. Мир живой» - публицистика, стр. 49;
- 16 – Нина Струц: «Зелёный кедр на скалах монолитных» - стихи, стр. 50;
- 17 – Ольга Грибунина: «... Просто сердце раздаю...» - стихи, стр. 51;
- 18 – Николай Миронов: «Вынужденный жить-3», «Глубокая засада», «Из книги «Разломы души»» - проза, стихи, стр. 52-56;

300 лет Кузбассу

Новая земля

«На новых землях, в стороне открытой,
Для счастья людям долго жизнь трудна.
И кажется она им не обжитой,
И помнится иная сторона.
И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жизнь иною памятью обречь,
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...»

А.Т. Твардовский

Учредитель и издатель: ООО Редакция «Литературно-художественной газеты альманах «Усятская россыпь».

Свидетельство о регистрации «ПИ ФС 12-1286», выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Адрес редакции: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул. Алмазная, дом – 56.

Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул. Алмазная, дом – 56.

Директор/гл. редактор: Гуляев А.Н. (м.т.: 8 906 987 1955).

Технический редактор: Танкова Л.А. (tanckova.lyudmila@yandex.ru)

Корректор: Деева Н.Ф.

Время сдачи в печать 25.04.2021г.: по графику – 14.00; фактически – 14.00.

Дата выхода 29. 04. 2021 г.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе ООО «Издательство «Творчество». Адрес типографии: г. Кемерово, Советский проспект, д.60, корп. Б, оф. 101.

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Объём 14.0 п.л.; Заказ № 209; Тираж 1000 экз.

Цена договорная.

«Из истории Сибири и Кузнецкого края»

Витсен Николаас: голландско-нидерландский политик, предприниматель, учёный, географ, картограф. Родился 8 мая 1641 года в Амстердаме, умер 10 августа 1716 года (76 лет) в своём родном городе.

В 1664-1665 годах Витсен Н. впервые посетил Русское государство. Находясь в составе свиты голландского посольства, путешествовал по стране. При этом сделал много подробных записей и зарисовок об увиденном в своих дневниках. Позднее, по возвращении на родину, по дневниковым записям написал свой первый рукописный труд «Путешествие в Московию», в котором дал яркую и живую, хотя и не всегда беспристрастную картину Руси, увиденную глазами иностранца.

В 1666-1667 годах Витсен Н. совершил поездку во Францию и Италию. В Париже он познакомился с французским учёным Тевено М., которому сообщил о своём путешествии в Московию и своей творческой литературной работе. Тевено заинтересовался и попросил познакомить его с этой работой. По возвращении домой Витсен выслал копии своих записей новому знакомому в Париж. Но, как нередко бывает в науке и истории, записи Витсена Н. «Путешествие в Московию» и содержание его дневника увидели свет лишь через 300 лет (в 1996-1997 годах в Гааге вышла книга «Н. Витсен в Московии»).

«Северная и Восточная Тартария» — труд его жизни. 25 лет Витсен Н. работал над обобщением своих записок о путешествии по Руси, которые назвал «Северная и Восточная Тартария».

Название «Тартария» в тогдашней Западной Европе было более популярным, тем не менее, прижилось в истории и закрепилось второе название — Сибирь.

В 1690 году Витсен Н. опубликовал первую в Европе подробную карту Сибири, названную им «Тартарией». Эта карта впервые показала европейцам русские владения в Азии и положила начало

научному изучению Сибири (вероятно, не только европейцами, но и русскими — А.Г.), сохраняя своё значение на протяжении всего 18 столетия.

В собранном Витсеном Н. научном материале приводится копия карты Тобольского воеводы Петра Годунова, изготовленной С.У. Ремезовым и включённой в его «Хорографическую Чертёжную книгу». Эта карта уникальна тем, что ориентирована с юга на север, а датирована она 176-м годом, что соответствует 1667 году по европейскому летоисчислению. В своей научно-исследовательской и картографической работе Витсен Н. использовал копии, изготовленные в том числе Францем Кронеманом и Эриком Пальмквистом. Эта карта — единственная, где было указано древнее русское летоисчисление, на карте показана река Камчатка. Таким образом, это первое письменное упоминание о Камчатке как таковой, поскольку, как мы считаем, эту землю открыл Атласов В.В. (Морозко Лука и Голыгин И.О.) только спустя 30 лет (в 1695-1696 годах).

В 1692 году Витсен Н. выпустил в Амстердаме сочинение «Северная и Восточная Тартария» (объёмом 660 страниц), ставшее первым в Западной Европе подробным этнографическим и географическим описанием Сибирских земель и населяющих их народов. Затем он работал ещё 10 лет над дополнением этого труда. И выпустил его второе издание в 1705 году (объёмом более 1000 страниц в двух томах).

Несмотря на название книги, Витсен Н. не ограничился лишь описанием Северной и Восточной части внутренней Евразии. Его книга описывает значительно больший регион, чем представлен на его карте.

...В работе Витсен Н. не только штудировал все доступные ему источники информации, но и собирал актуальные сведения через созданную им разветвлённую сеть своих информаторов в Европе, на Руси и в Азии. В итоге Витсен Н. собрал огромную библиотеку книг, карт, рукописей о путешествиях, докладов о Мире за пределами Европы.

Среди использованных им сочинений и материалов значатся чертежи Сибири 1667 года и его роспись (роспись чертежа Сибири 1673 года), сочинения о Сибири Юрия Крижанича: «Описание новой земли Сибирского государства», «Сказание о реке Амуре» и другие.

У Витсена Н. были и другие рус-

ские источники, оригиналы которых пока неизвестны.

Витсен Н. поддерживал связь с русским монархом — Петром I, сочувствовал его реформам, возглавлял «прорусское лобби» в Нидерландах, в противовес политическим группировкам в Гааге, опасавшимся, что расширение русской территории на Запад разрушит голландско-шведские деловые связи. Свою дружбу с Петром I он не скрывал, широко рекламировал её, где было возможно. К примеру, на изготавливаемых картах Сибири Витсен Н. сообщал, что они выпущены с санкции русского монарха.

В 2010 году в амстердамском издательстве увидел свет переведённый на русский язык знаменитый труд Витсена Н. «Северная и Восточная Тартария» (1641-1717 гг.).

Говоря о своём увлечении, Витсен Николаас сообщает нам, сегодняшним его читателям: «...Уже в древности описание различных стран считалось важным и нужным делом. Учёные люди признавали такие познания необходимыми. Я считаю, что внося свою долю в описание земель, принесу пользу и не напрасно потрачу своё время. Я избрал (для описания) северные и восточные части Азии и Европы, как наименее изученные. Знания о них настолько смутные, что границы Тартарии едва известны в Европе по названию и местоположению. Такие могучие завоеватели, как Чингис Хан, Тамерлан и другие, не уступавшие в величии и военной славе Александру Македонскому или Юлию Цезарю и вышедшие из стран Тартарии, покрывшие Азию от Сины до Константинополя и в 17 веке, сеявшие ужас по всему Восточному миру, в Западной Европе неизвестные.

Я поставил перед собой задачу составить карту и описание этих малоизвестных земель, так как имел возможность беседовать со многими тартарами, греками, персами и с людьми, побывавшими в плену в азиатских странах. Беседовал с синцами, наблюдавшими Тартарию и передавшими мне как синские, так и тартарские письменные; имел сообщения от нидерландцев, побывавших в Пекине и Хоксиу. Кроме того, я получал известия как из самой Тартарии, так и из Московии, Астрахани, Персии, Грузии, Турции. Даже из Индии получал я описания жизни в странах Востока и Северо-Востока Азии, из Ниухи, Мугалии, Калмакии, Алтына, Самолдии, Тунгуса, стран, лежащих за Синской стеной.

Используя материалы древних и современных писателей, я и составил карты и описания тех стран».

В мировую историю Витсен Н.

вошёл не как политик, градоначальник или бизнесмен, а, благодаря своему хобби, как великий учёный и исследователь, картограф, географ, историк и писатель. Тем не менее, как отрицательный фактор от научного увлечения Витсена Н., точнее нашего увлечения результатами трудов Витсена Н., хочется отметить то, что нередко бывало и бывает в Российской отечественной истории: увлекаясь иностранным, мы не замечаем своего, о чём всегда сожалеем задним умом. Повторяюсь и подчёркиваю: «Карты...» Ремезова С.У. оставались незамеченными и невостребованными в родном Отечестве до 1882 года, на протяжении 181 года после их изготовления.

Первая Сибирская научная экспедиция

В конце 1718-го начале 1719 годов по указу царя Петра I от 15 ноября 1718 года в Сибирь была снаряжена Первая Сибирская научная экспедиция, во главе которой был поставлен учёный, доктор медицины, немец по происхождению Даниэль Готтлиб Мессершмидт (1685-1735 годы жизни). Перед ним была поставлена задача: описать страну, её природу, население, обычаи, болезни, памятники старины.

Помогал в экспедиции Мессершмидту, не знавшему русского языка, военнопленный швед, капитан Филипп Иоган Табберт (1676-1747 годы жизни), впоследствии получивший дворянство и фамилию Фон Страленберг. Экспедиция Мессершмидта проработала в Сибири около трёх лет, с поставленной задачей в основном справилась.

Исследовала экспедиция Мессершмидта и Кузнецкий край. Она сообщила руководству страны и мировому научному сообществу о наличии залежей каменного угля, как под Кузнецком, так и угольного месторождения на Нижней Тунгуске, рудных месторождений в районе Нерчинска.

Экспедиция обнаружила в Сибири «монгольские рукописи», следила их с письменами сибирских народностей, описала соляные промыслы Соликамска и составила карту Сибири от Урала до Енисея с указанием месторождений полезных ископаемых, горных и металлургических предприятий. Собрала коллекцию минералов и руд Урала, Сибири и Забайкалья (149 образцов).

26.04.1721 г. в путевом дневнике Мессершмидта Д.Г. появилась запись о наличии залежей каменного угля под Кузнецком: «...меж-

ду Комарова и деревней Красная». В августе 1721 года им же было отмечено и наличие «Огнедышащей горы», там же. А 11 сентября 1721 года записано: «...*доноситель Михайло Волков объявил против своего доношения: вверх по Томе реке, от Верхотомскова острогу семь вёрст, Красную горелую гору*» и представил образец каменного угля с названной им горы. Позднее проведённая экспертиза пробы, доставленной Волковым М., показала наличие в ней каменного угля, и была сделана запись результатов экспертизы: «№ 1 — уголь каменной из Томска доносителя **Михайла Волкова**».

Но открытию угольного месторождения экспедицией Мессершмидта Д.Г. во властных и научных российских структурах и кругах должного внимания уделено не было. Лишь в 1842 году были оценены запасы каменного угля Кузнецкой котловины, после чего введено понятие (термин) — **Кузнецкий угольный бассейн**, сокращённо — **КУЗБАСС**.

Мессершмидт Даниэль Готлиб был разносторонне развитой личностью, талантливым учёным.

Врач, натуралист, художник, поэт, филолог, знавший несколько восточных языков, а по складу характера, видимо, был челове-

ком несобраным и рассеянным.

Многие собранные материалы были им утеряны. За это Мессершмидту официально предъявили претензии, арестовали и подвергли суду и разбирательствам.

Но он был выпущен на свободу. После прощения и оправдания Мессершмидт частично обработал и опубликовал собранные в экспедиции материалы, которыми пользовались все последующие экспедиции в Сибирь.

Начало изучения Кузнецкого края

В августе 1733 года из Санкт-Петербурга в Кузнецк выехал академический отряд экспедиции, в который входили: доктор медицины, профессор Гмелин И.Г. и историк, географ Миллер Г.Ф.

В конце января 1734 года они добрались до Тобольска и остались там до весны. Весной 1734 года, когда реки освободились

от льда, экспедиция пошла на лодках вверх по Иртышу (через Омск, Семипалатинск) и в августе достигла Усть-Каменогорска. Откуда на лошадях исследователи переехали в Колываново-Воскресенский завод. Затем через реку Калманку и демидовские поселения — Барнаул, Калтырак — в начале осени прибыли в город-крепость Кузнецк, где пробыли немногим более месяца.

В Кузнецке группа разделилась и в начале октября 1734 года маршрут — вниз по Томи до города Томска — проделала двумя экспедиционными группами.

Гмелин И.Г. со своей группой, в состав которой входил студент Крашенинников С.П., пошёл по реке на лодках, а Миллер Г.Ф. со своей группой поехал по дороге на лошадях.

Хотя пребывание в Кузнецке и Кузнецком крае заняло у учёных-исследователей сравнительно небольшое время (около одного месяца) из их десятилетнего путешествия и изучения Сибири, след от их посещения Кузнецка и Кузнецкого края запечатлён в основных трудах не только этих двух учёных, но и их учеников.

Иоганн Георг Гмелин: немецкий естествоиспытатель на русской службе. Врач, ботаник, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала, натуралист, профессор, участник академического отряда Великой Сибирской экспедиции.

Родился 8 августа 1709 года в Германии, городе Тюбинген, умер 20 мая 1755 года у себя на родине (в 45 лет). Автор много-томного труда «Флора Сибири» (1747-1769 гг.), в котором даны описания 1178 видов растений,

произрастающих в Сибири.

В 1751-1752 годах увидел свет четырёхтомник Гмелина И.Г. «Путешествие по Сибири» на немецком языке.

В своём исследовании Сибири Гмелин И.Г. избрал маршрут: Ярославль, Казань, Тобольск, Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Кузнецк, Томск, Енисейск, Иркутск, Якутск.

Обратно вернулся в Санкт-Петербург маршрутом: Иркутск, Томск, Екатеринбург, Нижний Тагил, Верхтурье, Соликамск, Великий Устюг, Вологда и Шлиссельбург.

Он обследовал северо-западную часть Алтая, Салаирский край, от Кузнецка спустился по реке Томь до Томска, прошёл по долине реки Чулым до Енисея, по Енисею поднялся до Красноярска, оттуда прибыл в Иркутск.

Учёный-энциклопедист и великий художник, за десять лет он проехал по Сибири около 34000 километров, положив начало её научному исследованию.

Вернувшись в Санкт-Петербург, одним из первых обосновал разделение Сибири на две естественно-исторические провинции: Западную и Восточную Сибирь, широко используя для этого ботанические и зоологические коллекции экспедиции.

В своей книге «Поездка по Рудному Алтаю в августе — сентябре 1734 года» (частично опубликованной в Историко-документальном издании «Кузнецкая старина», выпуск № 5, издательство «Кузнецкая крепость», Новокузнецк 2003 год, при общем руководстве и финансовой поддержке Управления культуры города Новокузнецка) Гмелин И.Г. сообщает (в сокращении):

«11-го августа 1734 года в 9 часов утра мы благополучно прибыли в Усть-Каменогорскую крепость, проехав 6165 вёрст от Санкт-Петербурга».

Мы не особенно были утомлены поездкой и на следующий день после своего прибытия в Усть-Каменогорск решили съездить в Аблай-Кит, который с недавнего времени приобрёл всемирную известность. Побывать в Аблай-Ките надо было обязательно: нужно было описать это местечко и прихватить с собой находящиеся там редкости, чтобы они не оказались рассеянными по белому свету, как обычно бывает, и не были бы, таким образом, потеряны для исторической науки. Но никого из своей партии нам посылать туда не хотелось из боязни нападения казахских орд...

16-го, в 5 часов вечера, мы выехали из Усть-Каменогорска и в тот же вечер проехали 30 вёрст, собирались дойти в тот день до речки Убы, но она оказалась дальше, чем мы предполагали. Ехали до поздней ночи и расположились у маленькой речушки, вода которой была непригодна для питья из-за неприятного запаха, выделяемого из неё.

На следующий день доехали до Колывано-Воскресенского медеплавильного завода.

1 сентября в 2 часа дня мы подъехали к речке Барнаул, на которой также была одноимённая демидовская деревня. Вдоль Барнаула до её истока растёт сосновый лес с примесью берёзы, который называется «барнаульский бор».

В 6 часов вечера приехали в деревню Калтирак, стоящую на од-

ноимённой речке. Это татарская деревня, в ней не более 4 русских домов. Населяют её татары разных племён, главным образом телеуты и кыштымы.

8 сентября в 11 часов утра мы прибыли в деревню Бачатскую. Эта деревня расположена в привлекательной местности на речке Малый Бачат. Отсюда, как и от Калтирака, дорога шла степью до самого Ильинского погоста. В пути нам по-прежнему встречались различные могильники; особенно много их было слева от деревни Бачатской, неподалеку от неё.

На следующий день (9 сентября) мы к полудню доехали до Ильинского погоста (7023 версты от Санкт-Петербурга), расположенного на реке Томи; местные крестьяне обычно называют его Красноярским. Напрямик сюда от Бачатского ездят только летом, зимой ездят по другой дороге, которая находится левее; при этом имеется то удобство, что в пути попадаются деревни. Летом же из-за множества болот та дорога становится непроезжей. Мы переправились через реку Томь с помощью самодельного плота и в 7 часов вечера того же числа благополучно прибыли в город Кузнецк».

Миллер Герхард Фридрих (1705-1783 гг.): историограф, академик (немец по происхождению), ра-

ботал в России. Известен как собиратель различных ценных материалов по истории, экономике и этнографии Сибири, где пробыл с 1733 по 1743 годы.

В Сибири Миллер Г.Ф. особенно чтим за то, что обнаружил в Тобольске «Краткую Сибирскую (Кунгурскую) летопись» Ремезова С.У. о знаменитом походе русских казаков под предводительством Ермака в Сибирь и представил её сообществу учёных всего мира. Для Кузбасса и кузбассовцев, интересующихся историей родного края, Миллер Г.Ф. оставил после себя «Описание Кузнецкого Уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года».

Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился в 1955 году в Киргизии. В 1972-м окончил школу, рабочий. Участник боевых действий в Афганистане. В 2006-м переехал в Новокузнецк.

До 2016-го работал в Водоканале слесарем-инструментальщиком.

Литературным творчеством занимается давно. Пишет стихи и прозу, но публиковаться начал недавно.

Последний день августа

Посвящается моему
отцу Николаю, участнику ВОВ

— Надоела мне эта ржавая железяка! Третьи сутки никакого продыха! Разобрать её на запчасти, что ли? Всё какая-то польза будет, — рядовой механик Матвейчук пнул в запале гусеницу «тридцатьчетвёрки». Лицо, руки и комбинезон у него щедро были перепачканы солидолом и соляркой.

— Левый фрикцион — в лохмотья, повреждена шестерня, подшипники также под замену, тормозные колодки, два звена гусеницы — под замену. И сколько ещё ползать вокруг да около, не известно. Хорошо, что я смазавировал, а то бы фрикц всадил прямо в моторный отсек. Списали бы нашего Тишку вместе с нами. А тут ещё стартер. Такая козявка, а создаёт столько проблем. Ну как тут не матюкнуться!

Проходивший мимо майор не смог сдержать улыбки.

— Отмыть тебя пуда мыла не хватит. Специально выпачкался. Стараешься показать, что сильно озабочен ремонтом? Пока не вижу никакого результата, — в голосе майора звучали железные нотки. Строго посмотрев на механика, он подошёл к танку.

— Третьи сутки не отходим от машины. Фрикцион заменили, хоть и не новый, но рабочий. Подшипники, тормозные колодки заделаны, отрегулированы, хоть сейчас в бой. А вот стартер перебираю уже четвёртый раз, а он молчит. А в чём проблема, не пойму, — механик виновато развел руками.

Заряжающий сержант Прохоров на траве, на разостланном брезенте смазывал запчасти разобранного пулемёта и, ухмыляясь, посоветовал:

— С техникой надо, как с девушкой, а ты с х... на п... и с п... на х... И вот результат. Как ты, так и к тебе повернулась она своим стальным задом. Техника, как девушка, любит внимание и ласку. Я как опытный практик тебе говорю, — сержант довёл механика до белого каления.

— Ага, сейчас разгонюсь. Железо, оно и есть железо! — Матвейчук приуныл.

— Через двое суток, кровь из носа, танк должен быть готов к движению. А кто не уложится в срок, прямая дорога в штрафбат. Срывать наступление никто не позволит, — майор был не в духе. — Кстати, а где ваш командир?

— Здесь я, товарищ гвардии майор, — из люка башни показался худой, похожий на школьника, младший лейтенант Ковалёв.

— Приводим в порядок поворотный механизм башни. Неделю назад в бою был повреждён, подклинивает слегка,

отрихтовали, как положено, осталась малость. Коробка и двигатель в порядке. С буксира танк заводится с полуоборота. Вот только стартер... — но, увидев недовольный взгляд майора, добавил. — Через полчаса займёмся всем экипажем. К вечеру будем готовы, слово даю!

— Понабрали школьников, и воюй тут с ними. А много ли навоюешь? — Но увидев под распахнутым комбинезоном на гимнастике орден и кружки медалей, понял, что перед ним не юнец со школьной скамьи, а бывалый солдат, познавший сполна все тяготы войны, знающий цену данному слову.

— Обратитесь к главному механику рембата капитану Гордееву, он поможет решить вашу проблему. Скажите, я приказал.

— Есть товарищ гвардии майор, разрешите выполнять? — отчеканил младший лейтенант.

— Выполняйте!

Тут же безжалостная боль сдавила его сердце. Этот мальчишка-танкист напомнил ему сына. С такой же упрямой морщинкой на лбу. С вихрастым, пшеничного цвета чубом. Да! Достойное поколение они вырастили себе на смену! Эти пацаны готовы пожертвовать собой на поле боя во имя Родины! Он машинально дотронулся да нагрудного кармана, где рядом с сердцем в партбилете лежали фотографии жены и единственного сына, сгоревшего в танке в тяжёлом, неравном бою под Минском в первые дни войны. Самое страшное то, что старики ещё живы, а детей забрала война. Жена осталась там, в занятом немцами Киеве, и что с ней, одному Богу известно.

— Желаю тебе удачи, сынок!

Он посмотрел на младшего лейтенанта и, сразу сильно постаревший, с опущенными плечами, пошагал к следующему экипажу.

— Командир, объяви небольшой перекур, а то уши уже опухли. Да и в животе кишка кишку тянет за башку. Обед, вроде. Другие экипажи давно махают ложками. На голодном воле много не напашешь, — губы механика растянулись в широкой улыбке, обнажив ряд белых, крепких зубов.

— Ну, раз так, придётся перекурить, но недолго. Делу время, а потехе... А для потехи у нас нет времени. Зови остальных, а я мигом к капитану.

Надев пилотку, младший лейтенант направился в сторону ремонтной бригады, откуда доносилась ругань и было видно сверкание сварочных аппаратов. А Матвейчук метнулся к немецкой каске с выданным подкладом, стоящей у основания гусеницы, с налитой в неё соляркой, для промывки от

грязи мелких запчастей, болтов и гаек. Окунул в солярку руки. Отмыл от мазута, вытер их сухой травой и постучал монтировкой по корпусу танка.

— Шабаш, братва, обед. Война — войной, а обед — по расписанию!

Из люка показалась голова стрелка-радиста, рядового Понамаря, колдующего у левого борта над небольшой пробойной в районе двигателя. Ещё пяток сантиметров — и в двигатель. Необходимо срочно заварить. А то, как говорит Матвейчук: «Есть шанс от сквозняка схватить насморк».

Два ящика из-под снарядов были превращены в обеденный стол.

Матвейчук резво кинулся с пустыми котелками в сторону полевой кухни. Минут через десять он предстал перед экипажем с дымящейся гречневой кашей со свиной тушёнкой.

Прохоров язвительно заметил:

— Тебе бы на кухне поварить, самое подходящее для тебя место. Целыми днями был бы сыт и в тепле, и от немца вдалеке. Поварёшкой махать, это вам не землю пахать, — добавил он.

— Да я с превеликим удовольствием, Иван Иванович. Только где вы найдёте такого механика, который готов терпеть ваши издевательства и у знакомого повара добывать для вас лучшие куски? И прежде чем базарить, подумайте, кого и что вы можете потерять, — механик пришёл к языком.

— Да, озадачил ты нас. Наряду с плохими у тебя есть и хорошие качества. За кашу, конечно, тебе спасибо! Мы все так ценим тебя, аж сил нет, — Прохоров взял из его рук свой котелок, достал из-за голенища ложку, аккуратно завернутую в обрывок бинта, неторопливо приступил к обеду.

Иван Иванович, в возрасте около 50 лет, вояка со стажем, хлебнувший лиха ещё в гражданскую, прихвативший финскую. Не дожидаясь повестки из военкомата, явился на призывной пункт. Медики комиссовали его за бывшие ранения и в силу возраста. Он неделю не уходил из военкомата и добился направления в танковую бригаду. Технику знал «от и до». Начиная заряжающим. Был механиком-водителем, стрелком-радистом. Финскую закончил командиром экипажа с боевым орденом на груди. Сейчас по своему желанию стал заряжающим. Стрелял отменно. Из десяти — десять в цель. В этом в бригаде ему не было равных.

— Ну, где же командир? Каша остывает, — Матвейчук достал из-за пазухи булку хлеба, ловко пошинковал её ножом на равные куски и, вздохнув, посмотрел в ту сторону, куда ушёл командир.

— Там, в пригороде, три дня назад,

если бы не он, сгорели бы мы в танке, как свечки. Точно рассчитав маневр фашистской пантеры, заставил поймать её снаряд Иваныча. И вот результат — мы едим вкуснейшую кашу, а немцы копят в своём танке на пригорке! Ну и влепил ты им, Иваныч, по первое число, прямо в моторный отсек.

Матвейчук, хмыкнув, с аппетитом уплетал кашу.

— В финскую поднабрался опыта. Линия Маннергейма попила из нас кровушки. Финны — вояки серьезные. Мой лучший друг Володька Кречет сгорел у линии в танке, а я вот слегка подкоптился, — правая рука Иваныча до локтя была обезображена ожогом. Часть шеи и щека отливали розовым глянцем. — Говорят, копчёное мясо дольше хранится, — пошутил Иваныч.

Молодёжь слушала его, не перебивая. А он, достав кисет с махоркой и сложенную аккуратно газетку, оторвал от неё край, сыпанул на него маршанки, свернул в карандаш, послонявил край, и вот самокрутка готова к эксплуатации. К ним быстрым шагом подошёл командир,

— Быстрее работайте хлебрезками, сейчас подойдёт капитан Гордеев, — и, схватив котелок, стал уплетать кашу за обе щёки.

— Да мы уже отобедали. Эх, хороша кашка, да мала чашка. Жаль, добавка не предусмотрена, — Матвейчук со звоном бросил ложку в котелок.

— Одна радость, у меня там, на костерке, походный чайник с кипятком. Хотя чай — не водка, много не выпьешь, но зато прогреешь внутренности. Сейчас принесу, — и побежал к ближайшей ели.

— Когда успел? — Иван Иванович покачал головой. — Одни мысли у тебя только о жратве.

— От чая сыт не будешь, кружечку хлебнёшь и о голоде забудешь.

— С таким рвением относился бы к технике, всегда бы имел от нас почёт и уважение, а от командира — благодарность, — заряжающий с усмешкой посмотрел на механика.

— Вам только шею подставь, быстро наденете хомут. А «Тишку» я люблю.

Матвейчук так с нежностью называл свой танк, похлопав его по борту.

— Нам кто-то, вроде, чай обещал? — Иваныч после еды также аккуратно положил ложку в тот же бинт, спрятав её за голенище. Матвейчук с закопчённым чайником, гордостью экипажа, появился у стола.

— Прошу отведать чая со зверобоем. Сам собирал недели две назад. Налетай, не жалко. Попробуешь, не

оторвёшься. А то я могу и передумать за неуважительное отношение ко мне, — и положил перед каждым по два кусочка сахара. — Чай не пьёшь, откуда сила, — и разлил по кружкам золотистую, пахнущую лугами жидкость.

— Будет харч, будет и сила. Главное, чтобы пуля не скосила. А чтобы этого не случилось — техника должна работать безотказно! Кончай чаевать, пора ремонт начинать!

Иваныч не стал зажигать самокрутку и встал из-за ящиков.

— Пора не начинать, а заканчивать, — командир, покончив с кашей и чаем, взглянул на механика. — Рядовой Матвейчук, набрось резервные кабеля на аккумуляторы, будем ещё раз проверять стартер. Будь он неладен.

— Можно и не так официально — рядовой Матвейчук, я согласен и на Николая Егорыча.

— Отставить разговорчики! Тащи сюда этот треклятый стартер.

Механик быстро ополоснул котелки оставшимся кипятком, сгрузил вместе с чайником в вещмешок, который тут же исчез в укромном углу «тридцатьчетвёрки», и предстал со стартером в руках перед перевёрнутой бочкой из-под солёнки.

В лесу с вековыми елями, в котором остановился рембат, ощущалось приближение осени. Одинокая среди елей рябина, растущая недалеко, была щедро облеплена красноющими гроздьями. Они напомнили Иванычу о первом ранении в зимнем финском лесу. Когда он выполз, объятый пламенем из подбитого танка, и закрутился волчком на снегу, стараясь сбить пламя, запачкав белую простыню сугроба крупными каплями крови, так похожими на созревающие плоды рябины.

...А дома, в котором он так давно не был, спели яблоки, зрели на грядках помидоры, огурцы и картошка, которая превращалась на плите в аппетитную кашу, щедро перемешанную с жареными кусочками сала. А салаты, которых он был большой любитель, жена готовила, ну просто пальчики оближешь!

Он тяжело вздохнул. Как давно он не баловался зеленью и картошкой. Да и когда это было? Там, на Донбассе, где был его дом с садом, хозяйничают немцы. От жены и детей второй год ни слуху, ни духу. Война в самом разгаре, и сколько она продлится, одному Богу известно.

Подожли капитан Гордеев с сержантом из рембата.

— Ну, что тут у вас, младший лейтенант? Давай, не будем тянуть вола за я.., а берём его сразу за рога. Так в чём проблема? — капитан с сержантом стали осматривать стартер.

— Стартер не подаёт никаких признаков жизни, товарищ капитан. Вроде всё целое, а толку никакого. Щётки в норме, да и всё остальное тоже. В чём причина, неизвестно.

Капитан обратился к сержанту:

— Сержант, давай прибор. Сейчас станет ясно, в чём причина, — сержант достал из футляра прибор из чёрного карболита, похожий на настенные часы. — Это последнее слово техники. Подарок москвичей. Ну что, начнём?

Два проводка, черный и красный, коснулись плюса и минуса стартера.

Капитан несколько минут поколдовал над ним.

— Щётки, бендикс, шестерёнка в порядке, а вот обмотка в обрыве. Проблема решаема, это не катастрофа, младший лейтенант. В последнем ряду найдёте машину под номером восемь, без башни. Она требует серьёзного ремонта. Двигатель от прямого попадания — в хлам, а вот стартер, насколько я помню, живой. Даю вам два часа на его демонтаж. А этот на ремонт слесарям, — и, резко повернувшись, зашагал обратно.

Сержант, не отставая, поспешил следом. Капитан вдруг остановился:

— Не мешкайте, младший лейтенант, через два часа проверю. Время пошло. Утром чтобы я вас здесь не видел. Каждый танк на счету. И никаких отговорок.

— Рядовой Матвейчук, стартер и ключи в охапку, и вперёд. Я, тебе, конечно, доверяю, но проверю. Водила ты классный, на этот счёт спора нет, но сачок, каких поискать.

— Есть такой грех, не буду отрицать, но я постараюсь искоренить этот недостаток, товарищ младший лейтенант, — Матвейчук шутиливо встал по стойке смирно. Командир безнадежно махнул рукой,

— А вы, Иван Иваныч, с Понамарёвым займитесь каждый своим делом.

Рембат был похож на муравейник. Гусеничная техника, повреждённая в боях и требующая ремонта, на буксирах доставлялась в отведённое для этого место. По мере возможности в боевых условиях доводилась до рабочего состояния. Те танки, которые теряли свои экипажи в боях, укомплектовывались новыми, и после ремонта направлялись на передовую.

Где-то там, далеко, слышался шум фронта. Младший лейтенант был уверен, что завтра они снова будут в этой кровавой бойне, и никто не посмеет обвинить их в трусости.

Снять и проверить стартер было плёвым делом. Через два часа двигатель запущенной «тридцатьчетвёрки» добросовестно пожирал солёнку, готовый к любым нагрузкам. Довольная физиономия Матвейчука, перепачканная мазутом и солёнкой, послужила поводом для новых насмешек:

— Опять выпачкал руки и щёки, чтобы показать командиру и нам, что работаешь в поте лица. Мы-то с Иван Иванычем знаем тебя как облупленного. Воды и мыла не напасёшься, чтобы отмыть твою рожу, о руках я уже не говорю. Но, надо признать, что ключами ты работаешь на зависть хорошо, — Понамарь добродушно похлопал по широкой спине Матвейчука.

— А то! Руки не из жоп.. растут. Да и в голове есть кое-что, — механик довольно хмыкнул.

— Если сам себя не похвалишь, то от нас с Иван Иванычем этого не дождёшься. Пользуйся моментом. Мы-то в курсе, какой ты мастак, особенно пожрать, да и поспать в придачу.

— Ну, Понамарь, паскудник, достаёт кого хочешь. У каждого свои слабости, но это же не смертельно, — огрызнувшись, Матвейчук ещё раз проверил крепление стартера.

— Нормалёк! Вот теперь можно и расслабиться. А то он уже стал мне

сниться по ночам. Эх, не помешал бы нам такой аппарат, как у капитана, — он закатил глаза.

— Губу подбери! Хватит ли у тебя ума освоить тот агрегат?

— Не переживай! Если надо будет, разберусь!

— Кончайте болтать! — командир строго посмотрел на механика. — А ну-ка, ещё раз запусти двигатель, и я пойду под ясные очи капитана докладывать о готовности, — командир торопил механика.

— Да без проблем, — и он влез в люк.

Контакт, и стартер легко запустил двигатель. Погазовав на разных оборотах и убедившись в его рабочем состоянии, Матвейчук показался из люка.

— Глуши! — командир махнул рукой.

— Как-то так. Если захотеть, можно даже и взлететь. А кто-то сомневался?

— Матвейчук победно посмотрел на товарищей.

— В тебе? Да никогда! В одном беда, чуть отвернёшься, ты пропадаешь неведомо куда. Не хмурься, боец, сейчас я признаю: ты — молодец!

Вспотевший механик расстегнул комбинезон. На правой стороне гимнастерки мелькнула нашивка о ранении и орден Боевого Красного Знамени с медалью «За отвагу». Не так прост был этот механик-водитель, каким казался на первый взгляд, этот широкоплечий парень из далёкой уральской деревни. Война заставила вчерашних ФЗОшников рано повзрослеть. И вместо того, чтобы сидеть в учебных классах и приобретать специальность, они приобретали в боях награды и ранения, защищая Отчизну, и в сражениях не всегда оставались в живых. Достав из нагрудного кармана полупустую пачку «Казбека», подарок комдива за отличное вождение, механик щедро предложил:

— Налетай, угощаю! А то когда ещё придётся перекурить в тишине.

— У меня свои, — Иваныч достал кисет с махоркой.

Понамарь, не раздумывая, схватил папиросу. Подержал перед носом, глубоко вдохнул в себя табачный запах и заметил, взглянув на заряжающего, дымившего паровозом:

— Да! Это тебе не махра. Табак — высший сорт. Куришь, и чувствуешь себя городским человеком. Ох, и оторвусь я на гражданке, когда закончится эта канитель с немцами. Каждый день ставлю себя приобщаться к гражданской жизни. По дому соскучился, не выразить словами, — на лицо Понамаря налетела тень грусти, и чтобы друзья не заметили его минутной слабости, он отвернулся.

— Не ты один, все ждут возвращения домой. Придёт и на нашу улицу праздник! Так что не будем горевать, и чтобы приблизить этот момент, как наши деды будем воевать, — Иван Иваныч неторопливо потягивал свою самокрутку,

— А без поломок воевать, технику необходимо в порядке содержать, — младший лейтенант подал красноречивый намёк на окончание перекура.

Со стороны штабной землянки к ним подбежал шофёр майора.

— Товарищ младший лейтенант, вас срочно вызывает гвардии майор. Прошу поторопиться!

— Что случилось? — встревожился Ковалёв.

— Не могу знать, приказано срочно, — и торопливо побежал обратно.

На ходу надевая пилотку, за ним, не отставая, следовал младший лейтенант. По верхушкам елей пробежал ветер, предвестник дождя, гоня перед собой, как стадо баранов, тяжёлые ливневые облака. Ну, сейчас лупанёт. В сооружённом на скорую руку небольшом блиндаже перед майором стояли трое незнакомых лейтенантов. Как он понял, командиров экипажей.

— Опаздываете, младший лейтенант. Прошу сюда, к карте!

На столе, сооружённом из тех же снарядных ящиков, лежала исчерченная карта.

— Полчаса назад, прорвав оборону на одном из участков фронта, группа немецких танков на предельной скорости направляется к железнодорожной станции. А там состав с ГСМ, солярка и бензин, так необходимые для наступления. Из-за погодных условий наша авиация не имеет возможности атаковать немцев. Рота наших пехотинцев немного притормозила их. Но силы были неравны. Отчаянно дрались ребята, но все погибли. Итак, на вас возлагается особая задача. До подхода наших основных сил не дать неприятелю прорваться к железной дороге. На ходу пока что только ваши машины. Положение очень серьёзное. Я надеюсь на вас. Задание ясно? — майор внимательно посмотрел на командиров экипажей.

— Так точно, товарищ гвардии майор! — дружно ответили лейтенанты.

— Тогда не будем терять время. Даю вам полчаса на заправку горючим и получения боекомплекта. Старшим назначаю, с учётом его боевого опыта, младшего лейтенанта Ковалёва. Кругом, и бегом марш по машинам!

Дождь, не жалея, поливал как из ведра рембатовское хозяйство. В точно отведённое время четыре восстановленные «тридцатьчетвёрки» мчались к западной линии горизонта. Матвейчук гнал своего Тишку напрямик, через картофельное поле. Жаль людской труд, а что делать. Дорога каждая минута. А вот и бывшая колхозная свиноферма, вернее, то, что от неё осталось. За ними, не отставая, след в след шли три танка.

«Только бы успеть. А там мы повоюем. Сейчас не то время, когда вы шли парадным строем к Москве. Сейчас сорок третий, а не сорок первый. Мы давно забыли то время, когда приходилось отступать. Мы тоже кое-что можем. Чему-чему, а воевать нас учить не надо. Мы у себя дома, а дома даже стены помогают», — думал Матвейчук.

Не снижая скорости, пролетели сожжённое село, встретившее их торчащими печными трубами. На возвышенности рядом приютилась на удивление целая небольшая церквушка. Один из танков нервно дёрнулся и обречённо замер. Заклинило двигатель. Не вовремя, но что поделаешь. Но три других резво мчали вперёд, щедро разбрасывая с гусениц по сторонам размокшую под дождём землю. Дождь повис непроглядной пеленой. До нужного квадрата дошли вовремя. Прикрываясь берёзовым молодняком, ма-

шина младшего лейтенанта затаилась в небольшом овраге. Две других замерли поблизости. Сбоку, за пригорком, послышался шум двигателей.

«Ай, да мы! Опередили немцев всего минут на десять. Это для нас большой плюс!» — Ковалёв облегченно вздохнул.

Дождь и промокшая земля не давала развить тяжёлым танкам неприятеля должной скорости. Небольшую речушку немцы проскочили махом, без задержки. Десять тёмно-серых стальных коробок, перемолочивая гусеницами пшеничное поле, стремились в пригород к железнодорожной станции. Ранее немецкую авиацию от неё отгоняли наши истребители, но в данный момент, используя погодные условия, специально подготовленной танковой группе фашистов была поставлена задача во что бы то ни стало уничтожить станцию и сорвать наступление советских войск.

«Как часто желания не совпадают с нашими возможностями», — младший лейтенант принял решение атаковать внезапно.

Ожидая, когда танки со свастикой подставят борта под прицел, Иваныч нервно поглаживал обожжённую щёку.

Огонь!

Три снаряда попали точно в цель. Две коробки дружно горели на поле. Отвлекая внимание от основной группы, две пары немецких танков, перестроившись в линию, пошли в атаку на «тридцатьчетвёрки». А головная четвёрка, не сбавляя скорости, рванула в сторону станции. Каждый манёвр противника был отработоран до мелочей.

«Работают парами. Да, маловато у нас машин, но будем довольствоваться тем, что есть. Как назло, не за пюнюшку табака, потеряли одну машину», — подумал младший лейтенант.

— Эх, была-не была, зачем мамка родила и в солдаты отдала, жаль, со-

седка не дала себя в губы целовать, обещала только ждать, так не будем унывать, будем, братцы, воевать, — Матвейчук в своём репертуаре.

Дождь шёл, не переставая.

— Механик, работаем по схеме, — прокричал младший лейтенант, — Разворот на 45 градусов. Преследуем ушедших в отрыв. Кого ждём? Давай, полный газ — и вперёд, — голос на пределе, мотор на пределе.

— Понял, командир! Ну, держись, хлопцы, начинаем гонки с препятствиями, — Матвейчук щедро одарил фрицев матом и так газанул, что показало, двигатель выпрыгнет из креплений от перегрузки и останется на поле.

Две оставшиеся машины, маневрируя то вправо, то влево, стреляя на ходу, старались разбить линию танков противника. Матвейчук выжимал из Тишки всё возможное. Немцев догнали у разбитой водокачки. Те, залепанные грязью, врезались в размокшую землю гусеницами до половины, не могли развить должной скорости для отрыва.

— А нам не привыкать по грязи скакать! Да куда вы от нас денетесь? — Матвейчук кричал, наполовину сбавивая крики матом. Замыкающий получил снаряд, подарок от Иваныча, прямо в квадратный зад.

— Гори, гори ясно, чтобы не погасло! — у Матвейчука было отличное настроение. У второго от прямого попадания взорвался бак с горючим.

— Какая приятная картина! Иваныч, покажи им, где раки зимуют! — Матвейчук перешёл на радостный визг. — Гляди, командир, горят себе за милую душу!

— Прыть свою поубавь, прижмись к ложбине, — младший лейтенант до рези в глазах следил за боем. — Немцы резко пошли на разворот. Решили покончить с нами, вытащить у себя занозу из задницы, а затем заняться станцией.

Используя момент, Иваныч всадил ещё один снаряд в борт фашиста. Схема командира работала безотказно. Да и Иваныч оправдал своё звание лучшего стрелка в бригаде. Не всегда количество переходит в качество. Танки противника стреляли непрерывно. Маневрировать с каждой минутой становилось всё труднее и труднее. У немцев цейсовские прицелы. Чуть замешкался в манёвре — получишь снаряд в броню. Да и расстояние, тем более количество машин противника, были далеко не в нашу пользу. Иваныч ещё раз произвел выстрел. Но снаряд срикошетил от лобовой брони фашиста.

— Мы не гордые, повторим ещё раз!

Но повторить не успел. Раздался сильный удар. Показалось, что огромный паровой молот ударил по корпусу «тридцатьчетвёрки». Отчаянно вскрикнул Понамарь. Иваныча что-то с силой стукнуло по голове. В глазах заплескались красные волны. Рядом что-то надрывно кричал младший лейтенант. Вонючий дым горячей солёнки забивал горло и резал глаза. Языки пламени заполнили пространство вокруг.

Иваныч последним усилием дослал снаряд и произвёл выстрел. Что было дальше, он уже не видел. Матвейчук, охваченный пламенем, с отборным матом гнал своего Тишку на таран.

Рядом без признаков жизни горел Понамарь. Двигатель в последнем рывке бросил «тридцатьчетвёрку» вперёд. От сильного удара раздался мощный взрыв. Рванули снаряды и горючее.

У фашиста сорвало башню. Она, словно картонная коробочка, крунулась в воздухе и рухнула в нескольких метрах от охваченных пламенем танков.

Был последний день августа. Под дождём шипела раскалённая броня.

...У Иваныча в саду наливались медовым соком яблоки, со стуком пада-

ли на землю. Огуречные грядки, оставленные без присмотра, заросли травой. Дом был пуст. Раскрытые настежь двери вздрагивали под порывом ветра, словно приглашая в пустые комнаты своего хозяина. Окна, заклеенные крест-накрест бумагой, печально смотрели в небо. На заросшую травой тропинку от крыльца до калитки с весны не ступала нога человека.

Похоронка в семью Матвейчука пришла с большим опозданием. Всей деревней оплакивали работающего, добродушного парня. Соседка, молодая девчонка Даша, ещё долго с надеждой ждала Колюку долгими зимними вечерами, поглядывая в окно, не веря похоронке.

Мать младшего лейтенанта Ковалёва, получившая перед этим похоронку на мужа, не смогла пережить двойную потерю.

Родных стрелка-радиота Понамаря так и не смогла найти похоронка. Дом, в котором проживала его семья, разбомбили немцы. На его месте была груда кирпичей, у основания которой лежала раздавленная танком детская коляска.

... Минут через сорок к месту боя прибыло подкрепление. Но в этом уже не было необходимости. От горевших танков к небу поднимались клубы чёрного дыма. И где-то там, на окраине города, жила обычной жизнью железнодорожная станция, опорожнявшая цистерны с горючим для боевой техники перед завтрашним наступлением.

А дождь шёл, не переставая. Крупные капли, похожие на слёзы матерей, оплакивающих своих погибших сыновей, скатывались по изувеченной от сильного взрыва горячей броне «тридцатьчетвёрки».

Был последний день августа.

7 апреля 2020г.

Слово сладкое – Победа!

Моему деду Алексею посвящается

Пьеса в стихах

1943 год.

Бревенчатый блиндаж, в центре деревянный стол, на столе керосиновая лампа, вокруг стола группа офицеров, склонившихся над картой.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ

Обращается к вошедшему капитану:

— Ну как, жива ещё пехота?

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Вёрст пять ползли, ещё охота.

Мы вроде не Балтийский флот,

На брюхе плаваем в болоте.

Едим один подножный корм,

Глядишь, как лошади заржём.

Патронов...*(махнул рукой)*,

да что тут говорить...

По факту, надо отступить.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Нытьё отставить, капитан.

Пока что всё идёт по плану.

Напоминать не перестану:

Всем до последнего — стоять!

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Понятно, как тут не понять.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— К нам пополнение в пути.

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Нам без него не обойтись.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— А не удержим высоту,

Вас отговорки не спасут.

За промах с каждого спрошу.

МАЙОР ПЕТРОВ:

— Понятно это и ежу.

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Из моих трёх осталась рота,

И у меня одна забота —

То, что осталось, сохранить.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Ну, так и быть,

Своих связистов отдаю.

Бери, пока не передумал,

А к ним в придачу и хозвзвод.

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Он положенье не спасёт.

Хотя подумать, в общем, надо.

МАЙОР ПЕТРОВ:

— Нам к пушкам бы чуток снарядов,

Еще бы парочку Катюш...

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Майор, послушай,

Умерь свой скромный аппетит,

Тут без тебя душа болит:

Чем буду я бойцов кормить?

Расстрелян «Мессером» обоз...

Как дальше быть?

Вот в чем вопрос.

Подходит к полковому телефону,

крутит ручку:

— Седьмой, седьмой, ответь второму.

Алло, ни слова не понять...

Со связью перебой опять.

Да-да... я ничего не слышу...

Седьмой, седьмой, ты что молчишь?

Так точно, слушайте, докладываю.

Нет, к сожаленью, не поражаю.

От рот осталось только пять,

И в каждой — взвод, если считать.

Фашисты валят напролом,

Куда ни плюнь — они кругом.

Мы их едва уgomонили,

Артиллеристы подсобили,

Им от меня большой поклон.

Майор Фролов?

Погиб в бою вчерашнем он.

Вместо него майор Петров.

Разведка?... Ждём... Сержант Крючков

Уверен, он не подведёт.

Проньра, такой не пропадёт,

Умрёт, но языка доставит

И говорит его заставит

(Слушает.)

Одна надежда — комсомольцы,

Они почти все добровольцы.

Да, тут...

Со мною рядом, политрук.

А, коммунисты, как всегда,

Мы не отступим никогда.

Поляжем все до одного.

Так точно! Я всегда готов

Пролить до капли свою кровь

За Сталина и Родину свою!

Не посраим себя в бою!

(Вешает трубку на телефонный аппарат,

подходит к столу.)

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Приказ: насмерть стоять

За каждую пядь!

Не выдержим, угробим переправу...

Нас без поддержки не оставят,

Боеприпасов три полторки

В грязи застряли *(показывает на карте)*

здесь, возле хутора.

Рядом слышится разрыв снаряда, с

бревенчатого потолка сыплется земля,

откидывается плащ-палатка,

заменяющая дверь, входит старшина с

ППШ на груди.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— А... старшина Ковальчук,

Без тебя я, как без рук.

СТАРШИНА КОВАЛЬЧУК:

— Разрешите доложить?

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Раз вошёл, ну, так и быть.

СТАРШИНА КОВАЛЬЧУК:

— За пригорком у реки

Застрели грузовики,

В них патроны и снаряды.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ: — То, что надо!

Обращаясь к капитану Иванову:

— Капитан, мочало не жуй,

Давай дуй,

Доставку организуй!

Капитан со старшиной выходят,

доносятся разрывы и автоматные очереди.

Полковник взглянул на часы:

— До рассвета три часа.

Вновь не сладилось поспать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же блиндаж. Полковник курит и рассматривает карту на столе. Входят майор Петров и капитан Иванов, за ними сержант Крючков. Майор с капитаном садятся за стол, сержант по стойке смирно стоит у стола в маскхалате, в пилотке, с немецким автоматом на груди.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Я ждал, сержант, тебя вчера.

СЕРЖАНТ КРЮЧКОВ:

— Так не заладилось с утра.

Весь день в лесочке отсидели,

Пошло не так, как мы хотели.

Пришлось немного пострелять,

Затем по лесу попетлять.

Погоню сбросили с хвоста,

Но задержались у моста.

Дождались танков и рванули...

Три «Тигра» в речке утонули,

Застопорили фрицам ход,

Железку обошли в обход,

По ней фашист к нам так и прёт.

Охрана, жаль, не подберётся,

Взорвать бы с фрицем паровоз.

Хотелось, но не довелось.

А с языком, тут всё в порядке:

Лежит в сенах, слегка помятый.

Расскажет всё и обо всём,

Портфель со схемами при нём.

Был, правда, выбор не велик.

Решили мы проблему вмиг,

В машине шины продырявили

И выйти фрица к нам заставили,

И вот он здесь, у ваших ног,

Лишь стоит выйти за порог.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— А ну-ка, где? Хвались трофеем!

А чай попить ещё успеем!

Все направляются к выходу, через некоторое время возвращаются.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Сержант, конечно, не подвёл!

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Что говорить, сержант — орёл!

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Пусть перед боем отдохнут.

Слышится шум летящего самолета.

Хотя фашисты не дадут.

Бойцы накормлены, живём.

Ну, что, товарищи, начнём?

Обращается к офицерам:

— Гранат, патронов не жалеть!

Персонально артиллеристу майору Петрову:

— А танки, что прорвались, сжечь!

Важней всего нам переправа,

За нами дело правое.

Героям павшим слава!

Забыть про слово «отступать»,

Всем до последнего стоять!

Входят четверо молодых офицеров в новом обмундировании с политруком.

ПОЛИТРУК:

— Разрешите?

ПОЛКОВНИК ДАНИЛОВ:

— Давайте, лейтенант, входите.

ПОЛИТРУК:

— Вот пополнение для нас.

ПОЛКОВНИК ДАНИЛОВ:

— Ну, в самый раз!

Офицеры представляются:

— Лейтенант Суслов, лейтенант Егоров,

лейтенант Прошкин, лейтенант Кошкин.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Я вижу, только из училища вчера.

Надеюсь, что учились там не зря?

Лейтенанты хором:

— Так точно!

Закончили курсы досрочно,

Разрешите приступать!

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Вам доводилось воевать?

ЛЕЙТЕНАНТ ПРОШКИН:

— Пока что нет, но мы готовы!

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Да что вы...(грустно улыбнулся, махнул рукой)

Раз так, откладывать не будем,

Нас ожидает трудный бой!

В блиндаже слышатся разрывы снарядов и автоматные очереди.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ капитану Иванову:

— Лейтенантов в курс введите,

По окопам распределите,

Не забудьте, накормите.

Вбегает боец с автоматом в руках.

БОЕЦ:

— Фрицы!..

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Лейтенанты, за мной!..

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Ну, началось, ну, понеслось...

Так, где мой автомат? Ни шагу назад!

Хватает ППШ со стены и выбегает со всеми из блиндажа.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

У окна полковник Беляев с биноклем в руках осматривает поле боя, рядом капитан Иванов, слышны выстрелы орудий и автоматные очереди.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Как танки к переправе ни спешили,

Орлы Петрова их остановили.

Я думал, «Тигры» не горят.

Горят, и радуют мне взгляд!

Вот с авиацией, брат, туго.

Связался с штабом на досуге...

С резервом плохо, но пришлю.

Разрушить переправу не дадут.

КАПИТАН ИВАНОВ:

— А штрафники все полегли, до одного.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Подашь мне список, не забудем никого.

Посмертно каждого из них награда ждёт.

Фашист свихнулся, прёт и прёт.

Куда отступать?

В тылу жена с детьми, отец и мать,

Прошло то время, до столицы отступали,

Каждый метр кровью поливали.

Пришла пора, с фашистами местами

поменялись.

Незванный гость,

Что в горле кость.

Раззявил рот на чужой урожай,

Знай,

Подавишься.

Навечно в той земле останешься...

Смотрит в бинокль на правый фланг:

— Две пары танков прорвались,

Настал момент, вот дождались,

Готовые, капитан, гранаты.

Вперед за Родину, солдаты!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Блиндаж. Полковник Беляев с перебинтованной головой, майор Петров, капитан Иванов. Двое связистов отключают полевой телефон, укладывают его в ящик, скручивают в бухту

отсоединённый провод.

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ:

— Ну что, товарищи, переезжаем!

Фашист бежит, и я не знаю,

Успеем ли вдогон за ним! *(смеётся).*

МАЙОР ПЕТРОВ:

— Вы вперёд, а мы за вами.

В срок орудия доставим,

Покою фрицам не дадим.

Вперед, на запад, на Берлин!

Переправу отстояли,

Фрицам в морду надавали.

КАПИТАН ИВАНОВ — полковнику:

— Вы преподали нам урок.

Вначале я понять не смог:

Передо мной, невдалеке

Вы... ползком с гранатой в руке...

И танк горит на бугорке!

Мы все за вами, как один

В огонь и воду, на Берлин!

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ *(вздыхнул):*

— Четыре роты потеряли,

А переправу отстояли!

Те, вчерашние курсанты,

Молодые лейтенанты,

Слава им, не подвели!

На поле боя полегли,

Рядом с ними политрук.

Что-то сердце колет вдруг.

Поглаживает ладонью грудь в области сердца.

Пацаны совсем на вид,

У меня душа болит.

Матерям их напишу,

Все подробно расскажу.

У меня же сын такой,

Пал в сражении под Москвой,

В оккупации жена...

Неизвестно, где она.

Слово страшное — война!

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Слово сладкое — Победа!

Входит старшина Ковальчук с котелками каши в руках, ставит на стол.

СТАРШИНА КОВАЛЬЧУК:

— Товарищ полковник, вот обед,

И чаёк сообразим,

Мигом сбегая за ним *(быстро выходит).*

ПОЛКОВНИК БЕЛЯЕВ капитану Иванову:

— Ну, что, бравада пехота,

Есть у нас ещё работа.

КАПИТАН ИВАНОВ:

— Да, маршрут у нас один:

Прямым ходом, на Берлин!

7 января 2020 г.

Дожить до рассвета

Афганистан, 1986г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Капитан Белов и рядовой Тресков прикрывают отход разведгруппы, преследуемой душманами.

КАПИТАН — рядовому:

Попробуем прорваться,

(даёт очередь из автомата)

Есть смысл попытаться.

Не дрейфь, боец,

Ещё не конец...

Нам не привыкать...

Запас патронов есть пока,

В таком дерьме не первый раз.

Что этот перевал для нас?

Передохнём и вверх махнём.

Бывало впору и похуже:

Бьют миномёты — ты мордой в лужу.

Но нас нахрапом не возьмёшь

РЯДОВОЙ ТРЕСКОВ:

— Погибнуть можем ни за грош.

КАПИТАН:

— Салага, врёшь...

Запаникуешь, пропадёшь!

Крепись, боец, не падай духом,

Расслабишься, получишь в ухо.

Ну, хватит слюни распускать...

Ну что лежим? Пора вставать!

РЯДОВОЙ ТРЕСКОВ:

— Я не могу, нет больше сил.

КАПИТАН:

— Заткнись боец, ты что забыл

Устав и данную присягу?

РЯДОВОЙ ТРЕСКОВ

(осматривая себя):

Ну, что за хрень, ну, зашибись!

Я потерял с водою флягу.

КАПИТАН:

— Ну что орёшь, а ну, уймись!

Перепугаешь криком духов.

Они везде, они вокруг..

Завалят враз, как дважды два,

Смекаешь, дурья голова!

РЯДОВОЙ ТРЕСКОВ:

— Так точно, понял, не тупой.

КАПИТАН:

— Куда рванул? А ну постой...

(передает ему свою флягу с водой)

Глотни немного, два глотка.

Лежи, не дёргайся пока.

Я понемногу осмотрюсь,

Минуты через две вернусь.

Перезарядив автомат,

отползает в сторону.

РЯДОВОЙ ТРЕСКОВ

(отхлебнув воды из фляги негромко,

про себя):

— Афган водою не богат.

А без воды —

Всего два шага до беды.

Вот так-то, брат,

А командир наш молодец!

Наш лучший друг, верней, отец.

В минуту трудную поможет,

Даст подзатыльник, спать уложит,

Поднимет рано поутру.

Зарядка в холод и жару —

По расписанию и в срок.

Для нас он — батя, мать и Бог

Он добр в меру, в меру строг,

Что говорить, такой как надо:

Всегда поможет, всегда рядом.

Слышны два взрыва гранат подряд,

немного погодя появляется капитан.

Слышны автоматные очереди.

КАПИТАН:

— Истратил парочку гранат,

Дал жару духам, и обратно.

Пусть подуркуют, пошумят

И нас с тобой повеселят.

Минут с десятков подождём

И к перевалу поползём.

Где фляга, рядовой? Верни!

Смотри, вояка, не засни!

Рядовой, передернув затвор

РЯДОВОЙ:

— Я, между прочим, из России,
Из Черноземья.
Там, где рос,
Одни лишь рощи из берёз,
Равнина и кругом поля...
И гор таких не видел я,
Добра такого нет в помине,
Они там, впрочем, ни к чему,
Намного проще жить в низине.
КАПИТАН:
— Боец, я что-то не пойму:
В горах ходить ты не умеешь,
Жрёшь воду, устаешь, потеешь,
В учебке опыт не обрёл,
Строптивый, вздорный, как осёл.
Ну, ничего, всему научим.
Не первый раз, не первый случай.
Ошибки будем исправлять,
Приказы надо исполнять.
РЯДОВОЙ (шутливо):
— Так точно, что тут не понять?
Что медлим, можем начинать.
Я хоть сейчас на гауптвахту!
КАПИТАН:
— Вернёмся в роту и начнём,
С губой немного подождём,
Всё по уставу, по порядку.
Боец, уверен, выйдет толк,
Не посрамишь десантный полк.
Не сомневайся, разберёмся.
РЯДОВОЙ:
— А если в роту не вернёмся,
Кого учить и исправлять?
КАПИТАН:
— В полку таких десятков пять,
Как ты, Тресков, одни салаги.
Самоуверенные, наглые —
Все после школы пацаны,
Совсем не знавшие войны.
Сюда бы надо дембелей,
С ними служить повеселей.
Да брось, боец, не обижайся,
Команды исполнять старайся.
Тебя в обиду я не дам.
Вернуться в роту жажду сам.
Не первый раз, боец, прорвёмся.
Даст Бог, опять к своим вернёмся.
Продолжим Родине служить
И честью роты дорожить.
РЯДОВОЙ:
— Утешили, а что сейчас?
Есть шансы выбраться у нас?
КАПИТАН:
— Не выставляйся напоказ,
Не будь для снайпера мишенью.
А если есть в башке сомненья,
Смотри на старших и молчи,
Перед глазами не торчи,
Найди позицию получше,
Не пререкайся, жди и слушай.
(замолчав, прислушивается)
Обманчивая тишина...
Где мой помощник, старшина?
Сейчас он был бы очень кстати...
Ташкент. Больничная палата.
Лежит, жирует, словно кот.
Но повод скуке не даёт.
Без ног красивый, молодой,
Через неделю в Крым, домой.
На поле минное нарвался,
В ловушке духов оказался.
Не дрогнул, молодняк сберёг,
А сам себя спасти не смог.
Такие же, как ты, салаги,
Как овцы, блеяли от страха,
Поддались панике. И вот,
В горах остался целый взвод.
Мотай на ус, вникай и слушай,
Открой глаза, прочисти уши...
Я это говорю к чему?
Раз вас призвали на войну,

Пора взрослеть и стать мужчиной.

РЯДОВОЙ:

— А я что, выгляжу дубиной?
КАПИТАН:
— Пока что нет, но есть намёк,
Запомни главный свой урок:
От командира — ни на шаг.
Вокруг душманы, вокруг враг,
Наизготовку автомат —
Будь повнимательней, солдат!
Раздаются автоматные очереди.
Ну вот он, лёгок на помине.
Есть шанс у нас, они в низине,
Мы наверху среди камней,
К нам подобраться посложней.
Они для нас, как куропатки,
Все под прицелом — на виду.
Держись, боец, ... идут...
Слышен крик «Аллах-Акбар!», капитан бросает гранату, за ним рядовой Тресков, слышны взрывы и крики раненых.
КАПИТАН:
— Поимели, что хотели!
Даём урок душманам впрок.
Начнём по малой отступать...
(хлопнув рядового по плечу)
Пошёл, я буду прикрывать.
Рядовой отползает в сторону, нытается, привстать и вскрикивает от боли.
РЯДОВОЙ:
— Кажись, бочину зацепило...
КАПИТАН, (сплюнув):
Давно мне мама говорила:
«Иди, учись, в пединститут,
На службу с вуза не берут.
Там, в армии, без вас хватает...»
Кто не послушал, так бывает,
Жара, стрельба и пыль глотаешь
И часто маму вспоминаешь.
Чему дано, тому и быть!
Кому-то надо и служить!
Подползает к раненому:
— Давай-ка, рану погляжу,
Попробую, перевяжу...
Кончай стонать, скрипеть зубами
И матом не касайся маму.
Она тебя, балбеса, ждёт,
Поди, ночами слёзы льёт.
РЯДОВОЙ:
— Ну, сорвалось, я по привычке...
Согласен, каюсь, неприлично...
КАПИТАН:
— Вполне же можно жить без мата.
(перевязывает рядового)
В достатке есть бинты и вата.
Царапина, терпи, солдат.
РЯДОВОЙ:
— Да я бы рад,
Но вот досада,
Нога от боли онемела.
КАПИТАН:
— Да так, слегка, бедро задело.
Ты полежи, а я за дело.
Не паникуй, Тресков, так надо.
Поворачивается в сторону противника, даёт автоматную очередь и следом бросает гранату.
Заткнулись, вот теперь порядок!
Рядовому:
Передохнул? Ползком вперёд!
Время не ждёт.
Ориентир — тот серый камень.
Меня не жди, я здесь останусь,
Душманам стану объяснять,
Что нас нет смысла догонять.
Оставь мне парочку гранат.
Давай вперёд, а я назад.
Устрою небольшой парад
Отваги нашей и оружию,
Без строевой, по боевой.

Ну, что качаешь головой?

Давай, давай, боец, так нужно.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Рядовой Тресков лежит у камня с автоматом наизготовку, из-за скалы, пригнувшись, появляется капитан.

КАПИТАН:

— Тресков, смотри-ка, не шмальни,
А ещё хуже, не засни.
Что, по запарке не признал?
Дай отдышаться, так устал,
Как будто разгружал вагоны.
И пулю получил вдогон
(трогает плечо)
А зацепило так, слегка...
Свалял немного дурака:
Заторопился, заспешил
И в плен едва не угодил.
Спасла последняя граната.
Нас помнить долго будут, гады.
А ты ничё себе махнул...
Капитан посмотрел на пройденный рядовым путь и похлопал Трескова по плечу:
— Там, за рекой, внизу аул,
(показывает рукой вниз)
За поворотом — наш блок-пост.
Шагаем к ним, всё очень просто.
Помашем басмачам привет.
(показывает красноречивый жест руки, согнутой в локте)
Они — сюда, а нас тут нет!
Боец, опираясь на ствол автомата, как на костыль, вместе с капитаном двигаются в сторону спуска, им вдогон слышны автоматные очереди.
КАПИТАН:
— Ну вот, досада, не попавший в рот,
Упавший наземь бутерброд.
Враг расслабляться не даёт,
Придётся, видно, задержаться.
Оба прячутся за обломком скалы.
Попробую не выражаться,
А хочется, ну, мочи нет.
Пропал на блок-посту обед.
РЯДОВОЙ:
— Пожрать, конечно, не мешало.
Как это, командир, достало.
КАПИТАН:
— Да брось, привыкнешь, всё пройдёт.
РЯДОВОЙ:
— А может стать наоборот,
Нас пустят запросто в расход.
КАПИТАН:
— Закрой-ка свой болтливый рот.
Молчи, накаркаешь беду!
РЯДОВОЙ:
— До блок-поста я не дойду.
Стал, командир, тебе обузой.
Дай мне воды, напьюсь от пуза,
И, может быть, в последний раз...
КАПИТАН (подавая флягу):
— Сейчас как врежу между глаз!
РЯДОВОЙ:
— Всё, командир, отбой, шабаш!
Я больше с места ни на шаг.
Решенье принял, остаюсь!
(даёт очередь из автомата).
С душманом встречи не боюсь,
До блок-поста мне не дойти.
Давай, не медли, уходи.
Их постараюсь задержать,
Когда-то надо начинать
Не отступать, а воевать.
КАПИТАН:
— Ну, отмочил, уже бегу...
Скажи, как дальше жить смогу,
Спихнув бойца на произвол.
Патроны есть и нож, и ствол...

(постучал кулаком по автомату)

Ты что, боец, ты что метёшь,
Своим словам отчёт даёшь?
Давай, приподнимай свой зад,
Ты что, с ума сошёл, солдат?
Доковыляешь до своих,
Я повоюю за двоих.
В такой фигне не первый раз...
(даёт очередь из автомата)
Что онемел? Исчезни с глаз.
РЯДОВОЙ:
— Дай, командир, последний шанс!
КАПИТАН:
— Я говорю в последний раз.
Пока мы будем пререкаться,
Есть шанс здесь навсегда остаться.
Приказы старших исполнять!
Ну, сколько можно повторять?
Толкает бойца в плечо и даёт короткую очередь из автомата в сторону врага.
Ты что, глухой?
Хотя, постой,
Патроны отгрузи-ка мне,
Мой почти уже на дне.
РЯДОВОЙ
передает капитану магазин и гранату:
— Последний магазин с гранатой...
Надеюсь, свидимся, когда-то.
Обнимает капитана.
КАПИТАН:
— Боец, конечно, без вопросов.
Ты что, Тресков, не хлюпай носом.
У нас всё будет на мази.
Ну что ты ждёшь, давай, ползи.
Тот медленно отползает в сторону.
КАПИТАН:
— Вот так-то, брат, да всё путём!
Ну, где вы там? Давай начнём!
И ещё одна короткая очередь в сторону духов. Отбросив пустой магазин, капитан вставляет последний, отданный Тресковым. Небольшая передышка. Капитан достаёт флягу с водой, делает несколько глотков и пустую отбрасывает прочь.
— Вздремнуть хотя бы на часок
В казарме, ноги в потолок.
Лежать, не думать ни о чём.
А тут ещё болит плечо...
Переживём, пока терпимо.
Автоматная очередь прошла совсем рядом.
Ха-ха, душманы, вот вам! Мимо...
(показывает мужской, конкретный жест)
Пора позицию сменить.
Пора, да что там говорить...
(осматривается вокруг)
Да тут тюльпанов, пруд пруди.
А запах, с ума бы не сойти!
Природе пофигу война,
Живёт по-своему она:
Весна — весной, а лето — летом.
Хотя сейчас я не об этом.
Как дома там отец и мать?
Невеста обещала ждать.
Как всё нескладно, кувырком,
Всегда живём одним лишь днём,
Всё оставляем на потом.
А надо жить всегда, сейчас,
Так мало времени у нас!
Ну, капитан, пришла пора,
Дожить бы только до утра!
Беловым, нам, не привыкать,
В боях за Родину стоять!

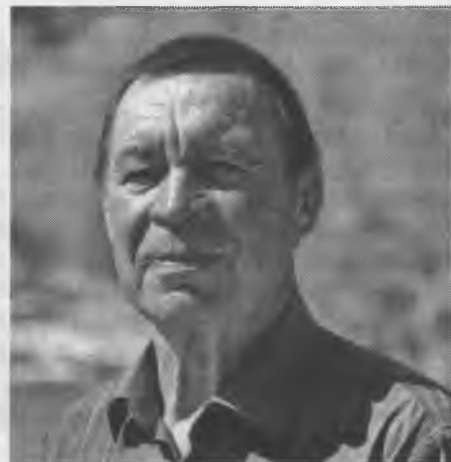
Слышны автоматные очереди, через промежуток — взрыв гранаты, и наступает тишина. На склоне среди тюльпанов лежит погибший капитан Белов, а в небе загорелось яркое зарево рассвета.

20.12.2019 г.

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет. С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагол. С 1981-го по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку. С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба Ю и ЧС, затем в дирекции по безопасности Евразруды. Самые большие увлечения – это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году, попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедры, курумники... В свободное время пишет рассказы, которых накопилось за бурную жизнь много.

Это был всего лишь сон

Валентин ждал приближения длинной ночи, долго вертелся, переворачиваясь с боку на бок на ставшей привычной больничной койке. Он давно заметил, что ночью ему становилось особенно плохо. Молодой организм, отравленный невидимым излучением, боролся за жизнь, помогал его владельцу оставаться на этом свете.

Ночью свет жёлтого уличного фонаря проникал в палату. Всё становилось нереально действительным. Окружающие предметы расплывались, а их тёмные очертания напоминали дивных чудовищ, которые пришли в палату, чтобы забрать его молодую жизнь.

Не любил он приближающейся ночи, когда его общительность не помогала, и он оставался один на один со своей болезнью.

Всё произошло банально просто. В первый месяц службы их взвод направили за ограждение. Там, у заброшенной шахты, взводный определил фронт работ по извлечению нержавеющей труб. А сам отошёл и задремал под ласковыми лучами летнего амурского солнышка.

Работа была сделана быстро. Не видя командира, несколько солдатиков, и Валентин в их числе, решили рассмотреть шахту, где ещё недавно стояло на боевом дежурстве Изделие.

Попав внутрь, Валентин мысленно представил, как оно стояло здесь, это грозное оружие. Оно было заряжено на смерть и несло смерть, не разбирая личностей. Этот разящий меч и создавался для того, чтобы убивать много людей сразу, и ещё больше – убивать медленной, мучительной смертью, в болях и страданиях.

Находясь в шахте, Валентин чувствовал, что находился рядом со смертью. Хотя и не было Изделия здесь, но в других шахтах, находящихся рядом, они стоят. Дышат. По их жилам-проводам пробегают токи. Мозг – ЦПУ – не дремлет. Он в постоянном ожидании команды «Пуск», то есть «Смерть». А это одно и то же.

Посмотрели они тогда и ствол, и пульт управления, и полузаотопленные помещения, отделанные стеклянным кафелем. И получили радиоактивное заражение...

Медсестричка срочной медицинской службы, призванная в армию, как и он, на сей раз удачно поставила капельницу и сделала уколы в вену. Положила на тумбочку горсть таблеток. Пожелав спокойной ночи, удалилась

на свой дежурный пост. Валентин остался в палате один. Глаза его невольно останавливались на койке в противоположной стороне палаты.

На ней ещё недавно лежал его сверстник, солдатик, работавший на заправщике и отравившийся «продуктом обеспечения работы Изделия». Попростому, получил ожог, несовместимый с жизнью.

Валентин до сих пор слышал его голос и рассказ о том, что он будет делать, когда уйдёт на гражданку. При этом подробно, в мелких деталях, рассказывал о своём будущем доме с резными наличниками, палисаднике с сиренью белого цвета, автомобиле «Москвич-408» обязательно тёмно-синего цвета. И, конечно, о своей школьной подруге Людмиле, которая ждала его возвращения. Ведь они обо всём этом переговаривали перед проводами на службу. Ему оставалось лишь вернуться домой.

Валентин, знавший от медсестричек, что сосед по палате, по всей видимости, не выживет и держится только за счёт здорового сердца, пытался подбадривать его, рассказывая были и небылицы, анекдоты и сказки, которые сам придумывал. А они почти все были с участием его друзей, родственников, невесты, и обязательно со счастливым концом, как в зарубежных фильмах. Там главный герой всегда выживал и жил дальше богато, долго и счастливо.

Они оба в этот момент отвлекались от страшной действительности, которую им уготовила Судьба. Забывали, где они и что их может ожидать в ближайшем и дальнейшем будущем.

Умер сосед во сне. Перед утром Валентин проснулся от громкой фразы, прозвучавшей в тишине:

— Я-и-д-у-к-т-е-б-е!

А после этого услышал глубокий вздох и хрип, похожий на всхлипывание после плача.

«Уснул, наверное», — подумал Валентин, даже не представлявший, что стал свидетелем ухода из жизни молодого парня с его мечтами о дальнейшей жизни.

Удивительно, но остаток ночи он проспал относительно спокойно и проснулся от утренней суety медперсонала у койки больного товарища.

Валентин понял, что тот умер, когда увидел его пожелтевшее и осунувшееся лицо, которое медсестра или санитарка закрывали краем пододе-

яльника, оголив при этом жёлтые ноги покойника...

Валентин остался в палате один. Днём он выходил в коридор и прохаживался по нему вперёд и назад. Заглядывал в палаты через приоткрытые двери. Один раз заглянул в ту палату, где когда-то находился после ранения герой Даманского Виталий Бибенин. Эта палата была заселена новыми больными, которые ничего не знали про того человека.

Встречался Валентин с молодыми сестричками. Пытался поговорить с ними, улыбнуться им. Видел в ответ жалость, сочувствие и сожаление, когда те невольно обращали внимание на проплешины на голове от выпавших волос и чёрные роговые остатки ногтей правой руки. Чувствуя себя изгоем, быстро возвращался в палату. Ложился на аккуратно заправленное суконое одеяло и начинал, успокаиваясь, глядеть в потолок.

Он вспоминал, что на Алтае, где жила его семья, последствия облучения местные жители лечили красным вином. Там даже была присказка, что радиацию и паразитов в печени лучше всего травить спиртным.

Госпиталь был военным и находился в центре городка на берегу Великой реки. Обслуживающий персонал, как и врачи, проживали в большей части рядом с ним. Пропускной режим не был строгим. Сотрудники при проходе через КПП не досматривались.

Валентин попросил молодую санитарку купить ему большую бутылку вина «Вермут» и принести чеснок. Надеялся, что вино поможет забыть на некоторое время про его болезнь, а чеснок, если его пожевать и приложить к голове, поможет восстановлению волос и ногтей.

Санитарка принесла то, что он просил. Вечером позвал бедолагу-автомобилиста, солдатика из автобата, разбитного парня, балагура и весельчака. Из его рассказа, ещё раньше, узнал, что они, а «дедов» было более десятка, решили выпить спирта. Разлили по кружкам и выпили. Только это была антиморозная жидкость. Из живых он остался только один. Третий месяц лежал в этом госпитале на излечении.

Валентин разлил вино по двум стаканам из-под компота, оставшихся на тумбочке после ужина. Солдатик быстро выпил, а Валентин решил посмаковать, растянуть удовольствие. Он сделал несколько небольших глотков,

как неожиданно в палату вошёл завотделением — майор медицинской службы. Он сразу почувствовал запах вина, который не перепутать ни одному мужику с запахами лекарств.

Валентин, глядя в глаза вошедшему, спокойно допил вино и поставил стакан на тумбочку.

— Компот? — спросил врач.

— Да, — спокойно ответил Валентин.

— После ужина зайдёшь ко мне в ординаторскую, — сказал доктор.

В состоявшемся позднее разговоре Валентин рассказал, как лечат радиацию на Алтае. И он тоже решил попробовать.

— Сам можешь! Вреда тебе от этого не будет. А другим не наливай. Накажу! — спокойно посоветовал майор.

После их разговора Валентин вино больше не покупал. Денег не было, и желание выпить тоже отсутствовало. На этом его алтайский эксперимент по лечению облучения и закончился.

После смерти соседа к нему в палату никого не подсадили, и он оставался один.

Как-то раз Валентина попросили зайти в ординаторскую. Незнакомый капитан медицинской службы спросил его, знает ли он химию. Получив утвердительный ответ, ничего ему не сказал, а отправил в палату. Сам остался с завотделением.

Валентин ничего не понял. Но стал чувствовать тревогу и надежду.

Однажды ночью ему приснилась одноклассница Тоня. Они вдвоём после танцев в клубе решили прогуляться по окрестностям своего села и встретить рассвет на сопке, с которой так любили в детстве кататься зимой на лыжах.

Тоня была спортивной девочкой, гибкой, длинноногой, с пышной копной выющихся рыжих волос. Она не была предметом внимания мальчиков-одноклассников. Даже сосед Коля отдавал всегда предпочтение её подруге — гордячке и задаваке, знающей себе цену.

Валентин во сне чувствовал её руки, обвившие его шею, когда переносил через обмелевшую речку на другую сторону. Чувствовал и здоровое молодое тело будущей женщины, доверившейся ему. Запах волос и предутренней свежести ощутил так, будто и впрямь был там, рядом с ней.

— Устал, Валя? — проговорила она нежным голосом.

Получив его утвердительный ответ,

продолжила тихо и ласково говорить:

— Так приходи ко мне. Отдохнёшь немного. Я тебя жду!

От её голоса Валентин проснулся и понял, что это был всего лишь сон. Но такой яркий и запоминающийся, будто и впрямь он только что побывал там, в своей юности, на Алтае.

Тогда он действительно приезжал на каникулы после второго курса института и повстречал свою одноклассницу Тоню, которая за два года повзрослела и стала очень привлекательной. Они, вдоволь нагулявшись, встретили рассвет на той самой сопке за рекой. Простились у её дома. Она обещала писать, а он отвечать. И, конечно, нацеловались до опухших губ и насмеялись вдоволь.

Валентин пришёл домой на рассвете, пробрался на летнюю кухню, где стояла кровать, поел молока с хлебом, заботливо оставленных матерью. Только начал засыпать, как услышал звук открываемой двери и вечный материнский вопрос:

— Когда пришёл, сынок?

Отвечать не стал, притворившись спящим.

Мать увидела мокрые от росы туфли и влажные брюки, поняла, что он пришёл совсем недавно и только что заснул...

Этот сон Валентин вспоминал часто. Он не знал, где находится в настоящее время Тоня и чем занимается. С последней встречи прошло почти четыре года. Переписка их тогда быстро прервалась, так и не начавшись серьёзно. Обошлось только двумя письмами. От матери, из её письма, узнал позднее, что она вышла замуж за какого-то военного...

Во второй раз Валентин встретился с капитаном-медиком через две недели. Он забрал его к себе в военный госпиталь, находившийся в пятидесяти километрах от города. Нагрузил работой — расчётами по химии, необходимыми для кандидатской диссертации. Попутно лечил Валентина, используя свои новые методики. И дело, как казалось Валентину, пошло на поправку. Волосы перестали выпадать. А ногти перестали чернеть, и на них образовалась тонкая розоватая плёночка. Появился аппетит. Но вкуса еды пока не чувствовал. Точнее, появилось желание съесть что-нибудь.

Однажды попросился съездить в город за конвертами. Капитан разрешил, выписав ему и ещё нескольким больным солдатам увольнительную записку.

Начали они с кафе. Там Валентин, выпивая по-тихому стакан вина, обратил внимание на смотревшего на него офицера среднего возраста.

Потом, на выходе, майор спросил про то, где он лежит, кто лечащий врач и чем его лечит. Попросил, чтобы капитан позвонил ему по телефону и передал клочок салфетки с номером.

— Слышал, о знакомых местах говорили. А я с другого города, он недалеко от того, где ты жил.

Так в Валькином лечении принял участие ещё один врач, оказавшийся земляком. И это ему помогло очень сильно.

После кафе решили прогуляться до набережной по бульвару. Шли гурьбой,

громко разговаривая между собой. И вдруг он услышал:

— Валя! Валентин! — раздался до боли знакомый голос.

С другой стороны бульвара подбегала красивая молодая девушка с копной каштаново-рыжих вьющихся волос и со всей силы обняла его. Прижалась всем телом, будто ища защиты. А потом начала целовать его лицо и губы, говоря сквозь нахлынувшие слёзы:

— Валентин! Ты, Валя? Как ты здесь оказался?

Он успел сказать, что это его одноклассница, с которой не виделся четыре года, и что её зовут Тоня.

Парни, которые были с ними рядом, увидев происходящее, пошли дальше, напомнив про автобус, который должен увезти его назад в госпиталь.

Насмеявшись от неожиданной встречи, радуясь и глядя в глаза друг другу, Валентин и Тоня присели на скамейку. Он успел сказать про свой сон, и что в нём всего две недели назад он видел её. Вспомнили оба про их совместный поход на сопку и как встречали рассвет.

Тоня поведала, что она вдова. Замуж вышла за флотского лейтенанта, служившего на базе КАФ (Красноармейской Амурской флотилии). Во время очередного патрулирования китайцы подожгли его катер, и он, как факел, загорелся и взорвался. Похоронили его на кладбище базы. Пока живёт одна в офицерском семейном общежитии. Детей у неё нет.

Она держала Валентина за рукав серой шинели и всё ещё не могла поверить, что с ней рядом близкий для неё человек. Продолжила, что её здесь больше никто не держит и оставаться, где многое напоминает о муже, которого она сильно любила, не хочет. Собирается переезжать ближе к родным, на Алтай, в краевой город или в Хакасию, где проживают её родственники.

Валентин на её вопрос, как он здесь оказался, не стал рассказывать о своей болячке. Почувствовал, что может только добавить неприятности и горя в её несладкую жизнь — остаться вдовой в молодом возрасте. Не каждой женщине такое «счастье» выпадает...

Потом, в госпитале, Валентин удивлялся своему сну, в котором ему приснилась Тоня, и их недавно состоявшейся встрече.

Видимо, сама Судьба свела их вновь вместе, чтобы из этого что-нибудь вышло.

Валькино лечение оказалось удачным. Его выписали и отправили в полк.

Перед самым дембелем он попал в свою казарму, в свой взвод и в свою роту. Там про него, видно, совсем забыли. С уважением и страхом смотрели сослуживцы на него, вернувшегося в строй будто с того света.

В первую ночь «деды» позвали его в каптёрку на дембельские посиделки. Валентин выпил предложенное вино в кружке. Побыл немного с ними и, извинившись, под понимающие, уважительно молчаливые взгляды удалился, чтобы побыть одному.

Он вновь возвращался к Жизни. К службе. К своим сослуживцам.

Чтобы продолжать жить дальше.

«Тёмная ночь...»

Маме моей посвящается

Отец в очередной раз в длительном отъезде. Мама, я и сестра Тамара лежим поздним зимним вечером под одеялом на одной кровати. Мама беременна, и пока мы не знаем, что будет у нас ещё и сестрёнка Нина.

Наша избушка, в которой есть только кухня и комната, стоит рядом с тополиной рощей. Её построил в конце деревни отец своими руками.

Из тополиной рощи раздаётся то треск, то скрип. Иногда в роще кто-то стонет, шёлкает, слышны автоматные очереди (это нам так казалось). Самым жутким было уханье филина, почему-то сильно полюбившего окрестности около нашего жилища.

Мама в то время его крики воспринимала как звуки, издаваемые лешим. Прислушивалась и просила, чтобы мы вели себя тише, громко не разговаривали. Филин, будто чувствуя, что его боятся, ещё громче ухал, кряхтел, хохотал. Казалось, он жаловался на свою горькую судьбу. Наверное, плохо быть брошенным в зимнем холоде на одиночество.

Электричества не было. По вечерам мама зажигала керосиновую лампу. Если не было керосина или разбавленного солью бензина, избу освещали жировиком, то есть поджигали фитилёк из намоченной в подсолнечном масле тряпочки, положенной на блюдце. По утрам свет шёл от затопленной русской печи.

Лежали мы в тот вечер в темноте с едва различимым светом из маленького окна в комнате. Мама рассказывала нам, как всегда перед сном, какие-нибудь истории, сказки, пела песни, которых она много знала.

Особенно нравились и запомнились народные песни про черёмуху и рябину кудрявую. Торжественно звучали песни военных лет: «22 июня, ровно в 4 часа...», «Идёт война народная». Но ярче всех запомнилась «Тёмная ночь».

Вспоминала мама о начале войны, и как они, молодые, после вручения комсомольских билетов, радостные,

пришли из района в деревню, а им сказали, что началась война. Были истории и про Запорожье, где мама работала на восстановлении разрушенного хозяйства, про мою родину — Ялту и наш дом у моря на берегу речки, и землетрясение. После очередных рассказов я попросил спеть что-нибудь.

В тот раз мама запела песню, начав словами: «Тёмная ночь, только пули свистят по степи...» Я был очень впечатлительный. От первых слов песни замер и представил живую картину происходящего. Песня целиком захватила моё сердце. Затаив дыхание, я слушал её, впитывая в себя слова и детским умишком понимал их глубокий смысл.

После слов: «...и у детской кровати тайком ты слезу утираешь...» мне сильно захотелось плакать. Сначала я начал всхлипывать, а потом заплакал на полном серьёзе. Слёзы градом лились из глаз. Я заревел. Меня поддержала сестра Тамара, которая тоже заплакала, видно, в знак солидарности со мной. К нам присоединилась и мама, а было ей тогда немногим более тридцати лет.

Выплакавшись, всхлипывая, стали немного успокаиваться. Слёзы перестали бежать из глаз.

Мама спросила:

— Саша, почему ты заплакал?

Ответил:

— Жалко тётю. И её мужа жалко, ведь его могут убить на войне. И девочку тоже жалко. Одна без папы, как и мы.

Мама, прижимая нас к себе, стала успокаивать и рассказывала, что после войны папа непременно вернётся домой к жене и дочке, и всё у них будет хорошо. Утром мы с сестрой проснулись от звуков потрескивающих дров. По стенке бегали блики. И в избе очень вкусно пахло. Это мама готовила завтрак...

Прошло много времени с тех пор. Нет той избушки, в которой мы когда-то жили. Состарились и попадали тополя, на их месте выросли новые, незнакомые. Подмыл берег и ушёл в новое русло Чарыш. Ушла в мир иной и наша мама. Светлая ей память.

Сочинение на тему «Как я провёл выходной день»

Молодая и красивая учительница русского языка и литературы Зинаида Григорьевна Ефремова очень нравилась нам, пацанам. У неё была идеальная фигура и пышные, выходящие пепельные волосы. В деревне она осталась после отработки обязательного стажа после окончания института из-за того, что вышла замуж за нашего местного парня — водителя грузовика.

Зинаида Григорьевна много делала для того, чтобы ученики стали грамотными и умными людьми. Для этого использовала весь арсенал знаний, полученных в институте. Поощряла написание сочинений даже в поэтической форме. То есть ученики приобретали первый опыт написания литературных опусов.

Для тренировки навыков изложения на бумаге своих наблюдений в обществе и природе и, конечно, для проверки грамотности учительница использовала свой любимый приём — сочинение. После выходных она задавала задание: написать сочинение на тему «Как я провёл выходной день».

Мы должны были передать на бумаге свои впечатления о пользе прошедших выходных, а заодно учительница всегда была в курсе того, чем мы занимались по воскресениям.

Писали эти сочинения все ребята нашей школы. Досталась эта участь и мне, и моему двоюродному брату Вовке Зубову, ученику пятого класса.

После проверки сочинений Зинаида Григорьевна некоторые заслуживающие внимания опусы зачитывала перед классом. Такие чтения сопровождалась не всегда лестными комментариями учителя и абсолютно расходились с мнениями самих авторов.

Литературные произведения местного уровня учительница подвергала такой критике и всеклассному обсуждению, что напрочь отбивала у школьника всякое желание заниматься дальнейшим сочинительством.

Практически все мы, ученики школы, прошли через это разбирательство и никак не попали в разряд начинающих писателей.

Хочу рассказать об одном эпизоде из школьного периода нашей с Вовкой жизни. Он как раз и предшествовал написанию очередного сочинения на тему «Как я провёл выходной день».

Случилось это в ноябре. Я учился в седьмом классе и имел семилетний опыт летней рыбалки на удочку. Столько же его было и у моего закадычного друга Толяна Суворова по кличке Прораб. Прораба он получил за дело. Вот, скажем, заходил он за кем-нибудь из пацанов позвать поиграть на улице или порыбачить, а того заставили родители какую-то работу сделать. Толян усаживался на крылечке или завалинке, и вместо того, чтобы помочь быстрее задание выполнить, постоянно подгонял.

— Что медленно работаешь? — покрикивал он. — Давай быстрее. На реку надо идти, а то клёв пропустим!

Сидеть он мог долго, до тех пор, пока родительское задание не было полностью выполнено. Подружились мы с Толяном из-за того, что оба получали удовольствие от общения с природой, рекой и от ловли рыбы.

Рыбалка у нас была любимым времяпровождением. Начинаясь она с ранней весны и продолжалась до глубокой осени по открытой воде. Родителям часто некогда было следить за нами и заниматься воспитанием, так как они были заняты на работе, да и дома дел было много.

С наступлением зимы походы на речку прекращались. А желание оставалось. Наслушавшись по радио и начитавшись разных рассказов о зимней рыбалке, я имел отрывочные знания о мормышках, зимних блеснах, жерлицах, пешнях, льдобурах. Практический же опыт отсутствовал напрочь, как и зимние снасти.

Я смастерил подобие зимней удочки для себя, Вовки и Толяна из обыкновенных палок — вершинок тальника, просто к ним прицепил леску, ноль-тройку и крючок. В ближайший выходной день мы решили с утра сходить по первому льду на маленькую равнинную речушку Маралиху. Если же не повезёт и удачи не будет, перебраться на заливы и протоки Чарыша.

Утром по темноте пришёл ко мне Вовка, потом Толян, и мы отправились на Пришибь. Здесь летом ловили отменных окуней. Вместо пешни у нас с собой был топор.

Сделали топором лунки. Забросили удочки, сидим...

На червяка, насаженного на обыкновенный крючок, окунь категорически не желал ловиться, несмотря на всевозможные ухищрения и перемещения по тонкому, прозрачному льду.

Промучившись всё утро, так и не поймав ни одной рыбки, мы решили переменить место лова и перейти на другую сторону долины. Путь наш лежал по убраным полям с остатками скошенной на силос кукурузы, по отавам и молодому ивняку. Миновали старые скифские курганы. Проходя мимо, огибали их стороной и шли в полном молчании. Подняться на такой курган у нас и в мыслях не было. Это было табу.

Кто только ни встречался нам по дороге. На полях кормились пёстрые рябчики-кеклики. Белые зайцы уносились с бешеной скоростью, едва заведя нас. Куропатки копались в мякине. Мыши-полёвки с писком улепётывали из-под наших ног. Много живности в те годы было в нашей природе. В изобилии водились они на убраных полях, где можно было найти много еды перед надвигающимися холодами. Поля уже были кое-где покрыты лёгким, чистым, ослепительно белым снежком, а местами одеты инеем. Природа готовилась к долгой сибирской зиме с её морозами, снегопадами и метелями. Метели наметут в низинах такие плотные сугробы, что

по ним легко проехать на колхозном тракторе и не провалиться.

Разговаривая о чём-то своём, ребята, мы перешли долину. Зашли на одну из проток Чарыша. Протоку называли Пашиха.

Спустились на лёд, прорубили топором каждому по лунке и, не очистив их от ледяного крошева (откуда нам было об этом знать) опустили в эту тёмную синеву свои немудреные снасти. И тут началось...

Это был клёв! Клёв, который заставил нас забыть о еде и времени. Ловили молча, только иногда оглашая окружающую нас тишину радостными воплями от очередного крупняка.

«Надо же, ловим прямо под собой, — думали мы, — в каких-то семи-десяти сантиметрах! Удивительно!»

Не было у нас никаких кивков, сигнализаторов поклёвок, о которых мы узнали позднее. Ловили «по ударам в руку» полосатых окуней, желтоглазую сорогу, зелёно-спинных чебаков. Изредка попадались пескари, подкаменщики и ерши, которых мы равнодушно отбрасывали в сторону.

Кучки улова росли на глазах. Вся подводная братия хватала червяков, как голодные собаки кусок брошенного хлеба.

Порыбачив на уловистых первых лунках, мы понемногу пришли в себя. Справились с азартом удачи от зимней ловли. Посмотрели на улов и обнаружили довольно большие кучки выловленной рыбы. Задумались: как же всё это донести теперь до дома, до которого не менее трёх километров. Проблему транспортировки рыбы решили простым способом. Используя проверенный летний опыт, нанизали всю рыбу на снизки из прутьев краснотала. Так, обвешанные рыбой, поздно вечером пришли домой, где были встречены родителями.

— Чьи-то мордуски проверили? — строго спрашивали нас.

Услышав о том, как ловили на удочку, родители удивились. Но факт оставался фактом, перед ними лежала куча свежей, недавно пойманной рыбы.

Наступил понедельник. У Вовки на уроке русского языка было сочинение на тему «Как я провёл выходной день». Вовка все нашихождения описал кратко: «Мы с братом и его другом ходили на рыбалку. Поймали на удочки много окуней, сорожек и чебаков. Еле донесли до дома».

Во вторник учительница вызвала Вовку к доске, прочитала всему классу Вовкин опус. Потом расхохоталась и сказала, обращаясь ко всему классу:

— Ну, Вова, когда врешь, то надо знать меру. Запомни! Рыбу зимой на удочку ловить нельзя. Не ловится она на удочки зимой.

После этого снова засмеялась и поставила Вовке двойку за враньё.

Так для нас началось приобретение опыта зимней рыбалки, ни с чем не сравнимого удовольствия, которому более пятидесяти лет.

Ядовитая рыба налим

Было это весной 1958 года.

Как всегда, маленький приток Чарыша, речка Маралиха, после ледохода разлилась, затопив всю долину. Летом эта речка тихая, спокойная, её берега зарастают ивняком, калиной и боярышником, а заводи — камышом и рогозом. Можно в любом месте перебраться на другой берег вброд. По весне она становилась опасной для смелых пацанов своими омутами, подмытыми берегами.

Помня об опыте прошлого года, решили мы с другом Толяном отправиться на рыбалку, пока вода в реке была мутной. Мы уже знали про таких рыб, как окунь, чебак, пескарь и могли их различать.

Отправились на Маралиху после обеда, ближе к вечеру. Рыба клевала в этот день отменно. Для нас улов был просто замечательным. Снизки с рыбой имели приличный вес, а потому мы засобирались домой.

Тут я вытащил на берег диковинную рыбку, каких ещё никогда не видел. Она была, как мне показалось, огромных размеров. Рыба была зеленоватой, пятнистой и имела усы. Длинное змеевидное тело, с таким же длинным, неприятно извивающимся хвостом и какими-то особыми вытаращенными глазами на приплюснутой голове. Рыба лежала на молодой траве недалеко от крутого берега, раскрывшая жабы.

Начали её с опаской рассматривать. Потрогали палочкой: рыба начала извиваться как змея. Рыбалка была, конечно, окончена, так как рыбина глубоко заглотила крючок, а вытащить мы его побоялись. Сидим с Толяном, размышляем, как же нам дотащить домой эту добычу.

В это время мимо проезжал на велосипеде наш односельчанин, сосланный на Алтай бывший полицей. Впоследствии он женился на местной женщине и остался в селе. Подъезжает мужик к нам, видит, что два пацана сидят и смотрят на большую рыбку и боятся взять её в руки.

— Что выловили? — спрашивает он нас.

— Рыбу.

— Эту рыбу есть нельзя, она вредная для организма.

Подожёл к нам, вырвал у рыбины крючок изо рта, забрал нашу добычу, уехал в деревню.

Пришли домой, я рассказал отцу о странной рыбине, пойманной нами. Примерно рассказал и о её размерах. Отец пояснил, что пойманная рыба — налим, съедобная и очень вкусная. А нас просто обманули.

Так я впервые поймал налима.

Надо сказать, что с этим человеком мы встречались ещё не один раз, и каждая встреча ничего хорошего нам не приносила.

Так продолжалось до тех пор, пока мы не повзрослели и смогли за себя постоять.

Аделья МАЧКОВА

Любовь – одна из немногих тонких вибраций, усвоенных людьми.

Не удержусь и добавлю.

Мысль всегда вернётся к своему хозяину, да ещё и не одна, а с «подругами», подобными ей. Мы всегда получаем только то, что отправляем.

Счастья всем!

Дарите России свою любовь!

Россия поднебесная

Если любовь стала заходить в наши сердца, значит, не зря все старались: стихи о любви, песни о любви, разговоры о любви, музыка любви.

Слова обладают магией. Они сильно затягивают в вихри: либо в восходящие, либо в нисходящие потоки. Всё зависит от того, какой эмоцией (вибрацией) наполняется СЛОВО.

За словом появляется ОБРАЗ, и красота его зависит от тех энергий, которыми он создавался. Мы все хотим жить в красивых домах, общаться с красивыми и интересными людьми.

Наш дом – Россия. Так хочется видеть её великой, прекрасной и умной.

Создадим же её, пусть пока в своей мечте, такой, о какой мечтаем: свободной могучей стране, чистых реках, густых лесах, лугах в цветах, замечательных городах, зелёных парках, красивых и счастливых людях...

Рисуйте, пишите стихи, песни, музыку и заполняйте образ нашей России ЛЮБОВЬЮ. И пусть она поднимает этот ОБРАЗ по восходящему потоку высоко-высоко. Туда, где он будет в сохранности, освещая всему Миру путь к восхождению. Дарите России свою любовь, нежность, доброту, красивые мысли, красивые слова.

Мой «ресурс», который я могу дать – это моё любящее сердце. Я давно отдала его и своей Сибири, и России.

Любите свой дом, постоянно наполняя его высокими и светлыми чувствами. Другого дома у нас нет.

Синхронный перевод

Сейчас много говорят о детях-индиг. А почему только дети? Может быть, в России мы все – индиг?

Как-то я поехала в гости к золовке. После смерти свекрови ей досталась небольшая квартира, которую она сдаёт, потому что на одну пенсию не прожить. В то время в квартире обитали китайцы. Золовка засобиралась к ним.

– Знаешь, они по телефону что-то говорят, а я ничего не пойму. Пойдём вместе, может быть, ты поймёшь.

– Ты меня удивляешь! Я китайский не знаю. Как я их пойму?!

– Они должны мне деньги за два месяца, а я боюсь одна с ними по городу идти, – отвечает Фая.

Это, конечно, веский аргумент. Идём. Заходим в квартиру. Фая разувается и уходит в комнату, а я запуталась в шнурках. Вдруг слышу в голове на чистом русском языке:

– Мы не можем отдать вам все деньги. Были праздники, мы не работали. Отдадим только часть.

Я смотрю, перед Фаиной стоит маленькая китайка и что-то ей лепечет.

– Ты где там застряла? – кричит Фая. Захожу в комнату и говорю ей:

– Знаешь, – показываю на китайку, – она говорит, что не сможет всё заплатить – праздники были.

– Ну, были праздники, – подтверждает золовка. – Вообще не могут?

– Могут, но часть.

Фаина смотрит на меня и произносит требовательным тоном:

– Пусть платит, сколько есть!

Я повторяю эти слова. И, о, чудо! Девочка-китайка бежит в комнату и приносит деньги. Поняла! И второе чудо, которому никто не удивился. Мы всю эту ситуацию приняли как должную. Когда я рассказала сыновьям об этом случае, они долго смеялись.

– Ну и семья у нас. Отец на даче «розовых коней» видит, а ты напрямую синхронный перевод делаешь, да ещё с китайского!

Сказка для внучки

Каждое лето мы, внучка Катя и я, выезжаем на дачу. Это счастливое время и для неё, и для меня.

Катюшка прыгает, смеётся. Радует её тепло и свободе, как выпущенный из городской комнаты щенок. Вытаскивает из гаража велосипед и «нарезает» круги вокруг дачных участков.

Вечером мы поднимаемся на мансарду, открываем окно и ждём, когда на небе начнут загораться звёзды.

– Бабушка, – просит внучка, – расскажи сказку, а потом на звёзды будем смотреть.

– Помнишь, Катюша, – начинаю я, – как искрится снег зимой. Миллионы кристалликов преломляют солнечный свет на множество разноцветных лучиков. Это цвета нашего мира.

– Их семь, – замечает Катюша, – красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый.

– А полутона? А смесь красок с получением нового цвета? Жёлтый и зелёный – цвет оливы. Голубой и синий – цвет сирени. Зелёный и голубой – цвет моря, и много, много ещё. Земля нам дарит не семь цветов, а гораздо больше. Смотри внимательнее на небо, на цветы, на травку, на деревья. Ты будешь удивляться, что с каждым разом появляются новые, ранее тобой не замеченные краски. Каждый цвет, Катюшка, поёт своей нотой.

Тихо-тихо войди в ТИШИНУ, и ты услышишь песню Земли. Ей подпевают всё: шелест листвы на деревьях, шёпот реки, пение птиц. Всё шепчет, движется, кружится, обнимая друг

друга ароматами дня. Вот сосна, устало вздохнув, отдаёт ночи запах смолы, разогретого дерева, хвои. А цветы?! Непостижимо прекрасный аромат!

А теперь представь себе это многоцветие. Какая музыка омывает Землю! – Красиво! – Катюша смотрит в окно. – Бабушка, звезда!

И мы рассматриваем звёздное небо.

Травы, наверное, помогли...

Фёдор болел долго и тяжело. Кашель сотрясал исхудавшее тело. Жена, баба Марья, заваривала травы от кашля и уговаривала мужа.

– Может, ляжешь в больницу? Фельдшерица обещала похлопотать.

Фёдор отмахивался:

– Что я там забыл? Среди больных только болеть да умирать. Я на твоих травах быстрее поднимусь.

Он подходил к окну, смотрел безразлично на улицу. А за окном просыпалась весна. Она, потягиваясь, поднималась из белоснежной постели. И под её лучистым взглядом набухали почки на тополях. Распускались, словно девушки перед зеркалом, кудри берёзы. Распрямляла хрупкий стан трав. Птицы наперебой славили тепло.

Луч солнца пробежался по подоконнику, залез на кровать и замер на лице Фёдора. Тот открыл глаза и быстро зажмурился от света. Сел и внимательно посмотрел вокруг.

– Ну, и что мы с тобой тут валяемся? – обратился он к своему телу. – Устали, видно, – сам же ответил на вопрос, – всю жизнь только и слышали «дай» да «дай». И давали! – Повёл плечами. – Марья не жаловалась, – по-молодому стрельнул глазами в сторону жены, – хотелось бы что-то и в ответ получать, – взгрустнул, – а вот ответов-то было мало. Может быть, от такого молчания и устали, – пошевелил пальцами ног и рук.

Поднялся, прошёлся по комнате.

– А ты говоришь «больница», – посмотрел на Марью.

Жена радостно засуетилась:

– А ты походи, походи, да поспи ещё. Сон хорошо лечит.

Фёдор хмыкнул, выпил кружку молока и пошёл к кровати. Лёг и задремал... У кровати на стуле сидела красивая девушка. Она смотрела на Фёдора добрыми, ласковыми глазами.

– Ты кто? – спросил он.

– Я – твоё мечта, – ответила девушка и улыбнулась. И от её улыбки изменилась картина пространства, в котором находился Фёдор.

Солнечный день, смех девчат на дворе, Марья – стройная, молодая

и счастливая, бежала по тропинке.

– Фёдь, здравствуй! – кричала издалека. – Ты где так долго был?

Фёдька, довольно улыбаясь, протянул ей руку. И они пошли, обсуждая дни, проведённые в разлуке.

– Это молодость, – Фёдор грустно посмотрел на девушку – там, конечно, мечталось хорошо. Он задумался.

– Но, вроде всё исполнилось. Марья, дом, дети, на работе не на последнем счету был. Что не так?

И тут память увела его в далёкое детство... Лист бумаги, на котором Фёдька, высунув язык, рисует корабль.

– Что это? – спрашивает отец.

– Это корабль! А вот я – капитан, – гордо отвечает сын.

– А где ты видел корабли? – включается в разговор мать.

– В кино. И море, и корабли, и капитана! – с восторгом отвечает сын. – Мама, а какое там море! Оно огромное и сильное. И страшно, и здорово!

– Ох, Фёдька, Фёдька. Какое море. Нам бы одёжку тебе новую купить. Скоро холода, а у тебя руки из куртки голые торчат.

Фёдька посмотрел на грустные лица родителей:

– Да ничего. Я много нарисую, и будет как будто настоящее море.

Море, приклеенное к стенке, качало корабли, лодки, круги – всё, что хоть как-то было связано с водными просторами.

Фёдька вырос: школа, техникум, последний звонок, первая любовь. И мечта, сорвавшись с гвоздика, улетела в мусорное ведро, напоминая о себе всё реже и реже.

Фёдор посмотрел с надеждой на прекрасное девичье лицо.

– Ты пришла ко мне?

– Конечно, Фёдя. Ты поднимешься, и мы поедem с тобой к морю.

– Ты не оставишь меня?

– Ну что ты! Ведь я нашла тебя, – девушка легонько погладила Фёдора по руке.

– Выздоровливай. Я жду тебя.

Фёдор улыбался во сне, и улыбка его была счастливой. Марья, открывая дверь фельдшерице (молодой, вечно смущающейся девчонке) сообщила:

– Станный он какой-то. Говорят, что перед концом так бывает. Улыбается, улыбается... и ушёл.

– Что вы, – засмеялась девчонка, осматривая Фёдора, – выздоравливает он. Травы ваши, наверное, помогли.

А Фёдор и не слышал этих слов. Он шёл туда, где сияло солнце, и на берегу моря ждала прекрасная юная девушка – его МЕЧТА.

Зажглась полночная звезда

**Детское,
Взрослое,
Россыпью, в связках...
Наивность и мудрость
Встретились в сказках.**

Атлантида

Страна атлантов — боль моя.

Твой рок жесток, судьба горька.
Мой взгляд проходит сквозь века.
Но почему же мне так трудно,
Так боль утраты велика?!

Я прохожу через Миры,
В которых родилась когда-то,
В которых царские дворы
Стояли, золотом обаяты.

Алело небо, город рдел
В кровавом зареве заката.
И каждый делал, что умел,
И наша жизнь была богата.

Наш гордый Мир восторг познал
Полета Мысли в Мирозданье,
И ярким светом засиял,
Отдав Идею Созиданью.

Взлетали в небо корабли.
И, алым цветом расцветая,
Наши прекрасные сады
Напоминали рощи рая.

Стояло солнце над волной,
Как лик Создателя народа.
И воспевался он страной
За благо, что дала Природа.

Но золото ползёт, как спрут,
В сердца людские забираясь.
И Дух взлетел, освобождаясь,
От золотых тяжёлых пут.

Душа народа, опустев,
В плену у жадности, разврата,
А мысли падают, взлетев,
Забитые тяжёлым златом.

Под тяжестью порока, зла
Ушла в пучину Атлантида.
И скорбно в воды приняла
Тебя, моя страна, Ирида.

Новогодняя сказка

Над нашей елью, над макушкой,
Зажглась полночная звезда,
Явив нам сказку на опушке
(Бывает это иногда).

Вот замок, девушка в окне
О чем-то страстно говорит...
Звезда сверкает в высоте
И волшебство своё творит.

Старинный замок, скрытый рощей,
Вокруг цветёт прекрасный сад.
Вот волшебство немного проще —
Отцвёл и вызрел виноград.

Все ягоды его волшебны,
Вкусны и, как нектар, целебны.
Кто съест, тот много лет подряд
Живёт, здоров и жизни рад.

Однако всё не так уж просто,
Коль не доешь, не станет роста,
И станешь маленький, как гном,
А много съешь, то будешь с дом.

Принцесса в замке том живёт,
Слуг дюжина и ест, и пьёт,
Стареющий король-отец
И шустрый молодой гонец.

Король-отец принцессу любит,
Но жизнь он знает и так судит:
«Я знать хочу, кто трон займёт
Желанье короля поймёт».

Желанье старика-отца —
Приказ для шустрого гонца.
Для ускорения процесса
Задачу задаёт принцесса:

«Принц должен быть высок и строен,
Влюблен, умён, спортивно скроен.
Почтенье к батюшке иметь
И угодить ему суметь.
Тогда получит он корону
И путь прямой к дворцу и трону».

Желающих стать королём
И поселиться в замке том
Набилось, словно сельдей в бочку,
И каждый просит замуж дочку.

Но соискатели руки
Тихонько киснут от тоски.
Ведь взять принцессу каждый рад,
А к ней в придачу замок, сад...

Однако рост, краса, спортивность,
Ещё родителя строптивость...
Как быть? И смотрят в царский сад,
Где фрукт волшебный — виноград!

Вот самый смелый ночью тёмной
Заходит в сад. Рукой нескромной
Он обрывает целый куст.
От сочных ягод — только хруст.

Под утро гости в замке встали,
В саду две башни увидали,
С трудом узнали две ноги
И выше крыши сапоги.

Все женихи рванулись в сад,
Объели там весь виноград.
Кто съел одну, кто две, кто пять,
Кто вниз растёт, кто вверх опять.

Готовы все затеять ссору.
Невеста ждёт, кто будет впору.
За ягоды уж подрались,
Забыли мудрое — «делись».

Тут к королю идет гонец:
«Люблю я дочь твою, отец»
Принцессе руку подаёт,
В волшебный сад её ведет.

У женихов всех на виду
Меняют рост и красоту,
Так как в отличие от них
Фрукт разделили на двоих.

Для года нового пролог —
Запомнить сказки сей итог:
Фрукт не меняет естество,
Для мудрых это волшебство.

Несбывшаяся мечта

Вышел Фёдор на крыльцо.
Будто девичье лицо
Вдруг мелькнуло перед носом.
Фёдор замер. Встал вопросом.
А затем перекрестился.
На скамейку сел. Забылся.

Видит лучик золотой:
— Что за странный сон такой?
Золотую рыбку знаю,
Про жар-птицу вспоминаю
И про ключик золотой...
Ну-ка, ну-ка, луч, постой.

Может быть, откроешь двери
В храм волшебный для меня?

Только что-то я не верю,
Что дождусь такого дня.
Тут в лице мелькнуло,
И девица подмигнула:

— Подарю тебе кольцо.
Сразу встанешь на крыльцо
Перед дверью прямо в рай.
Ну что, Фёдор, выбирай:
Или жить с мечтой пустой,
Или раз...
и ты — герой!

Фёдор ухо почесал
И, не думая, сказал:
«А, попробую, рискну.
Подойду, ну хоть к окну.
Загляну, что там за рай?
Не совсем же я лентяй».

В кулаке кольцо зажал.
Тут девицу увидал:
Шитый золотом наряд,
Камни разные горят
На короне и на троне.
В парках птицы говорят.

Фёдор так перепугался,
Что забыл сказать «привет»,
Простых слов не доискался.
В голове и мыслей нет.
Все же думает: «Не время
Вынести такое бремя.
Не готов. Пусты домой.
Не хоромы, зато мой».

Тихо девица вздохнула:
— Выбор твой. Таков закон. —
На прощание махнула...
Двор, скамейка, дом, балкон...
Вроде всё своё, но мысли
Говорят ему, и как!
«Всё, как ты хотел, и вышло.
Доживай свой век, чудак».

Сказка

Ночь пред рассветная плыла
Над морем и песком прибрежным.
Она дышала и была
Цветком таинственным и нежным,
Пришедшим из небытия,
Плыла, восторг в себе тая.
И звук полился над волной,
Играя пеной кружевной.

О, девы моря, бледный лик,
Из пены волосы. Лишь миг
Мелькните вы в пучине вод,
В мирской душе — водоворот.
Протяжный стон —

в ответ испуг,
И страх от тонких ваших рук.
Но как прекрасен, девы вод,
Ваш легкий призрак-хоровод.

Певец играл, и пальцы рук
Дарили морю дивный звук.
Но вот звучит последний стих,
И звук пленительный затих.
Вода коснулась голых ног,
И лишь тогда увидеть смог
Поэт налитый грустью взгляд.

Пытаясь задержать наряд
Текучих серебристых вод,
Коснулся вдруг руки. Вот-вот
Он призрак остановит... нет!
Лишь тихий плеск ему в ответ.

А дева с песней на устах,
С кудрявой пеной в волосах
По волнам, как по облакам,
Летела к новым берегам.
К тому, кто творчеством томим.
И новый стих рождён был им.

Прости

Прости детей своих, Земля — богиня Гей.
В большом долгу перед тобой мы, зло посеяв.
Прости и к Вере приведи, в любовь и счастье.
Нас всех для жизни сохрани.
В твоей мы власти.

Василий и Васька

Жил в деревне дед Василий.
У него был Васька — кот.
Иногда их так и звали,
Иногда наоборот.
Дед на печке греет кости,
Тут сосед заходит в гости.
«Что ты, Васька, залежался,
Я тебя уже заждался.
Ты, мой друг, не занемог?»
Видит, кот стоит у ног.
«Что хвостом метёшь колени?
Важен, Вася, ты от лени.
Ведь к хозяину на печь
Мог бы и под бок прилечь,
Шёрсткой мягкой обогреть.
Ваське поздно уж болеть.
Ты, сосед, слезай с печи,
Прележал все кирпичи».
Дед немного постонал,
С печки слез, кота позвал:
«Где гуляешь, непосед?
Сразу видно — мало лет.
Было бы тебе, как мне,
Чаще думал бы о сне
И отлеживал бока.
Что ж, дружок, играй пока.
У тебя хоть хвост трубой,
Я резвей был молодой».
Дед поохал, побряхтел,
Дед лицом помолодел.
И давай начистоту
Все выкладывать коту.
Дед рассказом так увлёкся,
Что кота не замечал.
Тот на коврике разлёгся,
О своём, «мужском», мечтал.

Февральская сказка

На пне в лесу сидит старик,
Из снега весь. В какой-то миг
Я вижу взгляд, летящий вдаль.
— Что смотришь? Это я — Февраль. —
Взгляд на меня, не мимо. Прямо.
— Не смейся, но зима — мне мама.
Мороз — отец. Сбежал куда-то,
Но мать и без него богата,
Забил снегом закрома.
Что скажешь? Женщина-зима
Всегда заботами обаята.
Запасы сделать — это свято.
Давно метели не летали.
Куда же «девки» убежали?
Да мне до них и дела нет.
Манил, бывало, много лет.
Крутили юбками, подружки.
Для выюги — это всё игрушки. —
Февраль вздохнул и улыбнулся,
В усы тихонько усмехнулся.
— Старуха, а поёт, как птица.
Для Февраля она — царица.
На Север, вроде, улетела.
Я что, с ней вёл себя несмело?
Старушка. А и та ушла.
Такие, стало быть, дела.
Не знаю, что с природой стало. —
Февраль поднял себя устало.
— Ведь не совсем я старый пень.
Надену шапку набекрень,
Сухую ветку — в ободок,
Упрусь руками в поясок.
Пусть март стучит в моё окно,
Внушу. Теперь мне всё равно.
Смотри. Уже летит капель.
Так, где же март? Стучит апрель!
Дед плюнул. В шубу завернулся,
Сугробом рыхлам обернулся.
г. Новокузнецк.

Иван КОЖЕМЯКО

Иван Иванович Кожемяко — автор многих книг, профессиональный военный, академик, профессор, всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России в рядах Вооруженных Сил, генерал-майор. Родился 29 февраля 1948 г. Детство и юность прошли в Крыму. Окончил Вильнюсское военное радиотехническое училище в 1969 г., Белорусский государственный университет в 1980 г., Военно-политическую академию им. Ленина в 1985 г.; служил в Вооруженных Силах СССР и РФ на различных должностях, в 1992-1998 гг. — помощник начальника Главного штаба Сухопутных войск. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, семнадцатью медалями, а также двумя орденами Демократической Республики Афганистан. Имеет дочь и трёх внуков.

Внучка, любовь и картошка...

Он уже давно знал за собой эту особенность — разговаривать вслух с самим собою. Долго жил один, и сформировалась эта странная привычка как средство защиты от того, чтобы не сойти с ума после страшных и несправедливых утрат, которыми неведомо за что отметила его жизнь. Не грешен был на такой приговор от судьбы, нет, не грешен...

Уж себе-то он признался бы честно, если бы был покаран заслуженно, а так — нет, не мог и не сможет уже до конца своего века смириться с этим приговором. Сколько раз просил судьбу, чтобы она его жизнь забрала в обмен на две бесценные, лучше его и чище, добрее и светлее.

Уже шестнадцать лет минуло с той поры, как не стало несравненной ни с кем В. Н., с которой только по документам прожил 36 лет, а на деле, посчитал как-то, не поленился, что и дома-то был всего семь с половиной — восемь лет, не больше.

Человека таких достоинств не сподобилось ему увидеть более в жизни, поэтому он и не менял свою судьбу на пятаки какого-то ворованного и чужого счастья.

Уж как его сёстры хотели возродить его к жизни и находили ему, в каждый приезд в Крым, на отчую родину, возможных кандидатов на устройство новой судьбы, принять этого он не мог и не хотел. Хорошо видел, что не он им нужен, а прельщала московская квартира, генерал всё же, академик, профессор. А у него от одного взгляда на этих беспринципных дам становилось мутно на душе, и он часто, без объяснения причин, поднимался из-за стола и уходил бродить по городу.

И на второй-третий год, когда он вновь приехал к сёстрам на побывку, заявил твёрдо, чтобы они прекратили это бесплодное занятие, в противном случае более и заезжать в гости не будет. И они смирились, и более этот рискованный разговор не заводили с ним вообще.

А десять лет назад совсем доломала жизнь его судьбу — в расцвете сил, на взлёте судьбы погиб его сын, молодой полковник, который тоже выб-

рал стезю военного. По его примеру.

Все выжили, хотя и были ранены, а вот его, кровиночки, молодого полковника, не стало.

Тут уж болячки крепко взяли в оборот: пережил и операцию на сердце, и иные беды, которые состарили его на целую жизнь. Единственное, что у него осталось — это внуки, которым он и отдавал всю свою душу и сердце.

Выросли уже двое внуков — студенты университетов, старший — от сына, на третьем курсе Бауманки, средний — от дочери, на втором курсе.

А младшая внучка-красавица ещё училась в школе, в шестой класс пошла по осени.

Вот с ними он и разговаривал долгими ночами, сидя за компьютером, торопясь положить на бумагу то, что выстрадано, пройдено и пережито.

Ни одна война и революция, как он горько шутил в кругу друзей, которых было совсем немного у него, не минула, не обошла его стороной.

И Алма-Ата, мало кто и помнит сегодня, чем там заканчивалось царствование Кунаева, это было самое первое противостояние набравших силу, за счёт России, байских властей с центром. И Афганистан, и Чечня, и Ош, и Фергана, и Баку, и Степанакерт, и Вильнюс, и тот ещё, первый Карабах, — всё пришлось перенести и видеть, как погибает Отечество, за которое и деды его, и отец-фронтовик, и дядюшки не жалели ни крови, ни самой жизни.

Да и он сам не стоял за ценой, коль дело требовало его самопожертвования, самоотречения, думал при этом лишь об одном — как сберечь чужие судьбы, вверенные под его начало, вернуть матерям их сыновей живыми.

Он чувствовал, на это не надо слов, что именно за такое отношение к ним и почитали его подчинённые, признавали не в силу приказа, а по состоянию души — как старшего товарища, боевого друга, наставника и учителя.

Конечно, этого предисловия он внучке не читал, она знала его судьбу и всегда бережно сторожила его покой, как может это делать ребёнок.

А вот всю дальнейшую историю,

после 1 сентября, поведал и даже сказал, что предоставляет ей право назвать этот бесхитростный рассказ.

Она заинтересованно выслушала его и тут же предложила:

— Дедуля, так ты сказал, что я могу назвать твой рассказ, как захочу?

— Ну да, ты же умная девочка, вот как назовёшь, так, под этим именем, я его и опубликую.

Она немножко задумалась и озорно предложила:

— А давай назовём эту историю «Внучка, Анастасия и картошка». Ты согласен?

— А что, мне очень твоя идея понравилась. Картошка тут сыграла не последнюю роль. А Анастасия — это имя той далёкой и прекрасной девушки, с которой я познакомился на уборке картошки.

И моя маленькая Принцесса тут же, лукаво, женщина же, спросила:

— А ты её, как бабушку, любил?

— Нет, моя хорошая. Я в неё был влюблён, как юноша, который до этого не любил никого. Просто не знал, что это такое. Но, как видишь, не судьба...

Такой я и предлагаю вам, дорогие друзья, эту совершенно искреннюю историю, которая оставила такой добрый и светлый след в моей жизни.

Как великую награду сочли мы известие, что и наш выпускной курс, чего не водилось раньше, едет на уборку картошки. Ликованию молодых сердец не было предела.

Свобода, смена обстановки — это было главным, а труд — мы к нему привыкли за годы учёбы, и он нас не страшил. Куда-то нас долго везли машинами, что уже само по себе было наслаждением. Наконец мы оказались в селе, заблудившемся в лесных гущах.

И каково же было удивление нашего начальства, наша радость великая, когда мы увидели поле, усеянное девичьими платками.

Парней было очень мало.

Услужливый дед, который словно сторожил наш приезд, известил комбата, полковника Солопова Алексея Афанасьевича, что на полях колхоза

работают студенты педагогического института.

Тот даже побагровел при этой вести и тут же устроил нам показательный инструктаж. А после этого долго куда-то звонил по телефону из правления колхоза на повышенных тонах.

Но, видно, на той стороне, с которой он пытался договориться, чтобы нас отправили работать отдельно, были свои аргументы, и, к нашей радости, более весомые.

Положив трубку, он чертыхнулся, даже махнул рукой и более к нам не выходил, поручив всё устройство быта нашему любимому ротному майору Яцкевичу Василию Васильевичу.

До обеда наш бивуак был обустроен в пустующем зале колхоза, и мы отправились на поле, цветущее девичьими платками.

Анатолий Захарченко, наш замкомвзвода и мой добрый друг, тут же организовал работу взвода, и дело закипело.

Мы решительно отстранили девушек от переноски неподъёмных для них мешков и с лёгкостью, за пару часов, очистили поле от них, перенеся к дороге, где уже поджидали трактора с тележками для перевозки картошки в хранилища.

Загрузив последние мешки, мы дружной толпой направились в своё расположение.

Даже самые ярые сердцееды не предпринимали попыток познакомиться с девушками: все устали, были в пыли, а наши знаменитые сапоги почти до колен — в полевой земле.

Молодость, молодость, как же я завидую нам, юным и дерзновенным, какими мы были в ту пору.

Уже через час мы просто сверкали свежими подворотничками на гимнастёрках. Наспех поужинали, к слову, очень вкусным ужином, который приготовили для нас колхозные повара, и организованно, но без строя, пошли в сельский клуб. Там, до сей поры помню, демонстрировали фильм с участием Евгения Матвеева и Вии Артмане «Родная кровь».

Мне он очень понравился, и я с удовольствием посмотрел его ещё раз.

После фильма, как водится, нача-

лись танцы. Девушки очень сдержанно, с большим достоинством, принимали предложения от моих товарищей и лихо выплясывали с ними.

Я не танцевал — и не умел, и не любил. Танцевал только вальс, мне думается, неплохо. Мы с Толей Захарченко «подпирали» стену в дальнем углу зала, о чём-то беседуя.

И вдруг от сцены раздался задорный голос неведомой для меня девушки:

— Девочки, это ширпотреб, заёмное. Давайте споём...

Тут же в её руках неведомо откуда появилась гитара, она немного её подстроила и запела знаменитый и

Мы, оба, как-то вздрогнули и залились краской.

Её очаровательное лицо красиво обрамляла копна ухоженных и очень богатых волос, которые просто переливались на свету.

Губы у неё от волнения были чуть открыты, а тонкий аромат её духов кружил голову. Нарядный красный костюм с узкой юбкой, туфельки на высоком каблуке только подчёркивали совершенство её фигуры.

И хотя я, как мне кажется сегодня, очень долго и бесцеремонно её разглядывал, она глаз ни на миг не отвела и пытливо вглядывалась мне в лицо.

Я до сей поры помню её взгляд, её дивные глаза, но не могу сказать, какого они были цвета, так как в зависимости от поворота головы они менялись — от небесно-синего до изумрудно-зеленоватого. Но то, что они сразу заглянули в мою душу, это я уже понимал в тот миг. Наконец она отпустила гитару, и множество девичьих глаз устремились на меня: «Ну, и чем ты нас удивил?» — читалось в их взглядах.

Я пробежался по струнам и неожиданно для себя запел «Синий май», на слова любимого Сергея Есенина.

Если уж честно, то петь я немного умел, и девичьи аплодисменты были мне наградой.

— А что ещё Вы можете? — раздался их голоса.

Милая хозяйка гитары так и не отошла от меня и, по-ощрительно улыбнувшись, не сказала, а движением губ попросила:

— Спойте ещё, своё любимое...

Я на миг задумался и, пробежав по струнам гитары пальцами, запел старинную казачью песню:

*«Никто нас в церкви не венчал
А вся душа горит в огне...»*

По реакции зала было видно, что её девушки не слышали. Я был счастлив, потому что почувствовал прикосновение её руки и услышал:

— Мне очень понравилось, Вы — молодец...

Нарушая законы учтивости, но сдержаться не было никаких сил, я, скорее не для зала, а только для неё, в довершение спел знаменитую песню Рашида Бейбутова, бесхитростную, но такую нежную и, как мне казалось, подходящую к этой ситуации.

Она вся зашлась густым румянцем, а девушки наградили меня своими аплодисментами и возгласами:

— Молодец, вы хорошо с Настей смотрите.

— Смотри, курсант, наша Анастасия — девушка с принципами и характером, ей не каждый подойдёт...

Я даже не знаю, откуда у меня взялась такая дерзость, но я громко, чтоб слышали все, сказал:

— А я и есть «не каждый»...

Вернув гитару смущённой девушке, имя которой только что узнал, и хотя сам был смущён не менее неё, но уверенно приложил руку к сердцу, поклонился ей и пошёл в тот угол

зала, где меня поджидал Анатолий Захарченко.

Он молча пожал мою руку и одобрительно дотронулся до плеча.

Так быстро бежали уборочные дни, и я понимал, что скоро наступит час разлуки с этой милой девушкой.

Мы часто встречались — и в поле, и в клубе, ещё несколько раз мне пришлось даже петь по просьбе девушек и настоянию моих товарищей, а вот встретиться с ней наедине так и не получалось.

Наступала осень, хотя дни стояли ещё погожие. В один из дней я бесцельно в одиночестве бродил по берегу речушки, когда увидел купающуюся девушку.

«Ну и молодец, холодно ведь уже», — и руки сами, непроизвольно, сдёрнули с плеч шинель, и я ускорил шаг к месту её купания.

Сделав буквально несколько шагов к берегу, я узнал её. Это была она, моя первая любовь — Анастасия Кострова.

К слову, её фамилии я так и не знал, до вчерашнего дня. И только вчера, на поле, когда я переносил с её ряда мешки с картошкой, услышал, как однокурсница обратилась к ней по фамилии:

— Кострова, ну что ты парня мучаешь, он уже две нормы выносил твоих мешков, а ты никакого внимания на него не обращаешь. Смотри, а то отобью...

А сейчас её волосы были высоко собраны и как-то мудрёно заколоты на самой макушке. Она меня ещё не видела и стала выходить из воды в лёгком алом купальнике с синим поясом.

Как же она была прекрасна! Нет, это не сегодняшние синюшные модели, она была крепкой, сильной.

Я просто задохнулся от красоты её тела, стройных ножек, высокой груди, необычайно очаровательных рук, которыми она сгоняла с себя остатки воды.

Чтобы не ставить её в неловкое положение, я негромко кашлянул. Она вздрогнула, но ни прятаться, ни убежать не стала, а гневно изломав дивные брови, осуждающе посмотрела на меня.

— Вы не думайте, я только подошёл. Увидел, что девушка купается, а ведь холодно уже, — я снял с руки шинель и уже спокойно и твёрдо набросил ей на плечи.

Она зарделась, щёки просто пылали, и стянула шинель у горла.

— Мокрая будет, — проговорила она.

— А, пустое...

И я, поражаясь себе самому, взял полы шинели и притянул к себе это прекрасное тело. Как ни странно — она не противилась и тесно прижалась ко мне, и мы стали нежно и долго целоваться.

Неумело, так как это была первая девушка, которую я целовал в своей жизни. Мыслию, что и у неё был такой же опыт.

Но как же ликовала моя душа и как было светло у меня на душе! Наконец, она, словно опомнившись, тихо мне сказала:

— Иди, хороший мой, надо собираться, скоро ужин...

И она стала освобождаться из моей шинели.

— Нет, не надо, — остановил я её. — Я тебя подожду за взгорком, а то замёрзнешь.

Когда через несколько минут она появилась на узкой тропинке, ведущей от реки, я онемел, настолько красивой и нарядной она была.

В белой блузке, с каким-то мудрёным украшением, которое ей так шло, серьгами — большими кольцами, с красивой причёской, как она её и соорудила за столь короткие минуты, в узкой чёрной юбке — она даже казалась старше своих лет, хотя ведь была совсем девчушкой, на первом курсе института.

В её руках была моя шинель, которую она аккуратно сложила и сейчас прижимала к груди. Я от счастья засмеялся:

— Как же я теперь носить буду эту шинель?

Она не поняла меня и растерянно спросила:

— Я что-то не так сделала?

— Господи, как же ты не поймёшь — она ведь на тебе была, и я это теперь всегда буду помнить. Она пахнет тобой...

И я, положив шинель на траву, заключил её в нежные объятия, и мы вновь долго целовались, до той поры, что и у неё, и у меня закружилась голова.

— Надо идти, мой хороший, а то останемся голодными...

И мы пошли в сторону нашего лагеря, поминутно останавливаясь, чтобы только встретить губы друг друга, замирали недвижимо от высокого чувства любви. Наконец она высвободилась из моих объятий, счастливо засмеялась и, не оборачиваясь, пошла к своему общежитию.

А вечером в клубе были танцы. Кино почему-то в тот день не показывали. Мы неоднократно пели под гитару, а когда зазвучал вальс, до сей поры помню, что это были «Дунайские волны», я протянул ей обе руки и

хорошо известный мне романс «Бесаме мучо», да ещё и на испанском языке.

Я шепнул Анатолию — а знает ли он, что значат сами слова «Бесаме мучо», и, не дожидаясь его ответа, сказал, что буквально они переводятся как «Целуй меня много». И написан он для юной девушкой Консуэло Веласкес в 40-м году. Засмеялся и добавил:

— К слову, она сама к этой поре ещё не целовалась.

Тут уж Анатолий меня просто подтолкнул к девушке с гитарой, как только она завершила петь, и велел:

— Ты обязательно должен ответить на этот вызов.

И хотя я не понял, в чём тут заключался вызов для меня, но решительно направился к очаровательной девушке, которая только что пела знаменитое «Бесаме мучо».

Я даже не успел её разглядеть, а только вежливо склонил на миг голову в горделивом поклоне и попросил гитару.

Она незамедлительно протянула мне инструмент, и тут я словно споткнулся, просто утонув в её дивных, больших, выразительных глазах, опущённых ресницами, которые, как мне показалось, почти доставали до её красивых бровей.

Она не спешила отпускать руку, которой крепко держала гитару за гриф, и в какой-то миг мои пальцы почувствовали тепло её дивных пальцев.

пошёл навстречу. Вальс я танцевать умел. Больше ничего не умел, а вальс, да ещё с такой девушкой, просто окрылял меня.

И я понимал, что сегодня многие мои товарищи по-доброму мне завидовали.

Танцевала она мастерски, её тело чувствовало каждое моё движение и отвечало взаимностью.

И когда в конце танца я встал на правое колено, не выпуская её руки, она даже не удивилась, а сделав красивый круг вокруг, почти упала в мои объятия. Зал зааплодировал. А её подруга, рыжеволосая болтушка, тут же вскричала:

— Всё, курсант, ты теперь просто обязан на нашей Насте жениться!

Я, не узнавая себя, без робости завыл на весь зал:

— Я готов, буду только счастлив!

Анастасия заапла от румянца и, ступсавшись, уткнулась мне в грудь, чем ещё больше раззадорила подруг:

— Всё, Настя, ты его теперь крепче держи, не отпускай от себя...

— Смотри, а то они — военные, такие...

Какие мы, объяснять кричавшая девушка не стала, мол, и так понятно...

Не дано человеку знать не только свой завтрашний день, а даже следующий миг. Это я понял, только позже, прожив жизнь. В ту же пору всё казалось ясным и определённым.

И вызов к комбату полковнику Солопову ранним утром не казался чем-то противоестественным.

Я был бессменным секретарём комсомольской организации роты, и комбат нередко ставил задачи на проведение каких-либо мероприятий.

Зайдя в комнату, я доложил, как положено, о своём прибытии и заслы у порога.

— Ты вот что, сынок, — совсем неожиданно для меня произнёс он, — за одну минуту собирайся, машина ждёт с начальником учебного отдела училища. Поедешь в училище, а сегодня же вечером, билет на самолёт тебе уже взяли, он в строевой части, вылетаешь в Москву на Всеармейское совещание. Тебе оказана высокая честь, ты избран его участником, пока мы тут убирали картошку.

— Есть, я всё понял, товарищ полковник, но прошу у Вас хотя бы двадцать минут...

— Нет, Ваня, — обратился он ко мне столь неожиданно, — этих минут у тебя, минуты даже, нет. Напиши два слова, сам передам, не тревожься, — и он мне пододвинул лист бумаги и ручку.

Я только и смог написать: «Настенька милая, я срочно отбываю в Москву. Мой адрес в училище и матери...».

Передав записку комбату, я бегом устремился к машине, прихватив по пути шинель и содержимое тумбочки.

Дорога была грустной для меня и печальной. Я односложно отвечал на вопросы полковника Моторичева, шепетильного педанта и настоящей «военной косточки», которого мы очень уважали, но не любили, как своего дорогого комбата.

В училище я получил все необходимые документы, билет на самолёт, переоделся в парадную форму, и меня, курсанта, отвезли в аэропорт.

Всеармейское совещание продолжалось несколько дней. Перед нами выступал Министр обороны Маршал Советского Союза Гречко, начальник Главного Политического управления, Главнокомандующие видами Вооружённых Сил, учёные с мировыми именами. В заключительный день совещания выступал Генеральный Секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Конечно, событие для меня было огромной значимости, и я как-то не так остро переживал по поводу своего неожиданного расставания с Любовью, но, тем не менее, написал ей десяток писем, прямо на институт, так как не знал другого её адреса.

Что пишут в подобных письмах, наверное, мы все знаем, кто имел счастье быть молодым в ту пору, и верил, что по возвращению с уборки картошки она эти письма получит, и я непременно дождусь от неё ответа.

Но проходили недели, а ответа на письма я так и не получил. Не пришло ни одного письма и на адрес матери. Никогда.

Было мучительно обидно и горько, но скоро и эти мысли как-то потускнели и отошли на задний план. Нет, они меня не оставляли никогда, но начался Афганистан, и мне была оказана «высокая честь», как говорили мои уже войсковые начальники, и я на годы оказался «за речкой».

Там, конечно, были уже иные поводы и для радости, и для скорби.

Но я написал ещё добрый десяток писем на институт Любви и, выждав с месяц, дал себе зарок более не писать и не тревожить эту девушку, которая была мне столь дорога.

Она долго оставалась в моём сердце, но как светлая мечта, трогательное воспоминание о моей юности, как мираж и дивный сон...

Дочь накануне 1 сентября сказала мне:

— Папа, у меня завал на работе, ты не можешь с Дашей сходить в школу?

И классная просила, узнав, что ты военный, прийти в форме, с наградами, потому что занятия начинаются с урока мужества.

Я согласился и в назначенное время заехал за внучкой. Мы поехали в школу, на праздничную линейку, которой и предвьялся новый учебный год. Договорился с внучкой, где я буду находиться, так как она заспешила к своим одноклассникам.

С какой грустью я смотрел на детвору, на выпускников старших классов, которым сегодня было столько лет, как мне в училище.

«Да, никто не властен над временем. Будьте счастливы, дорогие ребята», — подумал я. И тут же услышал звонкий голос внучки:

— Дедушка, познакомься, это мой классный руководитель с этого года — Анастасия Петровна Иволгина. Она хочет с тобой поговорить...

Вроде, я не был слабым человеком, служба научила и приучила ко всему,

но тут у меня голова закружилась от неожиданности.

Рядом с Дарьей стояла она, моя давняя любовь, которую я знал как Анастасию Кострову.

И хотя время никого не шадит, это правило я знал и пережил его на себе много раз, но она была прекрасна и в эту пору.

Другими были волосы, другой стала стать, безусловно, но не узнать её было нельзя.

— Здравствуйте, Анастасия Кострова... Как же я долго Вас не видел, но не забыл, и всё помню...

— Дедушка, Анастасия Петровна — не Кострова, а Иволгина, — стала раздражать меня внучка. А она, моя давняя любовь, обняла девочку и крепко прижала к себе.

— Господи, как же я не догадалась, встречаясь с Вашей дочерью, что это — Вы... Она так похожа на Вас, и внучка тоже...

Моя милая внучка только переводила взгляд с меня — на своего классного руководителя и, ничего не понимая, была в полном смутении и большой растерянности, что с нею происходило нечасто. Барышня была боевой, и ребята в классе её любили за честность, открытость и добрую сердечность.

— Дашенька, я потом тебе всё объясню, а сейчас у Анастасии Петровны много забот, и она, очевидно, хотела со мной оговорить порядок проведения урока мужества.

— Да, если позволите, — словно за спасительную соломинку схватилась Анастасия и что-то стала говорить мне именно об этом уроке.

Я слушал её, не слыша, что она говорит, и не отводил глаз от её смущённого лица, которое оставалось и в этом состоянии прекрасным.

В какую-то секунду она дотронулась до моих орденских колодок и сказала:

— У меня отец тоже был военным, и я знаю цену всему этому... Но мне надо идти, а Дашенька Вас проводит после линейки в класс.

Думаю, что урок я провёл успешно, потому что сразу предложил детворе задавать мне любые вопросы, которые их интересуют, и я постараюсь на них ответить.

Вопросов было много, как ни странно — от девочек больше, и они вели себя активно, по-боевому.

Прозвенел звонок, Анастасия Петровна сказала мне дежурные слова благодарности, и когда дети сыпанули из класса, только и промолвила:

— Если Вы позволите и захотите со мной встретиться, я всё объясню...

— А что объяснять, милая Анастасия Петровна, жизнь не проживёшь заново, и я Вас ни в чём не виню...

Её глаза были полны слёз, и я, скорее поэтому, протянул ей визитку и сказал:

— В любое время — к Вашим услугам...

Поклонился и вышел из класса.

Позвонила она не скоро.

Минуло несколько недель, как раздался звонок с незнакомого мне номера, и я услышал её голос, голос

Анастасии Петровны. Мне так было легче к ней обращаться, и я стал так её называть.

Она, неожиданно для меня, перешла на «ты» и попросила лишь об одной встрече.

— Если для объяснений — лучше не надо, — не совсем дружелюбно ответил я. — А если чем-то могу Вам служить — Бога ради.

— Да, пожалуйста, прошу тебя, мне надо увидеться с тобою...

В назначенное время я был в парке, где она уже поджидала меня.

Она была потрясающе красива — в строгом белом, с какой-то чёрной оторочкой по воротнику, костюме. Глаза, распахнутые мне навстречу, излучали столько внимания и тепла и, как мне показалось, даже осознания какой-то вины предо мной, что не утонуть в них было просто нельзя.

Да, это была она, Анастасия Кострова, моя первая любовь, которая словно вернула меня в то далёкое и невозвратное уже время юности.

Вручив ей букет цветов, как же без этого, я тут же осведомился, чем могу ей быть полезен, и каким временем она располагает.

— Не надо, прошу тебя, так со мной. Я просто хочу, чтобы ты меня выслушал. И, если это возможно, понял и... простил. Я знаю, как я виновата пред тобой, но, с другой стороны — и вины моей нет в том, что произошло в те далёкие годы.

Справившись с волнением, быстро и чётко поведала, что и все письма мои получила, и готова была идти за мной хоть на край света, но жизнь оказалась суровой, чем она думала.

Мать тяжело болела, и когда она показала ей мои письма и фотографии, та сказала:

— Настя, мальчик очень хороший, и мне он нравится. Но я не вынесу разлуки с тобой. Это просто приблизит мою кончину. Я не ставлю никаких условий, решай сама...

— Я была очень домашним ребёнком и не могла её оставить и даже ответить на твои письма, хотя прекрасно понимала, что предаю тебя, расстаюсь с тобой уже навсегда. К слову, каким душевным и простым человеком оказался твой комбат, он мне лично, пред всеми девчатами, передал твою записку, и говорил очень много хорошего о тебе. К слову, записка эта — вот она, я её храню всю жизнь... А потом — матери не стало, и я осталась одна на этом свете. Понимала, что тревожить тебя уже права не было. Через годы встретился человек, вышла замуж, родились две дочери, он очень их любит, внуков, и я — возле них. Вот и вся история. Но я всегда, поверь мне, помню... нашу любовь, и всегда молила судьбу, чтобы она хранила тебя.

Долго молчала, а потом всё же спросила:

— А твоя семья?

Я коротко поведал ей свою историю, о которой говорил вначале этого повествования, и из её глаз полились нескончаемые слёзы... Наконец, справившись с собой, она привела себя в порядок и в ожидании какого-то моего приговора, суждения, застыла:

— Успокойтесь, Анастасия Петровна, я Вас ни в чём не виню. Да и нет в произошедшем Вашей вины...

Она горько улыбнулась:

— Ты даже не хочешь говорить мне «ты».

— А что это изменит, милая Анастасия?

Я встал, раскланялся и быстро пошёл к выходу из парка.

Конечно, об этой встрече я своей милой внучке не рассказывал. Старался её в своей душе как-то переступить, так как было очень грустно и одиноко. Нет, боли не было, а вот грусть — была.

Даже своему старинному другу, Анатолию Захарченко, с которым мы все эти годы поддерживаем добрые братские отношения, рассказал о встрече с той далёкой Анастасией, ставшей моей первой любовью. Он, как мог, норовил меня успокоить, зная всю мою жизнь и мои утраты.

Полагаю, что эта история завершилась бы быстрее, если бы не моя внучка. Она, с видом заговорщицы, появлялась со школы и норовила со мной уединиться:

— Я тебе фотографию Анастасии Петровны принесла. Я её сама сфотографировала, она даже не видела. Смотри, это в парке, у нас там был открытый урок по природоведению, и мне даже удалось проехать на лошади.

Её страсть к лошадям я знал, и она всегда, когда была со мной на даче, ездила со мной в конный клуб и с удовольствием занималась конным спортом, если это не очень громко сказано.

Так говорю лишь потому, что один раз, позируя предо мной, сорвалась в намёт, да и прошла красиво целый круг по большому полю. Тренер её похвалил, но тут же и отругал за самовольство и ненужный риск.

Так и сегодня в парке, улучив момент, когда преподаватель упустил её из виду, договорилась с девушкой, катавшей детей на лошади, и проявила достойные качества наездника.

Больше всех испугалась Анастасия Петровна, когда увидела её на лошади, помогла ей спешиться, хотя в этом нужды не было, и Дарья сумела её сфотографировать с лошастью, которой не боялась и Анастасия Петровна.

Я поблагодарил внучку за столь неожиданный подарок, и она довольна заулыбалась.

Это стало повторяться почти каждый день, внучка приносила мне фотографии Анастасии Петровны, и я с радостью помещал их в специальную папку в компьютере, а потом долго разглядывал и вспоминал каждую короткую минутку, что отвела мне судьба в жизни на союз, душевную близость с этой дивной девушкой.

И неожиданно для себя даже я всё прекратил. Попросил внучку больше не приносить мне фотографий Анастасии Петровны.

— Вы, что, поссорились?

— Нет, милое дитя, разве возможно с ней поссориться? Здесь совсем другое. Ты уже взрослая, и я тебе всё объясню. Она счастлива, она — в семье, у неё есть две дочери, маленькие

внучки, у неё есть муж... И как я буду выглядеть, как ты думаешь, если сам не прекращу эту связь, это ненормальное состояние?

Крепко обняв внучку за плечи, я вспомнил вчерашнюю историю, свидетелем которой невольно стал. Слава богу, что остался незамеченным. Да и не до меня было этому счастливому семейству, которое я увидел в том же парке, где произошла моя единственная встреча с Анастасией Петровной.

Она шла в окружении всей семьи и просто светилась от счастья, держа за руки прелестных внучек.

Я понял, что на этом празднике жизни всегда буду лишним. А на бесчестье неспособен, поэтому и приказал себе — никогда более не искать встреч со своей любовью юности. И если оказывался в школе, норовил договориться с внучкой о месте встречи, не подходя к самому зданию.

Мудрая внучка всё поняла, но, странное дело, когда она показывала мне фотографии класса, почему-то всегда оказывалась рядом с Анастасией Петровной, которая обнимала её за плечи. А буквально на днях внучка обратилась ко мне со странной просьбой:

— Дедуля, а ты не знаешь, как можно необыкновенно поздравить Анастасию Петровну с днём рождения?

— Знаю, моя хорошая. Ты иди, делай уроки, а я приготовлю подарок.

И я собрал на флешку все возможные варианты исполнения знаменитой «Бесаме мучо», присовокупив туда и «Синий май» в своём старинном исполнении, и «Ах, судьба моя, разлука-судьба» в исполнении любимого мною Кубанского казачьего хора. А в самом конце записал песню Рашида Бейбутова «Я встретил девушку».

— Поверь мне, моя хорошая, — сказал я внучке, — это будет дорогим для неё подарком, встречей с юностью.

Появившись у меня на следующий день, внучка сияла:

— Дедуля, а ты прав, она очень плакала, слушая эти записи прямо в школе, но была при этом такая счастливая. Разве так бывает, чтобы люди плакали и были при этом столь счастливы?

— Ну, видишь, бывает, моя хорошая. Когда люди вспоминают о самом дорогом в их жизни. Пусть оно и не сбылось... Не всё зависит от самого человека, есть обстоятельства, над которыми он не властен, к сожалению. Но память о юности, о том светлом, что и делает нас людьми, многое значит для людей, у которых чистая совесть и которые живут по чести...

— Я поняла всё, дедушка. Это то, что осталось в вашей памяти и сердце, правда?

— Да, моя хорошая, именно так...

— Я забыла, она сказала, что такого дорогого подарка она не получала ни разу в жизни, и велела тебя поблагодарить. Обнять и поцеловать.

И внучка сильно обвила меня руками за шею и поцеловала в щеку.

— Это тебе от Анастасии Петровны!

21 декабря 2020 года
Москва.

Последняя встреча

Крымские миражи

Слабому человеку неведом его завтрашний день.

Да и Господь не всегда скажет, что нас ждёт впереди, не обережёт своё дитя от ошибок и прегрешений.

Много нас у Него, за всеми не уследить...

И. Владиславлев

Куприн задыхался. Я его просто не узнавал... От моего любимца, творчество которого я знаю, полагаю, весьма недурно, не осталось и следа. Предо мной сидел старец, у которого уже на жизнь не было времени. А вот к молитве, по моему убеждению, о прощении грехов перед Отечеством, он так и не дошёл...

Я напоил его чаем. Дал сердечные капли, и он немножко прибодрился:

— Спасибо, вот, спасибо, голубчик. Так хорошо мне ещё ни разу... по возвращению... домой, не было. Покойно и тихо. Даже сердце, слышу, стучит ровно и чисто. Так бы и доживать...

Я выждал, пока он успокоится совсем и отдохнёт:

— Александр Иванович! Всё офицерство России выросло на Вашем творчестве. Мы почти наизусть знали все Ваши произведения на армейские темы.

— Спасибо, голубчик. Мне это очень приятно...

— У меня, Александр Иванович, вопрос, который меня мучает до сей поры, и не даёт покоя. Как Вы могли встать на сторону тех, с которыми борлись всю жизнь? Деяния которых изобличали и в своём «Поединке», «Прапорщике армейском», «Юнкерах».

— Ох, голубчик, я ведь знал, что неспроста Вы явились в эту страшную ночь предо мной. Знал, что этот вопрос непременно всплывёт, и о чём бы мы ни говорили — мы выйдем на него. Отвечу очень кратко — это мой неискупимый грех перед Отечеством. Никто, даже сам Господь Бог, не освободит меня от этой вины. И та моя служба в рядах белого движения — умопомрачение. Неужели Вы думаете, что я не знал истинной цены всем этим денюжкам, колчакам, юденичам? Знал! Знал, что эти вожди пекутся лишь о собственном благе и благополучии. О возврате утраченных возможностей. Это ведь мы сегодня знаем уже все их будущие деяния. Колчак был прямым агентом Великобритании, выполнял волю правящих кругов Америки. О Деникине же — стыдно даже говорить — царедотступник, царевбийца, так как в результате его предательства, совокупно с Алексеевым, Корниловым, Рузским и даже милейшим Алексеем Алексеевичем Брусиловым, отступились от Государя, чем и предрешили как его судьбу, так и судьбу его семьи.

Этот человек, оставивший армию за 7 месяцев до падения Крыма, позорно бежавший на английском эсминце в Константинополь, а затем — и в Европу, в Париж, разве мог быть русским патриотом-государственником?

Тяжело отдышался. Выпил, шумно, почти стакан воды, и продолжил гово-

рить дальше:

— А предав единожды — он был готов предавать и дальше. Вы знаете о его письме Гитлеру в 1934 году?

— Да, Александр Иванович. И об этом знаю, и о его последнем письме в 1947 году президенту США Трумэну, в котором он наставлял и инструктировал этих властителей — как вести войну с нашим Отечеством.

— И после этого — слезливый и ностальгический плач наших демократов о том, что Антон Иванович Деникин в сорок пятом году поднял бокал за победу русского оружия в войне с фашизмом. Каково?

Отступник и изменник, благословивший своим письмом поход Гитлера — поднимает тост за наши победы?! Да в сорок пятом году весь мир поднимал тосты за наши победы. А Деникину, всему извлекавшемуся в грязи отступничества и предательства — разве можно было поступить по-иному?

— К несчастью, Александр Иванович, Ваша деятельность на посту редактора белогвардейской газеты, такое же свидетельство неразборчивости.

Господи, мне не верится, что написанное Вами за этот период — это дело рук самого Куприна, на которого мы молились и которого истово любили. У меня есть подборка всех газет того времени, которые Вы выпускали. Сколько же клеветы и измышлений в Ваших репортажах, статьях, заметках...

— Да, голубчик, но этого не изменить и не вернуть вспять. Это, к несчастью, было... Но я ведь искренне повинился пред Россией.

Тяжело опёрся на руки, посидел в задумчивости, и продолжил:

— Ах, если бы не было тех окаянных лет, которые я провёл вне России. Без России. В стане её врагов. Сколько бы я мог ещё явить, сколько написать... А теперь, — он как-то жалко покачал головой, — уже ничего не могу. Нет сил. Душа моя как-то истлела, нет в ней уже былого огня. Желания даже творить нет. Надо уже, наверное, собираться в самую дальнюю из дорог.

Он с большим трудом встал из кресла, подошёл к окну и сказал мне:

— А знаете, о чём более всего скорблю? О том, что не довершил своей борьбы на ниве жизни. Не отдал всего себя России. Вот за это более всего болит душа.

Он тяжело зашаркал ногами, приблизился ко мне, заглянул в глаза:

— Не судите меня сурово. Я уже себя осудил самым страшным судом. И — прощайте, голубчик. Устал я очень. Нет сил больше говорить. Да и незачем... Пойду, отдохну...

Когда источается любовь в сердцах тех, кто Господом предназначен друг для друга, на всей Земле увеличивается количество зла, и в его воронку затягивается всё больше и больше людей, даже совершенно не виноватых в произошедших злодеяниях, и их скорбная ноша самая страшная — нести тяжкий крест ответственности за чужие грехи ...

Любовь невольницы

Голос Потёмкина разносился по всему ханскому дворцу. Он нетерпеливо покрикивал на своих помощников:

— Ну, что, готово? Мундир, мундир несите... Всё сделали, как я велел? Со звездой? Эполеты — генерал-лейтенанта?

— Да, Ваше Сиятельство, — ответил потный и дородный генерал.

— Зовите! — решительно приказал Потёмкин.

— Иртеньев, — обратился он ко мне, но голос притушил и сказал только мне слышное, — как обряжу бусурманина в мундир, подашь саблю!

— Всё сделаю, Ваше Сиятельство! Как Вы велели, — ответил я, держа в руке богатую, в кованых серебряных ножнах, саблю с Георгиевским темляком.

Двери парадной залы открылись, и в них появился низложенный хан Давлет Гирей.

Потёмкин душевно обнял его и, держа за плечи, обратился ко всем присутствующим в зале:

— Милостью Государыни нашей, новый генерал-лейтенант в воинстве русском сегодня появился. Это ты, хан!

И он, самолично расстегнув золототканый халат на Давлет Гирее, снял его и облачил вчерашнего хана в генеральский мундир.

— Ну вот, хан, мундир генерала русской армии — он удачливее твоего халата. Носи его с честью, не посрами.

Трудно сказать, что было на душе низвергнутого хана. Но стоял он перед Потёмкиным пунцовый, в неприличном для него мундире, и как только Светлейший отвлекся от него — другим гостям внимание оказать тоже было надобно, поспешил выйти из зала.

Не знаю почему, никто мне такого приказа не отдавал, но следом за ним вышел и я. Вроде, как офицер для поручений.

Если уж честно, то, скорее, душеприказчиком его, телохранителем себя определил, так как ещё неизвестно, как это событие — отказ навечно от ханства и принятие на себя знаков отличия генерала русской службы — оценит его окружение.

Хан, молча, посмотрел на меня и ничего не сказал, тем самым согласившись с моим присутствием возле него. А уж в каком там качестве, было совершенно неважно.

Так началась моя недолгая служба возле новоиспечённого генерал-лейтенанта.

Ко мне он относился очень внимательно, хотя был всегда немногословным и никаких чувств не проявлял. Говорил очень мало, взвешивая каждое слово. Я вёл его переписку, сопровождал во всех поездках.

И Потёмкин, видно, Давлет Гирей к нему обратился, лично приказал мне неотлучно находиться возле бывшего хана.

— А чтоб ему не было так обидно,

жалую тебя, поручик, капитанским чином. Не милость это, заслужил. Сам Михаила Илларионович Кутузов просил за тебя, за отличия в боях на перевале. А это, капитан, от меня лично тебе на память, — и он, приняв из рук адъютанта богатую старинную шашку, в серебре, протянул мне на вытянутых руках.

Благоговейно приняв клинок, я поклонился Светлейшему князю и сердечно его поблагодарил.

Каждый день в отведённых мне покоех стол накрывала молодая невольница.

Лица её я не видел, дивным огнём горели только глаза, но по угадывающимся очертаниям тела под шёлковой одеждой, её гибкости, было видно, что она очень молода.

Её маленькие изящные ножки в золотых туфельках не давали мне покоя, и я долго не мог усидеть за своим столом тёмными ночами, предаваясь беспочвенным мечтаньям.

— Милая девушка, не бойтесь меня и не сторонитесь, — сказал я в один из дней. — Я не причиню Вам никаких неприятностей. Вы понимаете наш язык?

Она только утвердительно закрыла свои тёмно-карие, с золотинкой возле зрачков, глаза.

И это было счастьем. С этого дня я уже с нетерпением ждал её появления. Норовил, хоть на секунду, дотронуться до её очаровательной ручки, а один раз, осмелев, приник к ней губами.

— Не делайте так, господин. Иначе... меня просто казнят. Меня об этом предупредил визирь хана.

— Милое дитя! Нет хана, нет визиря, есть генерал-лейтенант русской армии Давлет Гирей.

И, осмелев совершенно, я через несколько дней сумел ловко расстегнуть причудливую золотую брошь на её платке, и мне открылось лицо такой дивной красоты, что я просто онемел.

— Господи, как же Вы прекрасны. Как зовут Вас, милая незнакомка?

— Айгуль.

— Это как же по нашему-то будет?.. Анюта, Аннушка, — вскричал я, — можно я так буду тебя звать?

Она торопливо застегнула платок на правой стороне лица, и снова перед мной были только её глаза, как в омут, увлекающие к себе. Но в них, кроме прежней и неизменной учтивости, уже горел огонь высокого чувства. И она его не скрывала.

— Аня, самого Светлейшего попрошу, если ты только за меня согласишься выйти. Никому тебя не отдам.

Следующие три дня явились для меня сушей мукой. Она перестала приходить ко мне. И я, думая о самом страшном, направился напрямую к Давлет Гирею.

— Ваше Превосходительство, позвольте выяснить у Вашего помощника, по какой причине мне заменили служанку?

Давлет Гирей пожал плечами и махнул рукой в сторону двери. Я расце-

нил это как позволение и пошёл на половину бывшего визиря, которого теперь называли секретарём Давлет Гирея.

Хитрый проныра, он всё сразу понял и засмеялся.

Затем на хорошем русском языке сказал:

— Что, капитан, красивая девушка?

— Ох, Ваше Превосходительство, — польстил я ему, но сказал святую правду для себя, — жить не могу без неё.

— Но она же магометанка!

— И что? В нашу веру обратим. По её согласию. Что с ней, Визирь? — умышленно назвал я его старым титулом.

Ему это понравилось.

— Заболела, капитан, твоя служанка. Боюсь, как бы не холера. Лежит там, под навесом, на хоздворе, — уже равнодушно махнул он рукой и занялся своими делами, демонстративно отворачившись от меня.

Я бегом устремился на хоздвор.

Господи, как же зашло моё сердце, когда я увидел измученные тяжёлой болезнью её дивные глаза и потрескавшиеся губы.

Она еле прошептала:

— Я знала, я знала, что ты не оставишь меня, мой господин.

— Нет, Аня, не господин, судьба твоя, и ты — моё счастье.

И когда я взял на руки это невесомое тело, она доверчиво прижалась ко мне и спросила:

— Ты спасёшь меня?

Вверив её заботам наших лекарей, я не уходил из лазарета. И когда старый врач вышел ко мне, по его лицу я понял, что самое страшное миновало.

— Слава Богу, капитан. Горячка. Простая горячка. Но они же, бусурмане, не лечат ничего, вот девушка и дошла до такого состояния. Поставлю её на ноги, не волнуйся. А что, — лукаво посмотрел он на меня, — любя тебе?

— Любя, доктор. Жизни дороже, спасибо Вам.

И я сердечно поклонился ему до земли.

Приставив к Анне, теперь я только так её и называл, сиделку из татар, степенную и сердечную женщину, я вновь вернулся к своим обязанностям. Но каждый день, и утром, и вечером, с гостинцами, забегал в лазарет. И видел, как приходит в себя и крепнет милая моему сердцу девушка.

А тут, слава Богу, и случай подходящий представился — сам Светлейший князь Потёмкин призвал меня к себе. Обстоятельно доложив ему по службе и получив новые поручения, я решил обратиться к нему с просьбой:

— Ваше Сиятельство, прошу Вас устроить и моё личное счастье. Полюбил я, Ваше Сиятельство, девушку местную. Дозвольте по нашему обряду обвенчаться.

Потёмкин засмеялся:

— Знаю о твоей страсти. Сам Давлет Гирей рассказывал. Не поленился, сегодня поутру, я самолично сходил в лазарет. Ох, капитан, а ты — молодец,

такую девушку окрутил. Хороша, ничего не скажешь. Сам посажённым отцом на свадьбе буду. Согласен?

— За высокую честь почту, Ваше Сиятельство!

— Я, капитан, даже Государыне нашей отписал о твоей любви, и она прислала тебе подарок, царский, — и он велел свитскому генералу вручить мне ларец дивной работы, в котором лежали два дивных кольца, с бриллиантами: одно для Аннушки моей, а второе мне впору пришлось. Словно кто-то снимал мерку.

— Спасибо, Ваша Светлость, Вам за честь высокую, а матушке-императрице передайте при случае, что и жизни самой не пожалею во имя её.

— Ну, иди, счастливцев, завидую я тебе. Сам таким был в твои лета, когда встретил принцессу Ангальт Цербскую, чтобы сопроводить в Москву...

И даже закашлялся Светлейший князь, поняв, что лишнее сказал.

Поэтому подтолкнул к двери своей властной рукой, да и застыл, молча, у окна...

С той поры минуло тридцать лет. Я уже давно вышел в отставку.

Дослужился до генерал-лейтенанта, дальше не дали, изменились времена, и все, кто был возвышен Потёмкиным, подверглись гонениям и заведомым ограничениям в службе.

Но я ни о чём не жалею. Ни одна битва во имя Отечества меня не минула за эти годы.

И так как по ранениям предоставлялся мне отпуск с побывкой дома, то и появились у нас с Аннушкой пять сыновей.

Пять ран и пять сыновей. Все на службе, даже младшенький — в кадетском училище.

А Аннушку свою прежней любовью люблю. Кажется, и не жил вовсе. И не насмотрелся на неё. Не налюбовался.

Да и когда за войнами было? Она сегодня, мне кажется, ещё краше стала, нежели в ту пору, как увидел её в ханском дворце.

Вчера, зардевшись всем лицом, приникла ко мне и говорит:

— Нам бы доченьку, счастье моё. А то все сыновья — на государственной службе. И дом наш пустой. Не слышно в нём детского голоса.

Что ж, милая Аннушка, теперь у меня отпуск бессрочный, можно и о дочери подумать. Да и не об одной. Ты же у меня — вон какая красавица ещё.

Когда исстачается любовь в сердцах тех, кто Господом предназначен друг для друга, на всей Земле увеличивается количество зла, и в его воронку затягивается всё больше и больше людей, даже совершенно не виноватых в произошедших злодеяниях, и их скорбная ноша самая страшная — нести тяжкий крест ответственности за чужие грехи...

Владимир НЕУНЫВАХИН

Рассказы и зарисовки о жизни и о природе

«Береста»

Будущее здание поднялось от земли всего метра на два. Лёшка остановился и завороченно наблюдал, как каменщик, ловко пристукивая мастерком, укладывал кирпич к кирпичу. «Здорово наловчился», — восхищённо отметил он.

За спиной резко рывкнул клаксон и завизжали тормоза. Лёшка рванул в сторону.

— Ты чё рот раззявил?! Стоишь... столбом! — высунулась из кабины девушка-шофёр, но заметив у его ног чемодан, неожиданно улыбнулась.

Поставив машину под башенный кран, она подошла:

— Привет! Ты к нам на Записб по направлению или дикарем? — спросила девушка, протянув миниатюрную грязную ладошку, и представилась: — Лиза Карнаухова — бригадир автобазы и комсорг стройки вот этого жилого квартала. Так ты говоришь, по комсомольской? Отлично! Значит, нашего полку прибыло. Ты издалека?

— Да нет. Я местный. Из Абагура-Лесного...

— Это даже и лучше. На выходные можно и домой съездить, — и вдруг, спохватившись, спросила: — Тебя кадрики куда направили, в какую общагу?

— Вот, на бумажке написали какое-то третье общежитие, объяснили, как найти, но я, по-моему, заблудился... Тут столько строящихся объектов...

— Ну, это не очень далеко. Я как раз мимо еду, и если не возражаешь — подвезу.

Лёшка с любопытством глянул на девушку. «Красивая и... шофёр», — подумал он, невольно проводя параллель между девичьей красотой и несовместимой с ней профессией.

Лиза, натолкнувшись на его взгляд и будто прочитав мысли, вспыхнула и отвернулась.

Когда машина остановилась у длинного сборно-щитового барака, Лиза, как бы между прочим, произнесла:

— Народу к нам на стройку едет прорва, не успеваем на учёт ставить, но и бегут не меньше. Есть такие, что через два-три дня исчезают. Окунется в грязюку, набьёт мозоли на ладонях, и всё, патристический запал улетучился. Мы таких «берестой» зовем: загораются быстро, да горят один миг...

Лёшка понял, на что намекнула девушка, и густо покраснел. Хотел что-

то возразить, но сдержался, только спросил:

— Это и есть третье общежитие?

Лиза кивнула. Лёшка поблагодарил, подхватил чемодан и спрыгнул с подножки.

Машина, подняв клубы пыли и громя кузовом, запетляла между навороченными кучами песка, глины, вагончиков, штабелей стройматериалов и вскоре исчезла за поворотом.

Лёшка прошёл по дощатому тротуару к подъезду барака, поднялся на низенькое, в две ступеньки. крылечко. Вечерело.

Рабочий день заканчивался.

Старушка, дежурная по общежитию, повела Лёшку по полутёмному коридору, освещённому тусклыми лампочками под потолком, забрехала ключами у одной из дверей. Когда вошли, ткнула брякающей связкой:

— Располагайся вон на той, — и показала на кровать в дальнем углу.

Лёшка огляделся.

Да-а, комната — не разгуляешься.

Почти вплотную друг к другу стояли пять кроватей. По их заправке можно было судить о характере хозяев: как попало наброшенные одеяла, комом висели на спинках полотенца. Только одна кровать была аккуратно заправлена, на тумбочке — стопка книг. На остальных — бардак: крошки, обрывки бумаги, пустые консервные банки.

Хлопнула дверь. Алексей вздрогнул, обернулся — в комнату, как вихрь в форточку, влетел коренастый паренёк с небольшим свёртком под мышкой. На долю секунды споткнулся, оглядел, как ощупал, Лёшку, прошагал к одной из коек. Бухнулся на жалобно пискнувшую панцирную сетку и содрал с тёмно-русой взлохмаченной башки коричневый берет. Ещё раз оглядел Лёшку, должно, старушка предупредила о новом постояльце, и полуравнодушно, с некоторым оттенком любопытства спросил:

— Новенький, значит? Выходит, соседом по койке будешь, — и вдруг представился. — Я — Пётр Краснухин. Ночью не храпишь? Как зовут-то?

Познакомились. И тут же начали подходить остальные жильцы. Неприятно здоровались, будто расстались всего несколько часов назад.

— Ты смотри, наша «традиционная» койка снова занята, — с нескрываемым сарказмом сказал один из парней, что-то ища в своей тумбочке.

— Он хочет сказать, — повернулся к Лёшке Краснухин, — что ты на этой койке уже третий. Были до тебя двое, но оказались «берестой»...

Лёха вновь вспыхнул, как кумач, он уже знал, кого здесь зовут «берестой», и со злой обидой подумал: «Зациклились на этой «бересте», и что за дурацкие намеки?..»

Парни умылись и засобирались в столовую, позвали и Лёху, но он отказался, сославшись, что поужинает остатками продуктов, привезённых из дома.

Вскоре все вновь собрались в комнате, стали готовиться к «походу» на танцы, которые, как понял Лёшка, бывают здесь каждый вечер на импровизированной танцплощадке, сооружённой рядом со строящимся зданием кинотеатра.

В дверь постучали, и в комнату не вошла, а впорхнула Карнаухова. Лёшка сразу не узнал её — она была потрясана. В лёгком светло-голубом платье, в туфельках на полшпильках, она показала Лёшке куда красивее, чем в кабине за рулём.

— Привет, ребята! Ну что, на танцы идём?

— Конечно, — хором гаркнули улыбающиеся парни.

— А у нас новенький. Познакомься, Лиза, — кивнул Краснухин на Лёшку.

— А мы уже знакомы, — улыбнулась она и кивнула Лёшке. — С новосельем! Как устроился? Приходи с ребятами на танцы, там вся наша молодёжь собирается. Весело — обалдеть! — и тут же насупила брови. — Позавчера я была у вас, и мы договорились, что наведёте порядок. А сейчас что? Вам самим-то приятно находиться в этом, простите за грубость, свинарнике?! Семён, а ты не исправим! Неужели у тебя и дома так было. А ну, быстро за уборку! Я не уйду, пока не наведёте порядок!

Ребята смущённо начали сгребать с тумбочек мусор, а Семён, будто невзначай, уронил с тумбочки чёрствую корку хлеба и, наклонившись, незаметно задвинул под кровать грязные ботинки.

...Лёшка проснулся рано, когда все ещё спали. На цыпочках прокрался в умывальную комнату, ополоснул лицо, шею, пару раз дёрнул зубной щёткой по «клыкам» и перекусил остатками колбасы и парой пирожков с капустой. Проснулся Краснухин и, приплясывая на одной ноге (вторая застряла в зауженной штанине брюк), спросил:

— Тебя куда направили?

— Я пока разнорабочий.

— А-а... Ну, тогда тебе на станцию.

Вскоре Лёшка был у железнодорожного полотна. Станции, как таковой, не было. По обеим сторонам насыпи возвышались горы кирпича, железобетонных плит, балок и много всякого другого добра, чему Лёшка не знал названия. Подошла большая группа рабочих с прорабом. Кивнув головой вместо приветствия, прораб хмуро оглядел Лёшку, почитал направление из отдела кадров, повертел в руках и сунул в карман. Повернулся к столпившимся ребятам, среди которых Лёшка заметил несколько мужиков среднего возраста:

— Пока займёмся сортировкой кирпича, битый — в одну сторону, целый — в другую. Подадут вагоны — будем разгружать, а машины подойдут — переклечимся на их погрузку.

Ребята выстроились цепочкой, образовав своеобразный конвейер, и принялись за работу. Лёшке досталось место у самой горы с кирпичом. Хватая кирпич за кирпичом и передавая соседу по цепочке, он подумал: «Не так уж и тяжело. Делов-то, хватай да передавай».

Сначала он попробовал считать свои взмахи, но вскоре сбился и бросил. Вниз, вверх, поворот направо, кирпич в руках соседа, и снова — вниз, вверх, поворот направо, оборот к куче, вниз, вверх, и так бесконечно.

Вскоре заныла поясница, а через пятнадцать минут пот уже заливал лицо, щипал глаза. От напряжения задрожали руки и ноги. Огнём горели ладони, верхонки стали влажными, саднило пальцы, которые иной раз, не удержав, роняли кирпич на землю, а то и на ноги. Закружилась голова. Но Лёшка подавал и подавал. Он потерял счёт времени и почти ничего не сообщал. «Ну, всё! Шас скопытюсь и смехоты будет! — билась мысль в воспалённом мозгу. — Проклятые кирпичи! А ещё говорят — труд облагораживает человека»...

— Перекур! — донеслось сквозь шум в голове.

Не чувствуя спины, Лёшка еле-еле разогнулся, как на протезах, сделал несколько шагов и не лёг, а рухнул на землю. Всё тело гудело, в глазах мельтешили искрящиеся мушки. Подошёл парень, работавший рядом, присел и протянул пачку сигарет:

— Закуривай.

Лёшка затряс головой:

— Не курю.

Подошли машины за кирпичом. Парни принялись за погрузку. Шофёры поторапливали:

— Живей, живей, ребята. Каменщики на простое, хай подняли. Грозятся в завком пожаловаться...

Первый рабочий день вымотал Лёшку напроц.

Под конец появилась апатия ко всему и полное отупение. Хотелось лечь и не двигаться, но, преодолевая себя, он, как сомнамбула, подавал и подавал кирпичи.

Спотыкаясь, Лёшка приплёлся в общежитие, не раздеваясь, рухнул на кровать и провалился в сон, как в чёрную яму. Но даже во сне его преследовали кошмары, ему снилась погрузка машин: и он вновь двигался вверх, вниз, поворот вправо, опять — вверх, вниз. Лёшка не слышал, как Петька Краснухин стянул с него ботинки и укрыл одеялом.

Вывали его из сонного забытья толчки в плечо и настойчивый голос Краснухина:

— Вставай, вставай! На работу опоздаешь. Да, вставай же ты, засоня!

Лёшка ошалело сел и вначале никак не мог врубиться, где он, и что вокруг происходит. С трудом приходя в себя и стряхивая остатки сна, он плаксиво, с жалостью к самому себе подумал: «Е-мое, куда я попал?! Этот долбаный труд меня точно горбатым делает!...»

И вдруг вспомнил слова отца, когда заявил родителям, что едет на комсомольско-молодёжную стройку по возведению нового гиганта металлургии — Запсиб.

— А у тебя какая-нибудь специальность есть?

— Это не важно, рабочие руки везде нужны.

— Может, передумаешь? Хочешь, я переговорю с Иван Семёнычем? Он поможет с поступлением в институт...

— Не хочу никакого блага!

Без аппетита пожевав бутерброд с колбасой, Лёшка поплёлся к железнодорожному полотну. И началось: одна за другой подходили машины за кирпичом, кровельным железом, за мешками с цементом, а потом подали платформы с металлическим прутком и кирпичом.

Толком не отдохнув за ночь, Лёшка быстро устал, а в башке зудила подлая мыслишка: «К чёрту! Эта дурацкая работа не по мне! На фиг! Батяня прав, пусть подключает Иван Семёновича...»

С гудящей головой, разбитым телом, Лёшка вновь еле дотащился до общаги. Ребята были уже дома и куда-то собирались.

— В кино пойдёшь? — спросил Петька.

Лёшка покачал головой. «Какое на фиг кино? Тут отдышаться бы...» — вяло подумал он и чуть ли не со стоном опустился на свою кровать.

— Ты что, заболел? — участливо наклонился Петр. — У тебя такой вид...

— Нет. Я устал.

— Ну, тогда отдыхай. Спервоначалу всегда так. Если надумаешь, приходи в красный уголок, там у нас передвижка.

Повалившись на подушку и закрыв глаза, Лёшка вспомнил мать, убеждавшую со слезами на глазах:

— Алёша, сынок, тяжело будет, бросай всё и возвращайся домой, начнёшь готовиться в институт.

«И в самом деле, что меня здесь держит и кому я в чём обязан?.. Я сам себе хозяин. Пока никого нет... Чемодан в руки и ходу. Обзовут «берестой»? Да хрен с ними...»

Лёшка вскочил, вытянул чемодан из-под кровати и лихорадочно стал укладывать вещи, перекладывая их из тумбочки. В дверь резко постучали. Вздрогнув, Лёшка пихнул чемодан обратно под кровать и сел. Вошла Лиза, удивлённо оглядела комнату и спросила:

— Что, ребята уже ушли? А ты что, Лёш, не пошёл в кино?

— Что-то не хочется, да и голова болит, — смутился Лёшка.

— А я тебя, честно говоря, потеряла. Вечером на танцах не появляешься. Такой красивый и наших девчат сторонись. У тебя что, в Абагуре зазноба осталась?

— Да-а, не-ет... — ещё более смущаясь, пролепетал Лёшка.

— Кстати, почему не являешься в комитет и не становишься на учёт? Давай, завтра же подгребай после работы, буду ждать. И что у тебя с чемоданом? — заметила она угол чемодана, торчащий из-под кровати с приоткрытой крышкой. Она присела на корточки, выдвинула чемодан и, увидев выглядывающий рукав рубашки, начала аккуратно укладывать скомканные вещи.

Лёшка попытался вмешаться:

— Я сам, — но она отвела его руку и, продолжая перекладывать вещи, задумчиво рассказывала:

— Стать водителем я, как себя помню, мечтала ещё лет с пяти, постоянно возилась с пацанами и с их машинками, куклы мне были до лампочки. На стройку приехала с одной целью — стать водителем. Но с ходу не получилось — машин и для мужиков не хватало. Пришлось пойти на рытьё канав. Ох, и тяжело же было! От черенка лопаты на ладонях в первый же день кровавые волдыри вздулись.

Ну, думаю, всё! Не могу больше! Притащилась я вечером в палатку, и сразу за чемодан. Как сейчас помню, — сижу вот так же над чемоданом и реву. Реву и злюсь на себя. А потом решила — потерплю ещё чуть-чуть, может, привыкну. И втянулась. Каждый день ходила к руководству автобазы, комитет комсомола подключила, и вот мечта сбылась — шоферу.

Между прочим, Лёш, ты какую профессию хотел бы получить здесь, на стройке?

— Всегда мечтал здания строить, а потом архитектором стать...

Как ни отнекивался, как ни упирался Лёшка, Лиза настояла, чтобы он переоделся, и вскоре они протиснулись в переполненный красный уголок, где шёл фильм «Летят журавли».

Прошла неделя. Лёшка работал всё там же, на станции, разнорабочим, на разгрузке вагонов и погрузке машин стройматериалами. Но уже начал втягиваться, накачивал мускулы и к кон-

цу смены не так выматывался, как в первые дни. Вчера даже на танцах побывал — опять Лизка чуть ли не за руку утащила из общаги.

Однажды она рано утром забежала в комнату к парням, как всегда весёлая и торопливая.

— А я за тобой, Лёш! Поехали! Тебя переводят учеником каменщика.

Лёшка просиял. Дождёвая бутерброд на ходу, он влез в кабину, и они покатили к строящемуся жилому массиву в противоположной стороне от «станции».

Здание, у которого Лёшка останавливался в день приезда, изменилось до неузнаваемости. За эти несколько дней оно выросло значительно и обросло строительными лесами.

Они поднялись по этим лесам, и Лиза подвела Лёшку к тому самому каменщику, работой которого он любовался.

— Пётр Никодимыч, вот ученик, о котором мы говорили с вами в завкоме.

Каменщик оглядел Лёшку с ног до головы, улыбнулся.

— Ну, что ж, по глазам вижу — учиться жаждешь, а это главное. Вон брезентовый фартук и верхонки, надевай и становись рядом. Иногда матерюсь, так что заранее прошу не обижаться.

Лиза подмигнула Лёшке, наклонилась к его уху, прошептала:

— Это здорово, что ты не оказался «берестой», — и, развернувшись, стала спускаться по лесам.

«Белые ночи и соловьи»

Ах, как изумительны белые ночи нашего северного края! Они сказочно неповторимы и незабываемы!

В них есть что-то таинственное и волшебное, они зачаровывают и гипнотизируют, погружают тебя в какое-то задумчиво-эйфорическое состояние.

Ощущение такое, будто находишься в нереальном, потустороннем мире.

Впервые в жизни лицеизреп я их, приехав служить на север, в Архангельскую область, поселившись в посёлке Североонежске.

Приехал в конце лета, когда белые ночи закончились, а на следующее лето их наступление я непростительно прозевал.

Начинаются они в конце мая и длятся почти до середины июня, а я как раз принялся за строительство погребки на задворках посёлка. Бегал после службы по вечерам на свою стройплощадку и, заработавшись, за временем не следил. Светло и светло. Уже что-то и в сон клонит, а сумерки только-только обозначились.

Смотрю — жена бежит, чуть не в слезах, бледная и готовая на шею кинуться, запыхалась:

— С тобой всё в порядке? Ты не поранился?

— Всё нормально. А что случилось? Ты не в себе! — вытаращился я на свою Петровну.

— Как что?! Ты на время-то посмотри! Ночь ведь!

Я вынул из кармана куртки, брошенной на доски, часы: «Ё-мое! Почти двенадцать. То-то меня в сон клонит. Чёрт! Завтра же спозаранку на работу, вер-

нее, уже сегодня... Странно. Ночь, а почему светло? Будто только-только солнце село... Мать честная!.. Так это же белые ночи начались! — озарило меня наконец. — Совсем забыл».

И всё! Ша! С той поры белыми ночами я не работал, я ими любовался и наслаждался.

Уходил за околицу посёлка на берег Онеги, под сень раскидистых берёз, растущих попеременно с пирамидальными елями, кряжистыми соснами и ольховником. Садился на поваленную сухостойную или валился в шелковистую траву и заворуженно наблюдал сказочное преобразование окружающей природы и незаметно для себя погружался в нирвану. Зачастую сюда, на берег реки, мы приходили вдвоём с женой, сидели, обнявшись и затаив дыхание, слушали соловьиные концерты. И я всегда поражался: север, не очень-то мягкий климат, а соловьи прилетают сюда. Удивительно. На юг Кузбасса не прилетают, а в забытый Богом край — пожалуйста. Гнездятся здесь, потомство выводят, а главное — своими нежными руладами не дают спать девчонкам и всем влюблённым, берегут душу и тем, кто ещё не долюбил, кто не лишен мечтательности и сентиментальности.

Наивысший экстаз исполнительской деятельности соловушек приходится как раз на разгар белых ночей. К этому времени семьи соловушек уже обжились на новом месте, обустроили свое жильё, самочки отложили в гнёздышки яички и сели их высиживать. Кстати, соловьи никогда не селятся вдали от человеческого жилья, их не встретишь в глухих лесах и таёжных трупцах.

И неудивительно: человек всегда был страстным поклонником таланта этой неброской серенькой пичужки с поистине золотым горлышком, и за это виртуоз нежных трелей постоянно, проживая бок обок с влюблённым человеком, ублажал его своими завораживающими руладами.

Но не только человека. Ублажал соловушка и свою подружку, высиживающую яйца и не обладающую исключительным талантом песнопения, как её любимый супруг.

Соловушка садился на ветку плакучей берёзки рядом с гнёздышком и начинал нежно с простенького коленца:

— Тю-ю-ю-р-р-р. тю-ю-ю-р-р-р... — будто убаюкивал жёнушку, — спи-и.. спи-и.. спи-и.., — и, постепенно распаляясь, входил в экстаз, щёлкал и исполнял такие коленца и мелодии, такие нежные переливы, что у меня — хотел я того или не хотел — перехватывало дыхание, тепло в груди и увлажнели глаза.

Время близилось к полуночи. Огромное оранжевое солнце зацепилось своим краешком за горизонт и задумалось: идти на покой или отправляться на второй круг по небосклону.

Оно совершенно не резало глаза и смотреть на него было совсем не больно. И всё-таки оно, окрашивая низкое, будто застиранное серое небо в бледно-розовый цвет, всё глубже и глубже увязало в разжиженном мареве горизонта, где невозможно было провести чёткую грань между земной твердью и

небесной бездонностью. Почти неуловимо для глаз сползая вниз, оранжевый диск постепенно превращался в полусферу, затем — в истончённый серп, и вот исчез совсем. А темней не стало.

Вечерняя лёгкая синева чуть-чуть сгустилась, и всё. Создавалось такое впечатление, что время остановилось, когда всякое движение в природе затихает, а живность, устав от бурной деятельности в течение продолжительного дня, приутихла, но ещё не спит, едва-едва смеживает веки и погружается в расслабляющую предсонную негу — дремоту.

Даже листочки на деревьях, перестав трепетать и перешёптываться между собой, повисли недвижно, будто прикемарили в ожидании отхода ко сну всей окружающей природы.

Одни соловушки были неугомонны, они будоражили тишину белой ночи нежными трелями, которые воспринимались не как досадное нарушение природного покоя, а наоборот, как какое-то чудное дополнение к её умиротворенности: умолкни они, и наступит какая-то ватная и тревожная тишина.

Прошло не больше получаса, как скрылось солнце за горизонтом, а светлынь... Разверни книгу — все буквы отчётливо видны, даже глаза напирать не нужно, читай себе в удовольствие.

Но читать не хотелось. Распластавшись на мягкой траве, ещё не тронутый предутренней росой, и опершись подбородком на скрещенные руки, я любовался подсиненными далями, расстилавшимися на той стороне Онеги: полоской черно-синего леса, обрамлявшего сенокосные луга, берёзовыми рощицами на них и домиками Казаковки — деревни, раскинувшейся на высоком берегу.

Её улицы безлюдны, будто вымерло людское поселение, только у околицы, яростно отмахиваясь от гнуса хвостами, паслись две спутанные лошади. Над водой Онеги стелился еле заметный парок, по глянцевой поверхности то и дело разбегались круги — начинал кормиться лещ.

На месте заката, постепенно истончаясь, угасала заря, а правее, буквально в десятке метров, уже заалела полоска восхода. Вначале заметная, но с каждой минутой она всё более расширялась и наливалась малиновым накалом.

Надо же, и сорока минут не прошло между заходом и восходом светила: природа и «всхрапнуть» не успела, а уже подъём. Но она ещё в полусонном оцепенении, никак не страшнет дрему. И неудивительно — на моих наручных почти два ночи.

Уже давно я покинул северный край, вернулся на малую родину — юг Кузбасса, а ностальгия по многочисленным северным озёрам, его моховым болотам, но особенно по белым ночам и соловьям мучает до сих пор.

Господи! Как хочется послушать берущие за душу соловьиные трели на стыке заходящего заката и появления полоски утренней зари на востоке! До чего же упоительны эти завораживающие и полные таинственности минуты белых ночей!..

Ветеринар

Лёха Муханов благодаря своей профессии в нашей деревне был одним из тех, услугами которых испокон веку пользовались и поныне пользуются все сельчане. К наиболее востребованным спецам в любой, даже захудалой деревеньке, всегда были фельдшер, кузнец и ветеринар. Последнего, как и медика, называли чисто по-деревенски, безо всяких импортных заковык — «ветинар». Вот таким «ветинаром» и был у нас Лёха Муханов — самоучка, не имевший специального образования.

Давным-давно, когда ему ещё и двадцати не было, как-то по пьяни, откликнувшись на слезливые жалобы соседки и набравшись смелости, кастрировал он (по-нашенски — «подложил») её кабанчика. И надо же — получилось!.. Кабанчик не сдох. Больше того, вымахал в такого хряка, что все деревенские мужики и бабы завистливо цокали языками, когда хозяйка выгоняла его на лужайку за баней попастись.

С того дня покатило Лёхе...

Узнали сельчане про его удачливую руку и всё чаще стали приглашать к себе на подворье: кому быка, кому барана, а кому и козла выхолостить. Наловчил Лёха, лихо стал лишать животин мужицкого племени радости общения с противоположным полом. Подложит, к примеру, боровка, промочит пустую мошонку самогонкой, поплёчет на ранку и... ставьте хозяева угощение на стол.

Минули годы. Лёха Муханов заматерел: превратился в широкоплечего мужика, не обделённого мужской привлекательности и вниманием деревенских девок, особенно молодых вдовушек и разведёнок.

Женившись на местной красавице Александре Жариковой, зажил в относительно достатке, насколько позволял кодекс строителя коммунизма. Одна беда — не дал им Бог детей, хотя по молодости и страстно любили друг друга. Но... не получалось...

Александра очень переживала, что не может забеременеть, винила во всем себя и втайне от Алексея неоднократно бегала к бабкам-повитухам и знахаркам.

Но наговоры, настои и советы не помогли. А как перевалило за сорок, смирилась: видно, на роду написано быть ей бездетной.

Лёха к тому времени уже был широко известен не только в нашей деревне, но и во всей округе.

В связи с отсутствием в колхозе квалифицированного специалиста (хрен кого калачом с маком заманишь) правление утвердило его ветеринаром, положив хорошее жалованье, закрепив лошадь и наделив сенокосными угодьями.

Однако хороший приварок к семейному бюджету давали посещения частных подворий и поездки в соседние деревни.

Копейка в кармане у Лёхи всегда водилась, а угощений — хоть отбавляй. Частенько, обмывая с хозяином проделанную работу, подолгу беседовали за жизнь, бывало, и щекотливые вопросы задавали Лёхе, типа:

— Вроде, давно с Лександрой живё-

те, а чего наследников-то не заводите?

— Успе-е-ем, — отмахивался Лёха, — нужно и для себя пожить. А пойдут коровы — не погуляешь, успевай — поворачивайся, кормить, одевать надо, — фальшиво смеялся он, хватаясь за стакан.

— А может, там, — тыкал пальцем в потолок подвыпивший собеседник, — наказывают тебя за то, что лишаешь радости животин мужицкого племени?

— Ну, ты и сказанул! Какой же это грех? Я ведь не людей кастрирую. А бычки и поросята — это же тварь...

— Но тварь-то божья!

— Не путай... хрен с пальцем! — и Лёха, перестав улыбаться, резко обрывал душевную беседу.

А потом с неделю ходил хмурый, срывая зло на жене и окружающих, матерился в душе на дурака, затеявшего дурацкий разговор. И кто знает, постоянные ли угощения односельчан, отсутствие ли в доме ребячьего визга и смеха тому виной, но пристрастился Лёха к чарке со спиртным. Всё чаще лошадь привозила к родному палисаднику в кошёлке своего хозяина пьяного в дребедан.

Участились случаи падежа молодняка, и не только у частных, но и на колхозной ферме, особенно после Лёхиных похмельных операций. Ну, и посыпались жалобы в правление.

Вызвали Лёху на заседание и так пропесочили... Но не ругань правленческих испугала его, испугала угроза отнять лошадь, без которой в деревне — ни огород вспахать, ни сена, ни дров привезти, а он так привык к независимости...

Не успел Лёха облегченно перевести дух от последствий головомойки, как новый вызов в правление:

— Разнарядка вот из области пришла. Собирайся, поедешь на месяц в Кемерово на курсы повышения квалификации.

— С чего это?! Никуда не поеду! — заартачился Лёха.

— Не поедешь — пойдёшь на скотный двор силос возить!

— Но я дальше района никуда не выезжал, — испугался Лёха.

— Вот и хопшо. В областном центре побываешь, помотришь, как люди в городе живут, себя покажешь, научишься чему-нибудь, а то здесь, в деревне, совсем сопьёшься.

— Но...

— Никаких «но»! Выбирай: или — едешь, или — скотный двор.

Смирился Лёха, пошёл собираться. Все свои заначки «обналичил», наскрёб кое-что на первое время и предупредил при прощании Александру:

— Будет у меня туговато с деньгами, дам телеграмму — вышлешь.

— Конечно, вышлю. Только, Лёш, особо не транжирь... И смотри там, чтобы без всяких выкрутасов, а то привезёшь какую-нибудь заразу...

— Да ладно ерунду пороть. Мне давно не двадцать.

Уехал Лёха. Ещё тише и скучнее в доме стало. А уже через неделю у калитки Мухановского палисадника нарисовался деревенский почтальон Кесарий Степаньков.

— Лександра! — закричал он. — Лек-

сандра, ты где? Слышь! Тебе телеграмма, должно, от Лексея! Лександра! — продолжал он надирать.

Вытирая руки о передник, на крыльцо выскочила Александра.

— Что стряслось? Что ты орёшь?

— Распишись. Телеграмма тебе.

А в телеграмме всего три слова: «Вышли денег. Алексей». Крутила, вертела обалдевшая Шурка казённый бланк: «А куда слать-то? Обратный адрес: Кемерово, и всё». Пожимая плечами, долго вертел бланк и Кесарий а, уходя, посоветовал:

— Подожди. Может дополнительно сообщит.

Положила Александра телеграмму на комод, стала ждать.

Прошла ещё неделя. Лёха последние копейки из карманов выскреб: ни пожрать, ни покурить, тощать начал. Пробовал перехватить у мужиков-сокурсников. А те, убедившись, что ему отдавать нечем, заторопились: «Извини, сами на подсосе. Вчера поддали и всю заначку ухайдакали...»

«Подлюки, — матерился в душе Лёха, — как жрать водюру на мои кровные — так с полным удовольствием, а как выручить — так сразу на мели! Бие ма нихай! (было у Лёхи такое крепкое словцо, что в переводе означало примерно — «растудыт твою мать!»). И эта курица что-то замешкалась с деньгами! Неуж телеграмму не получила? Да нет, должна получить...» — и голодный вновь отправился на почтамт отбивать домой новую телеграмму.

Расписалась и за неё Александра и не на шутку разозлилась:

— Он что там, совсем заучился? Пишет: срочно высылай деньги, а адреса опять не указывает!

Потом побежала по соседям: может, ей, дуре, не по глазам. Пусть они изучат обе телеграммы и подскажут, что делать? Но не помогли соседи, посмеялись: «Совсем Лёха, того... А тебе, Лександра совет, хочешь потерять деньги, посылай по адресу: областной центр, Муханову Лексею. Авось получит...» И опять хохочут.

Вторая телеграмма тоже легла на комод рядом со шкатулкой, в которой Александра хранила какие-то старые квитанции и справки.

Лёха каждый день ходил на почтамт, и... тишина, ни денег, ни ответа, ни привета.

Осунулся мужик, с лица сошёл, да и откуда жиру взяться, коли на завтрак и ужин — пустой чай и чёрствая горбушка хлеба, притом без обеда. Хоть иди ночью в подворотню и грабь припозднившихся прохожих.

«Во, дожид, — кисло думал Лёха, — люди скажут: Муханов в грабители подался. Бие ма нихай! И всё из-за «любимой» жёнушки, которая, оказывается, забыла о муже на второй же день после его отъезда и которой наплевать, что её мужик подыхает с голоду!.. Чтоб ей до конца дней своих питаться так же, кипятком и сухариками!»

Лёха отбил третью телеграмму с мольбой о спасении: «Срочно шли деньги. Погибаю. Твой Лексей. Кемерово».

Отправил и вконец затосковал: как жить дальше, что предпринять, ведь до

конца учебы ещё больше двух недель?

Кое-что толкнул из фибрового чемодана, что привёз с собой, на городской толкучке — новую рубашку, две майки, да надолго ли хватит несколько мятых трёшек и рублей?

А Александра, получив третью бесстолковую мужнину депешу, готова была сама лететь с местного аэродрома в областной центр на «кукурузнике», летавшем четыре раза в неделю туда и обратно, чтобы лично передать благоверному злополучный перевод.

Однажды, возвращаясь с почтамта, где ему в очередной раз сообщили об отсутствии каких-либо переводов, Лёха вдруг вспомнил троюродного брата Ивана Мишкина, приехавшего в их деревню из Кемерово к матери. Здорово они тогда погуляли, гудели почти неделю, и при прощании тот настойчиво пригласил Лёху в гости в областной центр:

— Меня в Кировском районе каждая собака знает. Пятиэтажный кирпичный дом, зайдёшь в подъезд, поднимешься на четвёртый этаж, и вот она, справа — дверь, обитая черным дерматином. Найдёшь запросто, ни у кого в подъезде такой двери нету...

«Бие ма нихай! — напрягал свою память Лёха. — А какой же подъезд, дом и улица. Убей Бог лаптем — не помню! Под турахом был, да и Ванька по пьяни мог не назвать. Но я найду, — решил он, — весь район обшарю, а найду, и Ванька спасёт меня от голодной смерти».

Кировский район оказался внушительным, с десятком улиц и множеством пятиэтажных кирпичных домов. Начав их обход, Лёха впал в унынье: обойти все дома и подъезды — месяца не хватит.

Но деваться некуда, начал обследование каждого дома, каждого подъезда и везде расспрашивал сидящих на лавочках жителей — не знает ли кто Ивана Мишкина, бывшего шофёра из деревни Александровка.

Никто не знал и не слышал о таком. Правда, на второй день один какой-то похмельный мужик вдруг заявил:

— Да, я знал бывшего Александровского мужика Ивана, но его ещё прошлым летом снесли на погост.

Плюнул Лёха и дальше пошёл. Уже из сил выбыл, ноги до задницы стёр, а подлой двери, обитой чёрным дерматином, на четвёртом этаже справа всё нет и нет.

К концу второго дня (а был выходной), совсем отчаявшись, он уже готов был поставить крест на бесплодных поисках.

И тут, поднимаясь в очередном подъезде по лестнице и еле переставляя налитые свинцом ноги, он вдруг увидел чёрную дерматиновую дверь.

Увидел и сел на бетонный пол, даже смахнул набежавшую слезу. Дрожащей рукой нажал на кнопку звонка и... вот он — Ванька на пороге.

— Ба-а-а! Ты ли, Лексей? Какими ветрами? Заходи, гость дорогой! Вот не ожидал! Вот не ожидал! Ты что, онемел? Или встрече так обрадовался, что язык к нёбу прирос? Ну, а я как раз... — Иван споткнулся, внимательно глянул

на гостя. — Что-то смотрю, измождённый ты какой-то.

И Лёха, судорожно вздохнув, начал рассказывать о своих мытарствах.

— Ну, и слава Богу, что ты нашёл меня. Откормлю и с деньгами выручу. И очень здорово, что моя гримза умотала на неделю к теще, некому будет капать на мозги и нервы.

Погуляем. Ты давай, Лёха, пока я готовлю, лезь в ванну, отмывай пыль дорожную, а потом посидим, поговорим.

Изядно наголодавшись, Лёха всё налегал и налегал на закуски, выставленные щедрым брательником, и когда тот, распочав вторую бутылку, набулькал в очередной раз по стаканам, Лёха вновь поплакался на случившееся:

— Не пойму, что случилось, почему Шурка не шлёт денег? На третью телеграмму — ни ответа ни привета...

— А может, она того... скурвилась? — округлил глаза Иван.

— Да ты что?! Хотя... кто их разберёт этих баб...

— Вот, вот... Бывает, что и...

— На день раньше с курсов сорвусь, втихаря приеду в деревню и — гадом буду — подкараулю, — стукнул кулаком по столу Лёха.

Выручил деньгами брательник, и через неделю Лёха на «кукурузнике» прилетел в Александровку, задами прокрался к своей усадьбе и залёг на чердаке бани.

На два дня раньше появился.

С три короба наплёл руководством курсов, якобы приезжал их деревенский и сообщил, что сильно болеет жена, лежит, мол, пластом, дома полный кавардак, живность неухожена и т. д. и т. п.

Посочувствовали, отпустили, выписали корочки об окончании зоотехнических курсов повышения квалификации — езжай, поднимай жену на ноги, наводи порядок в доме.

Александра по хозяйству возится, в огороде колуется.

Лёха в шёлку с чердака за ней наблюдает, но ничего предосудительного в её поведении не замечает.

Чего-либо подозрительного не заметил он и ночью: ни одной тени не мелькнуло у калитки, не звякнула дверная щеколда, никуда не отлучалась и сама Александра, спать улеглась в обычное время — в одиннадцать часов.

Ничего не дали наблюдения и на вторые сутки.

А Лёха вновь голодал.

За всё время сидения на чердаке бани съел только то, что добыл на огороде: луковое перо, несколько огурцов с грядки, пригоршню стручков гороха, да с полдесятки яиц, что нашёл в курятнике при ночном посещении.

На третий день Александра побежала с утра на деревенский аэродромишко, встречать благоверного. Лёха же, отоспавшись, прошмыгнул в дом, пошарить чего-либо из съестного.

Возвращаясь с аэродрома, Александр ругалась:

— Грамотей чёртов! Не прилетел. Запил, наверное, на радостях по случаю окончания курсов, а ещё телеграммы слал, денег просил...

Факт посещения дома посторонним Александра обнаружила сразу, об этом свидетельствовали хлебные крошки на столе, заметно понизившийся уровень супа в кастрюле и исчезнувшая крынка с молоком из сеней.

Заподозрив, что за гость покусился на продукты, отправилась по дворовым постройкам, заглядывая во все закутки. Из бани навстречу ей шагнул Лёха.

— О-о-о! Муженёк мой разлюбезный, ты ли это? А я его на аэродроме жду... И давно ты здесь, как Сёмка Портянка, бичуешь? (Был такой бомж в Александровке, постоянно ошивался по баням).

— Давно, давно, милая жёнушка. Уже третий день на чердаке бани караулю, хочу твоего хахалю подловить.

— Дурак ты! До пятидесяти дожил, а ума не нашёл. Где хахалю взять, коли в деревне одни алкаши, навроде тебя...

— Не оскорбляй. Тогда объясни, за что ты наказала меня, не ответив ни на одну телеграмму и не выслав мне ни рубля?

— Вон они, твои телеграммы, на комоде лежат. Грамотей! Куда мне деньги-то было слать, если ты адреса не указал? Кемерово большое — это не наша Александровка, где все друг друга знают...

— Куда, куда? — озлился Лёха. — Наша школа находилась всего в двухстах метрах от почты и от вокзала...

— Ну, и что? На вокзал что ли надо было выслать? Так ты и его адрес не указал: ни дома, ни района, ни улицы...

— Тьфу! Дура-баба! На почту надо было слать, на почту!...

— А ты её адрес указал?

— Да пошла ты!...

Но, поспиховав, к вечеру в дом из бани перебрался. Молча поужинал и также молча полез на тёплую лежанку русской печи.

— Ну, ладно, пусть хоть на печи живёт, всё в доме, а не на чердаке или в бане, как бродяга какой. Отойдёт. Покобенился, покобенился и отождёт, — решила Шурка, устраиваясь на взбитой перине их широченной деревенской кровати и почти тут же умиротворённо уснула.

А через неделю, вскочив ночью с перины, вдруг решительно влезла на русскую печь и прижалась к тёплому боку мужа:

— Хватит дуться! Долго я буду голодать как баба? Мужик в доме, а толку нет. Расскажи кому — засмеют: академию закончил, а как мужик ослаб...

Такого уничтожающего упрёка Лёха стерпеть не смог, да и ласку Шуркину тоже...

Теперь Лёху Муханова в деревне зовут «суперветинаром» с дипломом и, лыбясь, комментируют: теперь, мол, он может пустить дурную кровь у заворавшей животины и с вены, и с аорты, и даже курицам по желанию хозяев «делает аборт»...

Вот такая история случилась у нас с деревенским ветеринаром Лёхой Мухановым, о которой до сих пор судачат старушки на лавочках у калиток и которую рассказал мне бывший сослуживец Анатолий Шербаков.

Банная нечисть

Решили мы с соседом по даче Валентином баню построить. Скинулись, стройматериал подкупили, кое-какой за «твёрдую валюту» достали, что в переводе на общедоступный язык означает — у строителей приобрели за водяру то, что в магазинах не всегда найдёшь.

В общем, строим.

В перекурах всякие истории травим, где-то прочитанные, где-то услышанные, смешные и не очень, реальные и фантастические, и почти все на банные темы.

Валентин из бывших деревенских, и все его истории так или иначе связаны с периодом его деревенской жизни. Несколько его фантастических рассказов мне особенно запомнились, и я включил их в этот сборник.

— Не буду утверждать, — сказал Валентин, — насколько правдивы эти истории, потому как свидетелем не был, пересказываю услышанное от деда с бабушкой и родной тётки, речь которой изобиловала несметным количеством пословиц, прибауток и побасок на все случаи жизни.

— Как-то субботним вечером испили мы с бабушкой баню, — рассказывал дед, — настоялась она, угарный чад выветрился, а топились она у нас по чёрному. Пора идти париться.

— Иди, дед, первым, я ещё с хозяйством не управилась, — говорит бабушка и подаёт свёрток с бельём, — я попозже приду.

Пошёл дед, разделся в предбаннике. Набрал в тазик воды, намылил голову.

Слышит, кто-то рядом тазиком звякнул и наливает в него ковшиком воду из бочки.

— Ты, Марья? — спрашивает. — Быстро ты управилась.

Молчание, никто не отвечает, только вода плещется.

Смывает дед мыльную пену с головы, глаза промыл, глянул: рядом на лавке какая-то худая женщина моется, чёрные волосы по пояс. А бабушка у него была дородная и волосы короткие, седые.

Охнул дед, прикрыл ладошками срамное место — и опрометью из бани. Пулей в избу влетел. Бабушка квашню на утро ставит. Плянула на мокрого и в чём мать родила деда и обомлела — на нём лица нет.

Хорошо, на дворе уже стемнело, а то увидели бы соседи голого деда, бегущего через огород из бани — смеху было бы...

Ополоумел старый на склоне лет.

— Ты чего? Упарился, што ли? — заохала бабушка. — Пяти минут не мылся... Что стряслось-то?

А дед рот разевает, пытается что-то сказать и не может. Наконец отдышался, прохрипел:

— Там баба... Худая и чёрная... Моется в бане...

«Ну, точно ополоумел», — ужаснулась бабушка, но идти в баню за дедовым бельём сразу поопасалась. Кто знает, может пригрезилось старому, а может, и в самом деле видел что-то такое...

Так и не помылась в тот вечер. Утром пошла в баню: на лавке дедов тазик с мыльной водой, на другом конце

лавки — ещё один, и в нём мыльная вода, в которой бабка нашла несколько черных волосинок. Выходит, не померещилось деду?..

— На Святки это было, — поведала мне свою байку тётка Марфа, — девки нашей окраины, соседские Нюрка, Лизка, Сонька и самая младшая из них Варька — неполных восемнадцать ей было — решили в тот день поворожить в полночь в бане, узнать свою судьбу, когда выйдут замуж и кто будет суженый?

Их разговор подслушал племянш мой Колька, чуть постарше девок, уже работавший в совхозе комбайнёром, и загорелся разыграть их.

Девки заранее написали на полосках бумаги всевозможные мужские имена и желания, с вечера истопили баню, а ближе к полуночи отправились гадать. Колька вывернул шубу мехом наружу, напялил на себя и отправился следом, затаился под окошечком послушать.

В соответствии с обрядом девушки, набрав в тазик снега, натаяли его на каменке, по краю тазика наклеили бумажки с записями, а на воду пустили махонькую досточку, выструганную в виде лодочки с нарисованной на носу стрелкой.

К какому борту пристанет лодочка и на какую бумажку укажет стрелка, той и судьба, написанная на полоске, или имя будущего жениха. А пускали лодочку девчонки по очереди.

— Варьк, — услышал Колька приглушённый голос одной из девок в бане, — воды в тазике мало. Выскочи, зачерпни ковшиком снега. Натаем ещё.

Парень метнулся к двери. Варька в одной ночнухе выскочила с ковшом. Колька подкрался сзади и, ухнув филином, обхватил девку за плечи. Та заверещала благим матом и упала без чувств.

На крик выскочили из бани Нюрка с Лизкой.

Перепугавшийся племянш кинулся прочь, но девки признали его.

А с Варькой совсем худо стало, она постоянно бредила, металась в жару и все порывалась куда-то бежать. Кто и чем только ни лечил её, а улучшений почти никаких. Известная в деревне бабка-знахарка посоветовала:

— Кто напугал девку, тот и должен вылечить.

Родители Варьки — к племяншу:

— Угробил девку — поднимай на ноги!

Стал Колька ежедневно ходить к ним и по совету бабулек лечить и ухаживать за девушкой.

И уже к весне начала Варька поправляться: толи ласковые слова парня, толи настои-отвары какие, толи молитвы старушек на святую крещенскую воду помогли, но пришла в себя девка, перестали судороги её мучить, обмороки прекратились.

Даже похорошела (вообще-то она и до болезни смазливой была, а тут ещё краше стала).

И влюбился племянш, прибежит, бывало, с работы, принарядится — и к Варькиному дому. Видно, и он ей по нраву пришёлся, аж засветится вся, когда увидит его.

К осени свадьбу сыграли.

С год она ещё заикалась немного, а потом и эта беда прошла.

Сегодня у них уже пятеро детей и вот-вот появится первый внучек.

Так завершилась эта история с воровской на Святки.

И ещё одна необычная история, рассказанная напарником по строительству бани:

— Жила через огород от нашего дома в покосившейся избёнке одна многодетная семья.

Муж — инвалид, потерявший ногу буквально в самом конце войны, хотя и воевал-то всего несколько дней (призывали в армию чуть ли не со школьной скамьи в начале 1945 года).

Вернувшись домой на костылях, вскоре женился. Девушку взял тихую, из бедной семьи, но работающую и, как оказалось, очень плодовитую. Худенькая, небольшого росточка, а рожала легко, почти ежегодно.

Через шесть с небольшим лет их семья уже состояла из трёх дочурок и двух сыновей.

Чего греха таить, пенсии инвалида и мизерного заработка рабочей зерносклада на прожиток разросшейся семьи не хватало — перебивались с хлеба на квас.

Михаил, так звали бывшего фронтовика, научился столярничать и шорничать, подрабатывал на конном дворе, изготавливал сани, кошёвки, седла, хомуты и другую сбрую.

Однажды, на сенокосе дело было, разыгралась гроза, все попрятались под деревьями, Михаил же пока на своей деревянной ноге хромал следом — молния ударила и убила его.

Попытки спасти пострадавшего (и в землю закапывали, и искусственное дыхание делали) ни к чему не привели. Страшное горе постигло и без того не очень-то счастливую семью. Трагедия едва не привела вдову к новой беде. Она решила уйти из жизни.

Приспособила в бане к балке петлю и со слезами пошла в избу, перекрестила спящих детей, вернулась в баню.

Перекрестилась сама и вдруг услышала голос: «Вешаясь, не крестятся», — и тут же почувствовала такой удар в лицо, что, упав, потеряла сознание.

Очнувшись, поняла, что Всевышний не позволил ей совершить тяжкий грех и даёт возможность искупить его в будущем.

И она искупила: с огромным трудом вырастила ребятшек, подняла на ноги и дала образование.

Все пятеро стали достойными людьми: две дочери сегодня — заслуженные преподаватели области, третья — главбух совхоза, один из сыновей, став военным, дослужился до полковника, второй — директор районной птицефабрики...

Берёзка

Послевоенное лихолетье. Наш посёлок Абагур, большинство улиц которого названо именами молодогвардейцев-краснодонцев в связи с массовым наплывом переселенцев, стремительно разрастался.

Люди семьями и в одиночку, спасаясь от разрухи и голода из разорённых

войной городов и сёл европейской России, хлынули в Сибирь, где, как им казалось, была сытная жизнь и благостная тишина, без жуткого грохота взрывов и свиста пуль. Их расселяли, как могли, спешно строили временки, которые затем превращались в постоянное многолетнее жильё.

Безудержный и какой-то дикий строительный бум конца 40-х захлестнул и весь посёлок. Лачуги-временки втискивались на улицах между соседями, прижимались к ним, урезая по официальному соизволению поселковых властей у местных жителей обширные огороды и приусадебные участки. Но основное строительство развернулось за околлицей, где на сотни метров простиралось болото, заросшее редким березняком и корявым тальником, где в кочкарниках гнездилась масса бекасов и чирков, водилась прорва прочей захлебывающейся трелями, свистящая и орущая на все лады пернатая мелюзга и где мы, пацанва, любили играть в войну и разбойников.

На болото приползли экскаватор и пара бульдозеров. Перекрыв рёвом моторов всполошенный гвалт пернатой братии, они принялись за работу. Бульдозеры срезали кочкарник, искромсали, выворотили с корнями и перекорёжили берёзы и тальник, сдвинули вместе с землей и торфом этот бурелом в огромные терриконы на край болота. Экскаватор, продвигаясь черепашим шагом вдоль терриконов, вырыл огромный дренажный ров, соединив его с ближайшим, заросшим лилиями, небольшим, но весьма глубоким озером, названным в соответствии с формой «Кругленьким».

Жидкое чёрно-коричневое месиво на месте болота, как спекшаяся кровь, медленно подсыхало. Начало лета, разгар гнездований пернатого люда... Плача и стеная ещё очень и очень долго, в течение нескольких дней металась над бывшим болотом стая его бывших обитателей. Но, заглушая их плач, уже стучали топоры.

Нам, десятилетним пацанам, было интересно после школы играть в прятки-чекалки на навороченных терриконах. Безжалостно пачкая свою нехитрую одежку о затвердевшие комья земли и цепляясь за торчащие корни-вища, добавляли мы к старым заплатам новые дыры на ветхих телогрейках и штанах, за что по вечерам получали дополнительную порку и нагоняй от своих задёрганных матерей.

Спрятавшись в очередной раз за выворотнем на одном из склонов насыпи, я вдруг увидел перед самым лицом её — тростиночку-берёзку, не более трёх лет от роду. Должно быть, ковш экскаватора вырвал малышку с корнем и, сломав пополам, выбросил вместе с комьями земли и торфа на склон террикона.

Девчушка-берёзка погибала, на сломе её гибкого стана медленно накапливались прозрачные капли-слёзы и так же медленно падали на засыхающие комья.

Увидел, и не знаю почему, что-то защемило в груди. Забыв о пацанах и обо всем на свете, я долго смотрел на набегающие и капающие слёзы берёзки и вдруг стал лихорадочно шарить

по карманам. Затем оторвал от рваной подкладки телогрейки полоску материи. Выправив ствол из тростинки-берёзки, я обмотнул место слома тряпочкой, стянул узелком и убежал чекалиться...

На бывшем болоте стремительно рос сборно-щитовой городок, сразу же названный односельчанами «Финским». Почему «Финский», навряд ли кто мог объяснить, но скорее всего из-за легко собирающихся и разбирающихся щитовых домиков, готовые детали для которых в большом количестве везли откуда-то издалека, возможно, и из Финляндии.

Собранные дома моментально заселялись переселенцами и молодожёнами. Сами дома состояли из четырёх крохотных квартир (кухоньки и махонькой комнаты) с дощатыми перегородками между соседями. Если кто-то чихал, все соседи желали здоровья. Летом в этой «Финляндии» людей мордовали комары, зимой домики корёжило, перекашивались полы, двери не закрывались и было жутко холодно. Круглые сутки топившиеся в них печи не спасали.

А в дренажных канавах завелись карасишки, видимо, заплывли из заросшего озера. Восторгу пацанов не было границ — все стали заядлыми рыбаками. Карасиная мелюзга шла на прикорм кошкам, покрупнее — на сковородку со сметаной...

Прошли годы. Я повзрослел, уехал из посёлка в соседний город Новокузнецк, а затем на север — служить и работать. Вернулся на родину уже на склоне лет.

Не так давно я посетил милые сердцу места детства. Посёлок Абагур-Лесной, как и я, постарел. Почти исчез на его окраине «финский городок». Сборно-щитовые домишки струхли от старости. На их месте кое-где выросли дома частников, но в большинстве своём появились пятна пустырей. А дренажные канавы остались. Они обмелели и сузились, превратились в скопище отбросов, в клоаку человеческой неряшливости. Берега канав, когда-то огромные насыпи — терриконы, сгладились, расползлись и вновь заросли густым тальником, диким малинником, кустами шиповника, непролазным бурьяном и жгучей крапивой. Где теперь те карасишки?

Проходя вдоль таких зарослей, я вдруг споткнулся взглядом о крону развесистой берёзы. Она значительно возвышалась над окрестностью, и её густая листва невольно притягивала взгляд.

Я с огромным трудом продрался сквозь сплетенье колючих ветвей шиповника к стволу берёзы, прижался щекой к бархатистой бересте и вдруг почувствовал под ладонью уродливый нарост-рубец. Это был шрам от какой-то смертельной травмы в прошлом на теле ствола...

Боже мой! Это же та самая тростиночка, девчушка-берёзонька! Боже мой! Милая моя, родная! Ты спаслась, выжила, устояла под ударами безжалостной судьбы и человеческой жестокости! Девчушка моя, красавица, ты жива...

п. Абагур-Лесной.

открытия «родства» знаменитых отшельников Лыковых. К примеру, вот ещё один, известный случай «открытия». Как-то, когда был жив ещё Василий Михайлович Песков, позвонил ему по телефону хороший его знакомый и сообщил, что приблизительно в двухстах километрах от сибирского городка Ишим, расположенного на автомагистрали «Омск — Тюмень», обнаружили деревушку с названием «Лыково».

— Наверняка твои Лыковы оттуда, давай съездим туда, разберёмся! — сообщил звонивший.

Василия Михайловича информация заинтересовала и он, недолго думая, поехал в Ишим. К слову, Ишим — родина русского писателя Ершова, автора сказки «Конёк-горбунок».

Приехал! Там местные историки и краеведы, прежде всего директор музея Ершова, сообщили ему, что одна их старожилка подтверждает, что абаканские Лыковы действительно отсюда. И они пришли толи с Урала, толи из Тюмени. Причём эти Лыковы являлись не просто староверами, а староверами-«бегунами», представителями очень строгого толка в раскольничестве. Их главное правило: «От мира надо бегать и таиться».

Во второй половине 19 века ушли они и из Лыкова — дальше к Енисею, в тайгу. А потом и ещё дальше — в Саяны. Там, в новых местах, и родился в 1901 году Карп Осипович Лыков, глава знаменитой семьи абаканских отшельников. От своих родителей он знал о Тюменском прошлом своего рода. Что знает и Агафья Карповна. Вот и всё!

Родственники Агафьи Карповны всё множатся и множатся... Наверное, потому что Агафья Карповна Лыкова сегодня самый известный человек в сибирско-дальневосточном регионе нашей Родины.

Послесловие

После «гостевания» у сибирской отшельницы командир экипажа вертолёт Лактюхин О.В., бывший военный лётчик-истребитель, выпускник Барнаульского ВВАУЛ, решил завершить свою лётную карьеру и работу. Своё решение обосновал тем, что эта «грубая посадка» — уже третий аварийный случай в полёте за 12 лет его лётной практики в гражданской авиации.

«Третий звонок», — сказал он и написал заявление на увольнение с работы «по собственному желанию». По его мнению, из авиации всегда уходили и уходят лётчики после «третьего звонка». С чем можно и не согласиться, поскольку лётное мастерство каждого лётчика растёт «от случая к случаю». К примеру, мой бывший командир полка, полковник Васенков В.В., за свою лётно-испытательную работу имел 15 таких «особых случаев», в двух из которых он покидал самолёт в полёте (катапультировался). При этом случались у него и личные грубые ошибки. Грубую лётную ошибку, которая была поставлена ему в личную вину, он совершил, когда являлся уже заслуженным лётчиком-испытателем СССР. А после этого, через несколько лет, ему было присвоено звание Героя РФ.

Плохо, конечно, когда «звонки» приходится принимать, но лётная работа такова, что в любом полёте можно ошибиться. Как, впрочем, и в любой поездке на личном автомобиле. Что же, после «третьего звонка» и на личном автомобиле ездить нельзя? «За одного битого двух небитых дают», — гласит русская пословица.

И это очень важно как для лётчика, так и для работодателя (как частного, так и государственного), поскольку подготовить нового командира воздушного судна — дело затратное. А гарантий, что новый будет лучше старого, нет никаких.

Комаров Е.Ю. (справа) и Горбунов А.Н. около вертолёт

Все остальные члены экипажа Лактюхина О.В. продолжили свою лётную работу, в том числе и бортмеханик-стажёр Клепиков Д.А., который без тени смущения пошёл в свои и четвёртый, и пятый полёты с твёрдым намерением, что когда-нибудь и он начнёт свою самостоятельную лётную работу.

Оператор волонтеров за время своей командировки наснимал на свою кинокамеру много всякого материала. Прощаясь со своими новыми знакомыми в Таштаголе, сообщал всем, что по приезду в Москву «смонтирует» свой видеофильм, который будет показан по четвёртому каналу общероссийского телевидения.

...Когда-то мне доводилось слышать от старых наших лётчиков-вертолётчиков, что Агафья жадная и самолюбивая, что ей надо бы на нас молиться, так как всю её современную «нормальную» жизнь сделали ей мы — вертолётчики. А она ни разу стакана воды нам не подала, не говоря уже о чём-то более важном, какой-то благодарности!

Не буду вступать в полемику с авторами слов, услышанных мной когда-то. Возможно, что Лыкова по-своему и права: не принято в дикой природе делиться, с кем бы то ни было, пищей и влагой. Тем паче — у староверов, несмотря на то, что сами они живут зачастую в таких условиях, что ого-го! «...У Агафьи Лыковой пол умошен гумусом, дух в избе натопленной — благодатный, с вондой...», написал новокузнецкий поэт Раевский А.Д. Тем не менее, как показала реальная жизнь (наш случай), в отношениях с экипажем вертолёт, попавшим в «дику» ситуацию, Агафья Карповна вела себя так, как подобает цивилизованному человеку нашего времени, а не как ка-

кая-то «дикарка», одиноко прожившая всю свою жизнь в глухой тайге среди диких животных, способная лишь принимать помощь со стороны для себя. Ан, нет, оказалось, что эта «дикарка» способна чувствовать боль и беду других людей, способна и сама помогать нуждающимся в этом людям. Без каких-либо слов предоставила экипажу и сменившим его представителям ИАС АТБ «АЭРОКУЗБАССА» кров (жильё); пекла и передавала через Николая Ерофеевича самодельный хлеб для новых своих знакомых; делилась с незнакомыми до этого ей людьми скудным своим уловом рыбы; угощала ко-

мольская правда», в Москву. К собственному удивлению, реакция в «Комсомолке» на его «посылку» была положительная: Пескова пригласили на работу в Москву, в редакцию «Комсомольской правды». С 1956 года он начал работать обозревателем газеты «Комсомольская правда» и постоянным ведущим рубрики «Окно в природу».

Первая книга очерков Василия Михайловича Пескова была издана в 1960 году.

В 1975 году Василий Михайлович Песков начал работать телеведущим и на Центральном телевидении, вместе с Николаем Дроздовым. До 1995 года они вели телепередачу «В мире животных».

После этого, до 1997 года, Василий Михайлович вёл эту телепередачу самостоятельно, на РТР.

С 1999-го по 2003 годы Василий Михайлович Песков был ведущим телепередач, составленных по его очеркам, под названием «Окно в природу», которые транслировались на московском телеканале «Столица».

9 сентября 2009 года (на 79 году жизни) с Василием Михайловичем Песковым случился инсульт. После этого его активная трудовая деятельность значительно снизилась.

Василий Михайлович Песков умер 12 августа 2013 года, в Москве, на 83 году жизни. По завещанию, которое было составлено Василием Михайловичем собственноручно, при жизни, тело покойного кремировали, а прах развеяли над полем недалеко от посёлка Воля в Воронежской области, где когда-то был установлен им памятный камень, на котором выбито его изречение: «Главная ценность в жизни — сама жизнь!»

За свою плодотворную творческую работу Василий Михайлович Песков в 1964 году стал лауреатом Ленинской премии (высшей государственной награды того времени); в 1998 году был удостоен премии Президента Российской Федерации; в 2013 году — премии Правительства Российской Федерации (посмертно). Он был награждён Воронежской областной премией в области литературы имени М.М. Пришвина (17.10.2005 г.); премией «Золотое перо России», премией Союза журналистов России (10.03.2006 г.); Литературной премией имени М. Кольцова. При жизни был удостоен звания «Почётный гражданин города Воронежа».

Кроме того, Василий Михайлович Песков был награждён орденами: «Знак Почёта», «Трудового Красного Знамени» (04.05.1962г.), «Октябрьской Революции» (21.01.1986г.), «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени (05.05.2003г.).

По имеющимся данным (согласно библиографическому учёту), Василием Михайловичем Песковым выпущено 27 книг (повесть «Таёжный тупик» — 14-я в общем списке).

В 2014 году Издательским домом «Комсомольская правда» было подготовлено к изданию «Полное собрание сочинений» В.М. Пескова в 23 томах.

Материал подготовил к печати
Анатолий Гуляев.
24.11.2020г.
г. Прокопьевск (Усыты)

злым молоком и лично сделанным творогом из козьего молока; позволяла звонить членам лётного экипажа на большую землю по своему спутниковому телефону, при том, что на счету её телефона было очень мало денег и так далее... В общем, всё не так просто и однозначно, как кажется на первый взгляд. Любая человеческая жизнь многообразна и интересна, в экстремальных условиях, тем более! Что является для творческого человека очень ценной «вещью», не ленись только: слушай, думай, рассуждай и пиши!

Василий Михайлович Песков

Песков Василий Михайлович родился 14 марта 1930 года в посёлке Орлово Центрально-Чернозёмной области (ныне Воронежская область) в рабоче-крестьянской семье (отец работал машинистом подъёмного крана, мать — в сельском хозяйстве). После окончания Великой Отечественной войны семья переехала в соседний посёлок Воля. С ранних лет своей жизни Василий Михайлович увлёкся фотографией, начал фотографировать всевозможные природные этюды и прочее. Окончив обучение в средней школе, поступил учиться в Воронежскую школу киномехаников. Окончив учёбу, начал работать пионервожатым и киномехаником...

В 1953 году перешёл работать в редакцию воронежской городской газеты «Молодой коммунар», вначале фотографом. Затем, опубликовав в газете первый свой удачный очерк «Апрель в лесу», перешёл работать штатным корреспондентом редакции.

В 1956 году, набравшись смелости, отправил несколько своих статей и очерков в редакцию газеты «Комсо-

Ольга Малюк

Родилась в 1952 году в городе Мурманске. Отрочество прошло в городе Шагонаре республики Тыва. В Новокузнецке проживает с 1970 года. Образование – высшее педагогическое. В школе отработала более тридцати лет, из них двадцать семь – в гимназии №44. Стихи писала с детства. Написано много об учениках, коллегах, близких людях, сценариев школьных мероприятий. Печаталась в гимназическом журнале «Парус» и сборниках «Россия – Родина моя», «Учитель, перед именем твоим...» ветеранов педагогического труда, в данном альманахе. В настоящее время является председателем поэтического клуба «Муза» ветеранов педагогического труда города Новокузнецка.

Вселенная вдруг оживится

Фронтальная любовь

Ей лихое досталось счастье,
Страсть горячая, боль, любовь,
В годы огненные, в ненастье,
Когда всюду беда и кровь.

И бывало порой неловко
Ей от счастья, любить его,
Но в окопе сыром (с винтовкой)
С ним всегда, как в раю, тепло.

А в бою, когда рвались мины,
Танки мчались прямо на них,
Пули вновь проносились мимо,
Небеса сберегали их!

Но однажды в кровавой битве
Он, сражённый, на землю пал.
И в предсмертной своей молитве
«Я люблю тебя!» — прошептал.

«Нет!» — кричала она, рыдая.
Улыбнулся едва-едва...
В одночасье стала седая,
Не жена ему, не вдова.

Время страшное миновало,
Раны той заросли войны.
Близнецов одна воспитала.
Радость, счастье — его сыны!

Скоро зима

Снежною позёмкой,
Словно змейкой белой,
Незаметно, тихо
К нам зима придёт.
И хрустальной, ломкой
Наледей умело,
Мастерски и лихо
Реки уберёт.

Нежные снежинки
Скроют землю скоро,
На ветру танцую,
Восхищая нас.
Маленькие льдинки
На любимый город
Упадут, рискуя,
На дома ложась.

Станет мир наш чистым,
Скроет снегом серость.
И не испугает
Нас мороз зимой.
Цветом серебристым
Снеет в душах нежность,
Очень ожидает
Зиму город мой.

Победа

Двадцатый век.
Вторая мировая
Война маршировала по земле,
Всё на пути живое убивая,
Смерть сеяла в горах, среди полей.

Земля рыдала от людских деяний
И принимала миллионы тел,
Зажмуривалось солнце от страданий
Душ человеческих, их страшных дел.

Гремели танки, были самолёты,
А взрывами изрытые леса
Людской полеты были кровью, потом,
От ужаса мрачнели небеса.

Безумства тень ползла по белу свету,
Порабощая мир, ведя войну.
Мечтали быстро и страну Советов
Стереть с лица земли, предав огню.

Ценою миллионов жизней наших
Смогли их победить в боях тогда.
Святая память о героях павших
В сердцах потомков будет жить всегда.

Фашизм в Берлинском логове разбили,
Повержен в сорок пятом был Рейхстаг.
Над ним Победы знамя водрузили,
Советский, алый гордо реял флаг!

Русская зима

Мы любим зиму снежную, с морозом,
Ей много слов красивых говорим.
У Зимушки нет скучной серой прозы,
Все зимнею поэзией горим.

Нас дочь её, Метелица, завьюжит,
Всех белой пелериною укрыв.
И в вальсе вдруг снежинками закружит,
С ней радуемся, про дела забыв.

А в этом белом снежном зимнем царстве
Мы созерцаем мирозданья чистоту,
Как в сказочном и чудном государстве
Из детства нашего святую красоту.

Нам в нежность с головою окунуться
Так хочется порою от проблем.
Из снега встать и просто отряхнуться,
Стать чище, отрешиться от дилемм.

Воспоминания

Мне часто снится сказка, где остались
Красоты, дорогие мне навек,
Где облака макушек гор касались,
Где синь небес сливалась с синью рек.

Я помню, постоянно мы ходили
В походы, поднимались по горам,
Брусничными полянами бродили,
В тайге чернику собирали там.

Да, «Лучше гор бывают только горы!» —
Недаром нам Высоцкий напевал.
Ведь с гор такие видятся просторы:
Ширь Енисея, горный перевал!

Там воздух светел, дышится свободно,
А люди изумительно чисты.
Простор везде. Он просто там природный.
Восторг души ложится на холсты.

Снова осень

Снова осень яркой шалью цветной
Плечи нам укрывает игриво.
Вдруг зальёт всё дождевою волной,
А то снегом тряхнёт, словно гривой.

Часто ждём мы
тёплых дней от неё,
Но она, как капризный ребёнок,

Сильным ветром
мигом снимет бельё —
Без листвы будут липы и клёны.

И страдают,
наклонившись к земле,
Раскрасавицы сказки-берёзки,
А на ветках,
в сизой утренней мгле —
Бусы инея, поздние слёзки.

И природа
засыпает вокруг —
Приготовилась к зимним морозам.
Завершит год
свой циклический круг
Здесь осеннею яркою прозой.

Октябрь

Уж давно черёмухи разделись,
Липы полуголые стоят,
Янтарём берёзки все зарделись,
И рябины пурпуром горят.

Шалый ветер, вплоть до урагана,
Частым мимолётным гостем стал,
Всюду до Покрова утром рано
Чистоту наводит снежный шквал.

Снег растает, снова будет осень.
Всё перепелось в природе здесь.
Сменит дождик снег ещё раз восемь,
Но чудесным будет месяц весь!

Осенний след

Ветерком очередным
Пролетела осень,
На душе оставив дым,
А в причёске — проседь.

Дым цветным и серым был,
А тоска седая
Душит, шепчет: «Разлюбил,
У него другая!»

Ничего, переживу
Я его измену,
На куски любовь порву,
Нарисую стену.

Унесёт потом метель
Всё бывшее счастье,
А весенняя капель
Смоет след ненастья.

Будет солнце, будет день,
Снова будет радость.
Расцветёт в душе сирень
И закрасит старость!

Радуга

Исчерпало дождливое лето
Накануне запас водяной,
И в награду на небо за это
Солнце бросило мостик цветной.

Брызги радости, счастья и света
Неожиданно вдруг родились.
Долгожданного солнца привета
Наконец-то мы все дождались!

И вот это мгновенное чудо
Разбудило надежду в сердцах,
Расплескало улыбки повсюду
Разноцветной косой в небесах!

Звёздные фантазии

Где-то там, на планете далёкой
Гуманоиды, может, живут.
А кому-то из них одиноко,
Бедолагу не любят, не ждут.

Но однажды в своём звездолёте
К нам на землю опустится он,
Будет жить здесь прекрасно, в почёте,
Будет в наши красоты влюблён.

Повстречает земную дивчину,
С кем прекрасно здесь будет ему,
Ей из звёзд нарисует картину,
Что по силам ему одному.

И родятся у них гуманята,
Не похожи на нас, на землян.
Эти милые чудо-ребята
Создадут для людей звездоплан.

А на нём наши с вами потомки
На экскурсии к звёздам помчат,
Человеческой песней звонкой
На планетах других зазвучат.

И Вселенная вдруг оживится,
Мирный разум сигналы пошлёт,
Светом ярким везде отразится.
Млечный путь всех поманит в полёт!

Может, скоро реальностью станет
Вся фантазия наша, мой друг,
Много в жизни в историю канет,
Необычное будет вокруг.

На Родине лишь счастлив человек

Здоровый мир, здоровый ум и тело,
Здоровый дух, здоровая душа —
Основа жизни и любого дела,
Чтобы понять, насколько хороша
Здесь каждая травинка и букашка,
Земля, к которой сердцем ты прирос,
Где ты родился, словно промокашка,
Все впитывал красоты, силу рос.
По ним босым по травам в детстве бегал.
Здесь научился побеждать, любить.
А девочку в красивом платье белом
Всю жизнь ты помнишь, как её забыть!?
Как вечно дёргал длинные косички
И маменькиной дочкой обзывал.
А позже, встретив Лену в электричке,
Вдруг понял, что любовь, что всё, «пропал»!
И этот мир, в котором жил, трудился,
Навечно близким стал в твоей судьбе.
Ты часто рвал судьбу, всё торопился,
Но сок земли вдруг помогал тебе.
Он отрезвлял и ставил нас на место,
Любовью сердце, душу наполнял.
И вот уже та девочка — невеста.
Так все проблемы с ходу ты решал!
Всё в жизни получилось, приключилось,
Есть планов целый яркий фейерверк.
Всё это на родной земле случилось,
На Родине лишь счастлив человек!

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усятах), там же прошли его детство и юность. В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер, полковник запаса ВВС. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт, прошедший через тексты технического и служебного характера, перерос в литературно-художественные произведения. С 1998 года, на протяжении трёх лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» Прокопьевска. С 2007 года – редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Устьтская россыпь».

Главы из книги «Из истории Сибири и Кузнецкого края»

Погиб при исполнении...

Гуляев Иван Дмитриевич
(25.05.1915г. – 05.11.1953г.)

Родился в селе Усяты Прокопьевского района Кемеровской области в бедной крестьянской семье. Русский. Рос коренастым, широкоплечим и круглолицым юношей среднего роста

«Мой папа был опытным военным лётчиком 1-го класса. Прошёл всю войну, а погиб в 1953 году в возрасте 38 лет при исполнении служебных обязанностей из-за неисправности самолёта.

По воспоминаниям, папа был трудолюбивым человеком, рано познал и крестьянский, и шахтёрский труд. Как многие его сверстники, в юности увлёкся авиацией, учился летать в аэроклубе ДОСААФ и впоследствии стал опытным лётчиком-инструктором, а затем – лётчиком 1-го класса.

Когда началась Великая Отечественная война, его не отпустили на фронт сразу, поскольку в тылу были нужны авиаспециалисты, способные быстро учить курсантов летать.

Зимой он перегонял самолёт из тыла на фронт, при посадке на обледеневшую полосу юзом задел другой самолёт и повредил его. В наказание Иван Дмитриевич был отправлен на передовую, в штрафбат. Воевал три месяца на переднем крае в пехоте, был ранен в бою и отправлен в госпиталь.

После госпиталя его как опытного лётчика немедленно забрали в 132-й тяжёлый бомбардировочный авиационный полк, который был первым в ВВС уком-

плектован новыми самолётами «ТУ-2».

132-й бомбардировочный авиационный полк действовал на Юго-Западном фронте. В середине 1944 года полк приступил к бомбёжке передовых позиций войск противника на Карельском перешейке. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 октября 1944 года за прорыв сильно укреплённой обороны противника по реке Западная Двина, юго-восточнее города Рига, 132-й бомбардировочный авиационный полк был награждён орденом Кутузова III степени. За успешную бомбардировку укреплений немцев в районе Розенберга и Браунсберга, при ликвидации отрезанной группировки немцев юго-западнее Кенингсберга, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 года полк был награждён орденом Александра Невского.

За успешную работу при выполнении приказов Верховного Главнокомандующего и Командующего 1-м Белорусским фронтом по взятию столицы фашистской Германии – города Берлина приказом от 11 июня 1945 года полк получил почётное наименование «Берлинский». Полк должен был участвовать в Параде Победы, но из-за метеоусловий полёт был отменён. Сразу же после парада полк был передислоцирован на восток, для завершения войны с Японией.

В успешных действиях на фронтах Великой Отечественной войны 132-го бомбардировочного авиационного полка есть героический вклад и моего папы.

В наградных документах значится: «Участвовал в боевых действиях на Ленинградском, 1-м Прибалтийском, 3-м Белорусском фронтах.

Совершил 60 успешных боевых вылетов, а также водил авиационное звено, которое совершило 112 боевых вылетов, выполняя ряд ответственных заданий по бомбардировке важных объектов, железнодорожных узлов, опорных пунктов противника (ж.д. узел г. Минск, ж.д. узел Амаляй, ж.д. г. Митава, ж.д. ст. Мажейкай, в м. Болдоне, в Валкиоярви, в г. Хайлигенбайль, портах г. Розенберг, Пилау, Данциг).

За участие в массированном налёте по уничтожению живой силы и техники противника в г. Хайлигенбайль состав звена имел благодарность от Верховного Главнокомандующего тов. Сталина».

За доблесть и мужество в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы войны и за высокие показатели в

боевой подготовке в мирное время Гуляев Иван Дмитриевич был награжден:

орденом Красного Знамени,
орденом Отечественной войны 1-й степени,
орденом Отечественной войны 2-й степени,
орденом Красной Звезды,
медалями «За боевые заслуги», медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», «30 лет Советской армии и флоту», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина».

После войны папа продолжил военную службу, кочуя по всему Советскому Союзу (несколько регионов России, Белоруссия, Украина, Эстония). В последний период жизни был командиром эскадрильи 454-го бомбардировочного авиационного полка 74-й бомбардировочной авиационной дивизии в звании майора.

Любил летать, поэтому остался на сверхсрочной службе (в шутку говорил моей маме: «Еще годок полетаю, старая, и тогда демобилизуюсь»).

Папа погиб при исполнении служебных обязанностей в полёте в ночь с 4-го на 5 ноября 1953 года в 30 километрах севернее Тарту. Этот полёт был сверхплановый, в честь годовщины Октябрьской революции, поэтому потребовался доброволец. Папа вызвался выполнить это задание, но лететь пришлось на чужом самолёте (свой был в ремонте).

Самолёт был не лучший: срочно собранная копия четырёхмоторной летающей крепости «ТУ-4» – первый в стране носитель ядерного оружия.

Выполнив задание, папа пошёл на посадку, но из-за того, что посадочная полоса была занята, его отправили на второй круг. После разворота на малой высоте на втором круге отказал сначала один двигатель, затем – второй, самолёт стал терять высоту.

Последними словами командира (по свидетельству оставшихся в живых после катастрофы членов экипажа) были: «Спокойно, сядем!».

Из 11 членов экипажа погибли семеро, находившихся в носовой части бомбардировщика, четверо, находившиеся в хвосте, который отвалился при ударе об сосну, остались живы и, можно сказать, «отделались царапинами»...

Похоронен папа на кладбище Раади в городе Тарту, где находится мемориал в память о нём и о четырёх погибших членах его экипажа.

Вечная память. В моем сердце папа всегда со мной. Люблю и горжусь.

Безущенко (Гуляева) Ольга.
Алтайский край, г. Барнаул.

Из воспоминаний друзей и близких:

Основные черты характера Ивана Дмитриевича: честен, прям, аккуратен во всём (на службе и в быту). В лучшем смысле провозглашавшихся тогда идеалов – «был настоящим коммунистом». По натуре слыл балагуром, душой компании, умел веселиться. Играл на гармонии, баяне, пел, хорошо танцевал. Не курил, не употреблял спиртное, обладал хорошим здоровьем (в Сочи в отпуске плавал в шторм).

По рассказам штурмана Абашина, они с командиром Ивановым слыли на фронте, в отличие от большинства своих соратников, людьми степенными и бывальными, хотя обоим не было ещё и тридцати!

В октябре 1944 года при боевом вылете в районе г. Риги Ивану удалось целым и невредимым посадить самолёт с полной бомбовой нагрузкой (после отказа всех типов бомбосбрасывателей во время боевого задания) – до этого такие посадки заканчивались трагически...

Во время этого полёта ему удалось после глубокого пикирования вытянуть машину на нужную высоту из безнадежного, как говорил его однополчанин Виктор Терещенко, положения, умело воспользовавшись руслом небольшой реки, протекавшей поблизости, «приземлившись» на воду.

При перелёте после победы над фашистами на Дальний Восток – для продолжения боевых действий против Японии, 132-й полк пролетал над Омском, где тогда жила его жена Раиса с двухлетней старшей дочерью. Он позволил себе «слихачить»: отклонился от курса и сделал несколько кругов над домом жены, покачивая крыльями (Раиса тогда догадалась, что это были «воздушные приветия» от мужа). Впоследствии за эти «приветия» лётчик И. Гуляев получил от начальства соответствующее взыскание.

Полковник Виктор Терещенко, однополчанин Ивана Дмитриевича, рассказывал: «При перелёте на войну с Японией несколько самолётов совершили вынужденную посадку из-за того, что топливо было на нуле.

Выставленное охранение вдруг докладывает, что на них движется японская сухопутная дивизия.

Наши лётчики и в этой ситуации не растерялись: выслали парламентариев, которые на фоне запущенных моторов самолётов потребовали у японцев сложить оружие, иначе тяжёлые бомбардировщики поднимутся в небо – и от дивизии не останется и живого места.

Деморализованные к тому времени японцы поверили – и сдались».

Штрихи к портретам подвижников краеведения

**Черченко
Людмила Николаевна**

«18 августа 2016 года в честь Черченко Людмилы Николаевны у входа в прокопьевский Дворец детского творчества имени Ю.А. Гагарина была установлена мемориальная доска. Централизованная библиотечная система города Прокопьевска, Прокопьевский городской краеведческий музей (ПГКМ), пионеры и комсомольцы школ № 1, 18, 25, 67, 68 и других школ на протяжении долгих лет тесно сотрудничали с Людмилой Черченко — старшей пионервожатой, отличником народного образования, краеведом, членом совета Горно и общественного совета ПГКМ, методистом Дворца пионеров имени Юрия Гагарина (позднее, Дворца детского творчества).

Свою душу, энергию и время Людмила Николаевна вложила в изучение и популяризацию истории «чёрной жемчужины» Кузбасса — города Прокопьевска.

В Красногорской библиотеке № 7 «Семейный круг» мне предложили написать её краткую биографию, ведь мы были соседями по дому, и я хорошо помню семью Черченко. Жили мы на Международной улице в разных подъездах 12-квартирного дома, сданного шахтой Красногорская в 1958 году.

Глава семьи Леонид Ефимович Черченко долгое время работал проходчиком. Нравом был строг, а Людмила Николаевна, напротив, имела спокойный характер. Одевалась всегда элегантно, но неброско. Во дворе сидеть, судачить на лавочке с соседками не любила, да и когда ей...

7 февраля 1958 года на свет появилась дочка Ольга, а после переезда в Прокопьевск родились Вера и Татьяна. Забегая вперёд, скажу, что все три дочери Людмилы Николаевны избрали себе технические специальности.

В апреле 1970 года прошлого века широко отмечался 100-летний юбилей В.И. Ленина, и мы, комсомольцы выпускных классов средней школы № 68 (директор П.А. Микичян), ездили во Дворец пионеров, где Людмила Николаевна рассказывала, как готовятся к этой дате комсомольцы города. Разъясняла, что требуется от нас. В августе того года я поступил учиться в Казанский авиационный институт, но связь с малой родиной никогда не прерывал. С конца 1990 годов у меня, члена Союза журналистов России, появилось несколько обших с Черченко краеведческих тем, касающихся в основном формирования боевых маршрутов кузбасских соединений РККА.

...Родилась Людмила Николаевна 14 августа 1937 года в селе Алексеевка Зайсанского района Восточно-Казахстанской области. Этот район, образованный в январе 1928 года, граничит с

Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая.

7 июля 1937 года началась война между Китайской народной республикой и Японской империей. Зайсанский и Синьцзян-Уйгурский районы превратились в транспортный коридор, по которому советские военные грузы транзитом поступали в Китай.

По трассе постоянно двигались сотни грузовиков. А отец Людмилы Николаевны, Николай Иванович Галкин, служил в погранвойсках НКВД СССР на должности начальника штаба связи погранотряда. Позднее его перевели на северо-западную границу в Ленинградский военный округ, где он встретил Великую Отечественную войну и прошёл через весь её ад. Из армии уволился после окончания войны в 1948 году, спустя три года, умер. Фотопортрет Николая Ивановича в квартире Людмилы Николаевны украшал большую комнату, в которой она принимала гостей.

Мать Людмилы Николаевны, Елена Лазоревна Галкина, была учительницей. Людмила Николаевна пошла по её стопам. Кроме Людмилы Николаевны, у Елены Лазоревны были ещё две дочери. Средняя, Ирина Николаевна, к 1983 году трудилась на КамАЗе в городе Брежнев (ныне — Набережные Челны); младшая — Светлана Николаевна, в ту пору трудилась в Томске инженером электронно-вычислительных машин на приборном заводе.

В 1945 году Людмила Галкина (Черченко) вступила в пионеры, в 1951 году — в комсомол. Десятилетку окончила в 1955 году в Саратове. На следующий год её направили по комсомольской путёвке на освоение целинных и залежных земель в приволжские степи, в Степновский район, на Саратовское месторождение нефти и газа. Там она прошла бригадное обучение и получила 4 разряд штукатура. Избиралась секретарём комсомольской организации, членом районного комитета ВЛКСМ.

В 1957 году Людмила Николаевна вышла замуж за Леонида Черченко, 1930 года рождения. Сохранилось предание, что Леонид нашёл сильно замерзшую и простывшую Людмилу, потерявшуюся в непогоду в степи. Она заболела ревматизмом и была вынуждена вместе с семьёй вернуться к матери в районный центр Новые Бурасы Саратовской области. Вылечившись, Людмила Николаевна начала работать в районном Доме пионеров руководителем кружков «Умелые руки» и драматического.

В апреле 1959 года, когда дочке Оле исполнился годик, Людмила Николаевна со всей семьёй переехала в город Прокопьевск Кемеровской области, на Красную Горку. С 1960-го по 1963 годы Людмила Николаевна работала старшей пионервожатой в средней общеобразовательной школе № 25. По её инициативе на школьном дворе начал возводиться обелиск героям Молодой Гвардии, открытый в 1964 году.

С 1963-го по сентябрь 1965 года она трудилась в школе-интернате № 67 старшей пионервожатой и преподавателем истории в четвёртых-восьмых классах. Здесь она создала Музей боевой славы воинов-сибиряков.

В 1963 году Людмила Николаевна Черченко стала кандидатом в члены КПСС, в 1964 году — членом партии, и в том же году она от имени пионервожатых Кузбасса выступила на Второй Всесоюзной конференции по проблемам пионерского движения.

В 1965 году Людмилу Николаевну Черченко перевели на работу в прокопьевский городской Дворец пионеров имени Ю.А. Гагарина. Тогда же она поступила учиться на заочный факультет Кемеровского педагогического института (со слов дочери Ольги Леонидовны). Но со второго курса прекратила учёбу в ВУЗе (по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам).

До 1976 года Людмила Николаевна работала в прокопьевском Дворце пионеров методистом по комсомольской работе. По поручению Кемеровского обкома ВЛКСМ с 1965-го по 1968 год создавала областную Школу комсомольского актива.

Есть основания полагать, что Людмила Николаевна Черченко повышала свою квалификацию в системе Партиполитпросвета, в 1967 — 1968 годах прошла годичное обучение в педагогическом классе при прокопьевской школе № 69, подтвердив свою специальность старшего пионервожатого.

В автобиографии, написанной в 1983 году, Людмила Николаевна указала, что в течение восьми лет она избиралась членом горкома ВЛКСМ, пять лет — секретарём парторганизации Дворца пионеров, шесть лет — председателем Прокопьевского общества охраны памятников истории и культуры города. Она являлась заместителем председателя городского совета по руководству деятельностью школьных музеев, в течение ряда лет избиралась членом областного совета Всесоюзной пионерской организации имени Ленина, 15 лет — членом городского совета Всесоюзной пионерской организации, несколько лет входила в состав Прокопьевского горотдела народного образования. Людмила Николаевна несла на себе огромную нагрузку, которая не могла не отразиться на её здоровье.

С 1976-го по июнь 1977 года по состоянию здоровья она официально не работала. Тем не менее, в июле 1977 года вновь устроилась на работу в школу-интернат № 67 и по 1980 год работала старшим воспитателем.

И опять подвело здоровье, вновь она вынуждена была оставить работу. В 1981 году умерла Елена Лазоревна, её мать. Несмотря ни на что Людмила Николаевна не смогла сидеть дома и быть только домохозяйкой. С 1982 года она вновь включилась в активную работу, начала вести в Доме пионеров Центрального района Прокопьевска кружок следопытов «Поиск» на базе школы-интерната № 67. Выезжала с ребятами в экспедиции, на раскопки. И добрый десяток лет являлась внештатным корреспондентом «Шахтёрской правды». В 1990 году умер муж Людмилы Николаевны — Леонид Ефимович Черченко.

14 августа 1992 года Людмила Николаевна официально стала пенсионеркой, но работу не оставила. Всё так же очень активно продолжала работать в целом ряде городских исследователь-

ских проектов. Таких, например, как создание 14 тома Всекузбасской Книги памяти «Прокопьевск и Прокопьевский район». О её делах были написаны и опубликованы в городских и областных газетах статьи: «Нас водила молодость...» — областная газета «Земляки», 10 октября 2008 года, автор Владимир Маракулин; «Наш комиссар» — городская газета «Диалог», 9 июля 2008 года, автор Наталья Ткаченко. «В память о педагоге», так называлась прощальная статья о Людмиле Николаевне Черченко в городской газете «Шахтёрская правда», опубликованная 26 августа 2016 года.

Так совместными усилиями пишется биография подвижницы Прокопьевского краеведения Людмилы Николаевны Черченко».

**Игорь Мангазеев,
город Прокопьевск,
29 декабря 2019 г.**

Пересечение дорог

...Я познакомился с Людмилой Николаевной Черченко в 1962 году, когда пришёл учиться в школу № 25, в 5 «е» класс, после окончания Усятской начальной школы № 43. Людмила Николаевна работала в те годы старшим пионервожатой школы: худенькая, стройная, с повязанным на шее пионерским галстуком. И всегда... с грустными глазами! Во всяком случае, почему-то именно так она и запомнилась мне из моего детства.

С началом учёбы в пятом классе меня впервые в жизни «выдвинули» и избрали на «руководящую должность» — звеньевым (или «десятиником») классной пионерской организации. Именно тогда, в пору активной пионерской жизни, я и познакомился со своим старшим пионервожатым, которой являлась Людмила Николаевна Черченко. Она часто собирала в пионерской комнате школы весь актив и проводила с нами работу.

После окончания пятого класса, в сентябре 1963 года, наш класс был переведён в новую школу, № 68, открывшуюся на самом дальнем, северном пустыре городского посёлка Красная Горка. Так моё общение с Людмилой Николаевной Черченко прекратилось на долгие годы. И вот в 1995 году, после увольнения с военной службы, я вновь появился в родном своём городе Прокопьевске.

Поскольку до этого момента своей жизни, я, как и Людмила Николаевна, являлся членом КПСС, то встал на партийный учёт в Прокопьевской городской парторганизации КПРФ (премнице КПСС), где в составе городского отделения областного ОПД «Народовластие» (блока А.Г. Тулеева) начал активную партийную деятельность на политическом поле родного города. Тут мои жизненные дороги вновь пересеклись с дорогами Людмилы Николаевны Черченко. Меня Людмила Николаевна не помнила, но я узнал её сразу. Она, конечно, изменилась за прошедшие годы, но была узнаваема с первого взгляда.

Я подошёл к ней и рассказал о нашем общем прошлом, и наши отношения с Людмилой Николаевной восстановились, как отношения старых знакомых.

Вместе с Людмилой Николаевной я

участвовал в организационных мероприятиях выборных кампаний Останиной Н.А. (в депутаты Государственной думы Р.Ф.), Голубева Е.А. (на должность главы администрации города Прокопьевска), Тулеева А.Г. (на должность главы администрации Кемеровской области).

Когда Голубева Е.А. (на тот момент первого секретаря Прокопьевского горкома КПРФ) избрали руководителем администрации Прокопьевска, меня в 1997 году (при поддержке моей кандидатуры Людмилы Николаевны Черченко) избрали первым секретарём ГК КПРФ. Затем, после создания в марте 1998 года горкомовской еженедельной городской общественно-политической газеты «Народовластие», меня назначили её главным редактором.

Поскольку в предыдущей жизни и работе мне не приходилось заниматься ни партийно-политической работой, ни газетно-редакторско-издательским делом, первое время пришлось опираться на ближайших помощников и учиться у них: на Савилова В.И., Мамонтова Г.Д., Басова З.И., Прохова А.И., Гриднева В.Н., Мамину М.Н., Ананьеву В.Д., Сапронову Н.Л., Ерофеев В.В., Бевзюк А.А. и других. В числе моих учителей и ближайших помощников была тогда и Черченко Л.Н.

В 2013 году я выпустил свою первую историко-краеведческую книгу «Прокопьевск ... в летописях». В работе над ней доводилось обращаться к Людмиле Николаевне, консультироваться по историческим событиям жизни Прокопьевска. Многие она подсказывала. В частности, то, что церковно-приходская школа в селе Усяты была открыта в 1911 году.

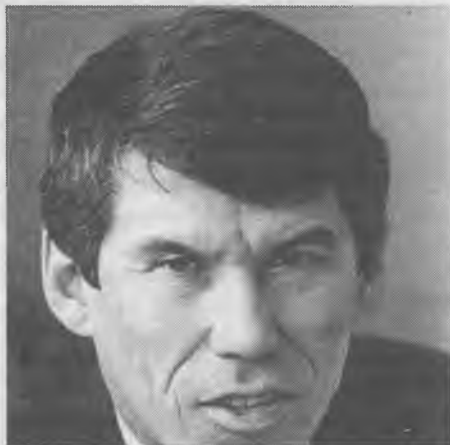
Выпустив свою первую книгу, я подарил один экземпляр Людмиле Николаевне. Она положительно отзывалась о книге и использовала её в своей работе.

В то время Людмила Николаевна сильно болела и почти не выходила на улицу, но работать в школе № 25 продолжала и проводила уроки в своей квартире, куда ученики с удовольствием приходили сами.

В 2014-м или в 2015 году Черченко Людмила Николаевна переехала на жительство в Томск, где проживала одна из её дочерей. В скором времени, в Томске, Людмила Николаевна умерла. Но память о Черченко Людмиле Николаевне, о её делах живёт в Прокопьевске, которому она посвятила лучшие годы своей трудовой жизни...

Анатолий Гуляев,
город Прокопьевск (Усяты),
1 января 2020 г.

Мангазеев Игорь Александрович
Родился 21 января 1953 года в Троицком, вырос в Прокопьевске, на Крас-

ной Горке. Отец Игоря Александровича — Мангазеев Александр Сергеевич, участник Великой Отечественной войны, работал горным мастером на шахте «Красногорская». Мама — Мангазеева Анастасия Никифоровна, учительница русского языка и литературы в красногорской средней общеобразовательной школе № 25, ШРМ № 8.

Школьное образование Игорь Александрович получил в средней общеобразовательной школе № 68, затем поступил учиться в Казанский авиационный институт имени А.Н. Туполева на факультет «Самолёты и авиационные двигатели».

Авиационный институт окончил в 1976 году. С 1978-го по 1980 годы проходил военную службу в Советской Армии. Приказом командующего ТуркВО от 29 октября 1980 года ему было присвоено воинское звание — старший лейтенант-инженер запаса.

После окончания военной службы работал в Ташкентском «АПО» (Авиационном производственном объединении) имени В.П. Чкалова. Участвовал в производстве самолётов: Ил-76, Ан-22 («Антей»), Ан-124 («Руслан») и наземного оборудования для космического «челнока» — «Бурана». В своей производственной деятельности Игорь Александрович Мангазеев трижды получал призы и объявлялся лучшим рационализатором Ташкентского «АПО» им. В.П. Чкалова.

В мае 1987 года Мангазеев И.А. переехал в Тверь, где живёт по настоящее время. Но со своей малой родиной связь не прерывает, часто приезжает в Прокопьевск... До настоящего времени он занимается парашютным спортом, освоил парашют типа «мягкое крыло», выполняет дневные и ночные прыжки, в том числе и затажные. В 2007 году принимал участие в отработке десантирования людей и грузов на Северный полюс с самолётов Ил-76 (базирующихся в Твери) с экспедицией вице-спикера Госдумы Чилингарова Артура.

Работал заведующим отделом городской газеты «Вечерняя Тверь», обозревателем областной газеты «Вече Твери», корреспондентом общероссийской газеты «Коммерсантъ» и в других СМИ.

Проживая в Твери, занимается исследованием истории Сибири, города Прокопьевска, села Усяты и посёлка Красная Горка. Свои литературно-творческие и исследовательские наработки публикует в тверских и в кузбасских городских и областных газетах и журналах, на различных сайтах Интернета. В Интернете открыл и ведёт историко-краеведческие Интернет-клубы «Прокопьевск», «Усяты», «Красная Горка» и другие.

Мордвин Юрий Иванович

Родился 3 октября 1950 года в столице Алтайского края — городе Барнауле, где и окончил среднюю школу.

Свой трудовой путь начал после школы в 1968 году столяром-краснодеревщиком.

Позднее освоил и другие рабочие специальности: бурового мастера, токаря, помощника машиниста электровагона, увлекался мотоспортом...

Срочную службу в Советской Армии проходил на Урале, в войсках ПВО. Завершил военную службу в

должности заместителя командира взвода в воинском звании старшего сержанта.

В 1971 году поступил, а в 1975 году окончил Кемеровский государственный институт культуры по специальности «режиссёр-балетмейстер».

Будучи председателем студенческого профкома, создал студенческий мотоотряд «Кузбасс», который устроил мотопробег по 15 республикам СССР, посвящённый десятому Всемирному фестивалю молодёжи, проходившему в Берлине.

Во время учёбы в институте женился на прокопчанке Тюриной Людмиле Сергеевне, своей однокласснице.

После окончания учёбы в институте в 1975 году переехал на жительство на малую родину жены — в Прокопьевск, и остался здесь навсегда. Более 35 лет отработал в учреждениях культуры города Прокопьевска: хореографом, художественным руководителем, директором Дворца культуры «Красная Горка».

Юрий Иванович награждён многочисленными грамотами руководства города и области, от имени губернатора Кемеровской области — областной медалью «За достойное воспитание детей», отмечен Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации и другими наградами.

В настоящее время, находясь на заслуженном отдыхе, Юрий Иванович не сидит сложа руки: работает в подразделениях охранных учреждений города, занимается хозяйственными делами по дому, принимает активное участие в культурной жизни Прокопьевска.

Вырастил и выучил четверых сыновей, помогает в воспитании четверых внуков и внучки.

Юрий Иванович со школьных лет занимается литературным творчеством, пишет стихи и прозу. Принимает активное участие в работе городского литературно-поэтического клуба «Вдохновение» и союза любителей поэзии «Кузбасский родник». Регулярно публикует свои творческие наработки, стихи и прозаические рассказы в коллективных сборниках этих литературных объединений и в литературно-художественной газете-альманахе «Усятская россыпь».

Мордвин Юрий Иванович считает, что жизнь прекрасна во всех её проявлениях, и это находит отражение в его произведениях.

Елатов Вячеслав Иванович

Родился 6 мая 1939 года в городе Баку. В 1956 году, после окончания учёбы в общеобразовательной школе, поступил учиться в техническое училище, где получил специальность электромонтёра. С молодых лет Вячеслав Иванович являлся страстным читателем. Он полюбил русскую и зарубежную литературу, поэтому решил связать с ней свою дальнейшую трудовую деятельность и жизнь.

В 1962 году поступил, а в 1966 году окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета и по распределению был направлен на работу в систему образования города Прокопьевска Кемеровской области.

С 1966-го по 1991 годы работал учителем русского языка и литературы в средних общеобразовательных школах города Прокопьевска, в том числе в

Красногорской школе № 25, позднее, и в старейшей прокопьевской городской общеобразовательной школе № 1.

Заочно окончил Иркутский институт иностранных языков, после этого параллельно с русским языком и литературой преподавал в школах и английский язык. Общий педагогический стаж Елатова Вячеслава Ивановича равен четверти века. Уйдя в 1991 году на заслуженный отдых, продолжительное время работал в городских учреждениях вневедомственной охраны.

Литературным творчеством, прозой, поэзией и публицистикой Вячеслав Иванович начал заниматься после выхода на пенсию, в 1993 году. Свои литературные разработки и произведения публиковал в областном литературном журнале «Огни Кузбасса», областной газете «Земляки», в прокопьевских городских газетах «Шахтёрская правда», «Народовластие» и «Литературно-художественной газете-альманахе «Усятская россыпь».

В 2014 году Вячеслав Иванович выпустил свою первую книгу «Остаюсь учителем», а в 2019 году — вторую, «Реплика с места».

Книги Елатова Вячеслава Ивановича представляют собой сборники статей литературоведческого плана по разным литературным событиям и темам — по творчеству Пушкина А.С., Маяковского В.В., Шолохова М.А. и других классиков русской и советской литературы, и более близких к нам русских литераторов: Гария Немченко, Ольги Берггольц, Владимира Чивилихина, Владимира Солоухина и других известных и малоизвестных авторов, в том числе кузбасских и местных прокопьевских авторов.

Занимаясь кропотливой литературно-творческой и литературоведческой деятельностью, Елатов Вячеслав Иванович вносит ценный вклад в интеллектуальное наследие нашего города и области, в их историю.

Избушка

Раньше мне думалось, что всё знаю об Агафье Лыковой, известной сибирской отшельнице. Теперь, когда более-менее основательно погрузился в эту тему, утверждать так не могу, поскольку нашёл для себя много новой информации.

В 1982 году, после публикации первых рассказов Василия Пескова из будущей его книги «Таёжный тупик», стали широко известными людьми в тогдашней нашей стране и его литературные персонажи — староверы Лыковы. Известными стали сибирские отшельники и за пределами нашей страны. К примеру, во Франции, где переведённые на французский язык рассказы Василия Пескова также публи-

Жене американского президента того времени, читавшей французскую прессу, рассказы Василия Пескова тоже очень нравились. Она предлагала через своих доверенных лиц Василию Пескову перевести его рассказы и на англо-американские языки для публикации их в США. Задумка эта осталась невоплощённой в жизнь по неизвестным причинам.

В те же самые 1980 годы я служил в Советской Армии далеко от своей малой родины. «Комсомолку» с рассказами Василия Пескова читал с великим удовольствием, как и большинство моих однополчан. И по телевизору смотрел всё показываемое о «Та-

ковались в газетах и иных печатных изданиях. Одна из живущих и ныне легенд об этом рассказывает нам приблизительно следующее.

Не всем и не сразу в нашей стране понравились первые рассказы Василия Пескова из цикла «Таёжный тупик», опубликованные в «Комсомольской правде».

Общие тиражи газеты «Комсомольская правда» достигали в те годы более двадцати двух миллионов экземпляров, что являлось и является абсолютным мировым рекордом тиража газеты согласно «Книге рекордов Гиннеса» для периодических печатных СМИ.

Очень не понравились публикации тогдашнему главному шефу редакции газеты «Комсомольская правда», Первому секретарю ЦК ВЛКСМ Евгению Тяжельникову. В то время он находился в служебной командировке во Франции. Негодуя, он позвонил оттуда в Москву в редакцию «Комсомолки», сообщил, что по возвращении в Москву строго спросит с главного редактора газеты и инициаторов публикации в «Комсомолке» «всей этой галиматии с сибирскими отшельниками».

Не суждено было свершиться строгому суду главного комсомольца страны над своими подчинёнными, поскольку публикация очень понравилась Виктории Брежневой, жене тогдашнего руководителя нашей страны.

ёжном тупике», как о очень близком и родном мне.

И надо же было такому случиться в моей судьбе и жизни, что спустя более трёх десятилетий, после тех первых публикаций и моего заочного знакомства с сибирскими отшельниками (как стали их называть с тех пор), мне довелось самому участвовать (в каком-то смысле) в продолжении дела, начатого когда-то писателем Песковым. Мне приходилось готовить к полёту вертолёт, перевозящий к Агафье Карповне различные группы людей. Как наших соотечественников, так и иностранцев, в частности, англичан, года два тому назад, и различные грузы.

Меня начал интересовать вопрос: зачем, из каких соображений, побуждений и прочего летают к ней все эти люди? Со временем узнал, что, якобы, в Москве кем-то создан финансовый фонд Агафьи Лыковой, который организует, руководит и финансирует все те дела и мероприятия, которые время от времени попадают в поле моего зрения.

К Агафье Лыковой летают многие люди. Среди них есть волонтеры (студенты и прочая молодёжь). Думаю, летают они к отшельнице или из любопытства, с целью расширения своего личного кругозора, или безвозмездно помочь старой 76-летней (на 2020 год) и одинокой женщине в делах её

хозяйства (прополка огорода, уборка урожая, заготовка на зиму сена для коз, дров для обогрева жилища и так далее).

Регулярно летают к Агафье (как зовут её между собой буквально все мои знакомые) журналисты различных печатных СМИ и телевидения (как центральных, так и региональных) для сбора материала к своим репортажам и прочим информационно-новостным материалам, которых написано, отснято и собрано уже много. О чём говорит одна только интернетовская подборка информации о Агафье. А сколько ещё той информации, которой в Интернете нет? Также много!

Летают к Агафье представители муниципальных и региональных властей. В частности, глава города Таштагола и Таштагольского района Макута В.Н. летает к ней чуть ли не при каждом рейсе туда нашего вертолёта.

Не единожды летал к Агафье и бывший губернатор нашей области Тулеев А.Г., да и новый губернатор Кузбасса Цивилёв С.Е. тоже побывал у неё. Не обходят Агафью Карповну своим вниманием руководители и представители СМИ Красноярского края, Хакасии и некоторых других регионов нашей страны.

«С чем это связано?» — постоянно задаю себе этот вопрос. С благими ли намерениями — оказать действенную хозяйственную помощь одиноко живущему в дикой природе человеку или для галочки?

Или с целью знакомства с единственной широко известной личностью нашего края и нашего времени?

На мой взгляд, прижизненная история Агафьи Карповны Лыковой вписывается и выстраивается нашими современниками, соотечественниками прежде всего в один ряд со всемирно известными литературными персонажами, такими, как Маугли, Тарзан, Робинзон Крузо и другими им подобными. Не вера отшельников, а их жизнь в условиях дикой природы. Люди, одиноко живущие или жившие продолжительное время вне цивилизации, очень интересуют если не всё человечество, то многих его представителей. Заинтересована в изучении жизни отшельников и наука, прежде всего та её часть, которая изучает и исследует жизнь и способы выживания в экстремальных условиях.

Кстати, никем не доказано, что Маугли, Тарзан и Робинзон Крузо являлись реальными персонажами, а не выдумками литераторов, авторов литературных произведений о них. Агафья Лыкова — реальный персонаж, и никто в этом не сомневается. К ней регулярно летают люди, её фотографируют, о ней снимают кино и много пишут. Впишется или нет жизненная история нашей знаменитости и современницы Агафьи Карповны Лыковой в один ряд с названными выше литературными персонажами, покажет время.

В апреле 2020 года при выполнении регламентных работ на вертолёте Ми-8т № 61048 в аэропорту города Новокузнецка мой таштагольский коллега Леонид Никитович Горбунов рассказал, что недавно ему посчастливилось побывать у Агафьи. В доказательство он показал несколько фотоснимков на

телефоне, где он сфотографирован вместе с нашей знаменитостью.

— Она дальняя моя родственница, можешь написать об этом, — не без гордости сообщил он.

— Сюжет маловат, нужно ещё что-то придумывать, — не очень учтиво ответил я, давая понять, что с написанием рассказа об Агафье ничего не получится.

— Двадцатого августа планируется очередной рейс к ней, может, и мне удастся слетать туда. Если получится, потом сообщу ещё что-нибудь, — не расстроившись, с уверенностью сказал мой собеседник.

Надо сказать, что мне и самому хотелось слетать к Агафье, посмотреть на неё и её житьё своими глазами, после чего написать самому о встрече с нашей знаменитостью.

*«Дождь шуршит в кедровнике,
Мышь совы шугается.
Наглухо отшельница зачинила дверь,
Двуеверьем молится, как ей полагается,
Как учила матушка, тятка — старовер.
У Агафьи Лыковой пол умощен гумусом,
Дух в избе натопленной —*

*благостный, с вонцой;
На цивилизацию, как на счастье с минусом,
С-под платка Агафьюшка*

*смотрит с хитрецей.
Ест картошку целую, иногда толчёную,
В сапогах резиновых ходит по двору.
Не скребется в душеньку, господа учёные,
Тяжкий грех развеивать душу на миру.
Не больна тщеславием — на фиг папара ей!
Что к чему просвечивать земляное дно?
Прихворнёт, так вызовет*

*вертолёт по рации,
В остальном — пошли бы вы...
Чище жить одной».*

Так написал о своём посещении нашей знаменитости в стихотворении «Избушка» известный новокузнецкий поэт Александр Раевский (РЛХГА «Усвятская россыпь», № 3-4, стр. 14, апрель 2008 года).

Не видя какого-либо возможного пути к осуществлению желания слетать к Агафье, я позвонил руководителю Прокопьевского городского телевидения и городской газеты «Шахтёрская правда» Худякову П.П., своему творческому коллеге, сообщил ему о планируемом полёте к Агафье:

— Может, командируете туда оператора и кого-то из журналистов, по возможности и меня прихватите. Хороший материал сделаем, — интригуя, сообщил я своему собеседнику.

— Хорошо бы, но это неосуществимо. Нам попасть на этот рейс очень сложно, практически невозможно, — с сожалением сказал он. Этим разговором всё и закончилось.

20 августа 2020 года у меня был выходной день, и провёл я его в хозяйственных делах и заботах, позабыв о том, что по плану на этот день назначен рейс вертолёта из аэропорта города Таштагол к Агафье в Хакасию, в живописнейшее место в верховьях горной реки Абакан, точнее, в место впадения в неё горной речушки Еринат, где и живёт многие годы наша героиня.

21 августа я приехал на своей машине в аэропорт на работу, приблизительно в 6.50, увидел идущего на работу своего коллегу Шаниязова А.Г., у ко-

торого в этот день был выходной. «Наверное, что-то случилось,» — подумалось мне. Потому, придя на рабочее место, сразу же пошёл к начальнику смены Полякову С.А.

— Анатолий Галишанович на работу вышел, что-то случилось, Сергей Александрович? — спросил я своего начальника.

— Случилось! У Агафьи вертолёт наш не совсем удачно приземлился, с передней стойкой и ещё кое с чем возникли некоторые непонятки. Вертолёт ночевал там, на берегу речки. Сегодня Комаров, я и Семушин полетим туда. Определаться будем, как возвращать его оттуда, — нехотя ответил он.

Своих вертолётчиков в нашем предприятии только два. Кроме «таштагольца», имеется ещё один, но он находится в аренде у сторонней организации, откуда отозвать его непросто. Поэтому вылета спасательно-аварийного вертолёта к находящимся в глухой тайге людям, как в предыдущий день, так и в текущий, не получилось.

И на следующий день, в субботу, 22 августа, в таёжный край тоже не полетели: МЧС и другие авиапредприятия за проведение необходимых нам лётных работ требовали с нашего предприятия значительные финансовые проплаты.

Лишь через трое суток после жёсткой посадки вертолёта, в воскресенье 23 августа 2020 года, в семь часов утра, на Еринат улетели генеральный директор «Аэрокузбасса» Белозёров В.Д. и ведущий-инженер предприятия по вертолёткам (он же и начальник вертолётного цеха) Комаров Е.Ю. на маленьком частном вертолёте «Робинс», базирующемся на нашем аэродроме.

Улетевшие взяли с собой из приготовленного нами оборудования лишь один штатный вертолётный гидроподъёмник (в разобранном виде) и один же небольшой самолётный гидродомкрат.

Пока генеральный директор авиапредприятия и начальник вертолётного цеха детально осматривали наш вертолёт, оценивали его состояние, пилот частного вертолёта (бывший наш лётчик-вертолётчик Дьяченко А.А.) перевёз в Таштагол за два рейса засидевшийся в тайге экипаж: Лактюхина О.В. (командира вертолёта), Понамарёва О.В. (правого лётчика), Мельникова А.Э. (старшего бортмеханика-инструктора) и Клепикова Д.А. (бортмеханика-стажёра, выполнявшего в том полёте на вертолёте всего лишь третью свою лётную смену).

По результатам осмотра аварийного вертолёта руководитель авиапредприятия принял решение о возврате его в Таштагол, о чём сделал соответствующие распоряжения по возвращении в аэропорт Новокузнецка.

Неделей ранее

Выполнив без проблем 17-го и 18 августа плановые полёты на вертолёте Ми-8т № 06148, командир экипажа Лактюхин О.В. начал готовиться к заранее планировавшемуся перелёту в район устья реки Еринат для доставки московской группы волонтеров к Агафье Лыковой. Вылет планировался на 10 часов утра 20 августа, как говорит-

ся, по холодку, поскольку устье Ерината в сравнении с Таштаголом имеет превышение по высоте почти в тысячу метров.

И всё бы ничего, но волонтеры прибыли к вертолёту не к 10 часам утра, а после полудня. Потом пришлось подождать ещё и главу города Таштагола, который хотя и не полетел в этот раз к своей подопечной, но детально побеседовал с москвичами, поставив им задачу и проинструктировав их.

Плановый вылет вертолёта отодвинулся ещё на более позднее время, что заставило несколько озадачиться и призадуматься командира экипажа вертолёта. Лактюхин О.В. хоть и не первый раз летел к Агафье по хорошо известному ему маршруту, но был обеспокоен произошедшими нестыковками. Тем не менее, командир экипажа решил, что с поставленной задачей он справится успешно. После взлёта, как и положено, он проверил управляемость и устойчивость вертолёта на режиме висения, вертолёт «висел» устойчиво и управлялся хорошо (что позднее подтвердил начальник аэропорта города Таштагол Трофимов В.П., наблюдавший с земли за взлётом вертолёта).

Изда Агафьи

Всем авиаторам известно, что главным в результативности полёта любого воздушного судна является его управление и управляемость. И все авиаторы знают, что влияние воздушного потока на любой полёт, как самолёта, так и вертолёта, очень значительно, поскольку в полёте они переносятся воздушным потоком как осенние листья на продуваемой улице или маленькие песчинки в пустыне. Особенно это чувствуется на режимах взлёта самолётов и вертолётчиков и их посадки. К тому же и само место посадки вертолёта на каменной косе горной речки Еринат обычным назвать нельзя: оно находится в стыке нескольких ущелий, которые закручивают воздушные потоки всегда по-разному. В связи с чем даже у опытейших наших, старых лётчиков-вертолётчиков, посадки там не всегда получались с первого захода.

В этот раз основная часть полёта вертолёта, управляемого Лактюхиным О.В., была обычной, ничем особенным не выделялась от других его полётов. Но при подходе вертолёта к месту посадки, когда земля была совсем уже близко, вертолёт словно начало подталкивать вниз какой-то внешней силой, внешним потоком. Вертолёт на-

чал плохо слушаться управления. Посадка получилась грубой: «скозлив», вертолёт вновь взмыл в небо с тенденцией к развороту вдоль вертикальной своей оси.

Сделав ещё два небольших подскока, вертолёт остановился и «успокоился», колёса передней стойки зарылись, въехав в мягкий грунт.

При первом ударе вертолёта о землю и последующем его подскоке в пассажирской кабине послышался женский визг: бортмеханик-инструктор Мельников А.Э., стоявший за спиной своего стажёра, не удержавшись на ногах, завалился в грузовую кабину к пассажирам.

Тем не менее, паники и беспорядка среди пассажиров не было. Если не считать некоторых отклонений в поведении кинооператора, который, вероятно, в силу своих профессиональных предназначений пытался снять всё происходящее вокруг себя на камеру. После окончательной остановки вертолёта, без разрешения членов экипажа, он самостоятельно открыл входную дверь и первым выскочил из вертолёта наружу. После чего вновь включил камеру и продолжил съёмку.

— Держи его, смотри, чтобы не попал под вращающиеся винты, двигателя я сам выключу! — крикнул поднявшийся на ноги инструктор Мельников своему стажёру Клепикову. После этого Клепиков тоже выскочил из кабины вертолёта, вслед за оператором.

В следующее мгновение Мельников выключил, закрытием стоп-кранов, исправно работавшие двигатели. Вращающийся несущий винт вертолёта медленно начал останавливаться.

После остановки двигателей и прекращения вращения несущего винта вертолёта пассажиры и экипаж организованно и без паники вышли из вертолёта, ощутив ногами твердь родной земли. После пережитого нервного стресса состояние у всех было эйфорическое. Старший группы волонтеров Андрей предложил своим товарищам встать на колени перед экипажем — в знак своей благодарности за сохранённые жизни. Но командир экипажа попросил Андрея не делать этого, так как безопасная доставка пассажиров на место их прибытия — это прямая обязанность экипажа, его работа. К тому же все подопечные Андрея прилетели сюда не бесплатно, а по оплаченным билетам.

В свою очередь, за «неудобства и дискомфорт», причинённые пассажирам, командир экипажа Лактюхин О.В. попросил у пассажиров прощения: «Старался сделать всё хорошо, но, как получилось, так и получилось!» — сказал он.

Походив немного возле вертолёта, все успокоились и пришли в себя. Пассажиры начали расходиться по своим местам, разносить привезённые с собой вещи и продукты.

В скором времени на каменной косе горной реки остались около вертолёта только лётный экипаж и наземный авиатехник. В полной нерешительности и неопределённости: что им делать дальше и как доложить о случившемся руководству авиапредприятия? Связи с внешним миром ни по вертолётным радиостанциям, ни по мобильным телефонам в горах нет.

К всеобщей радости оказалось, что у старшего группы волонтеров имелся спутниковый телефон, но денег на нём было мало, а расходуются этим телефоном деньги очень быстро.

Тем не менее, первую краткую информацию о случившемся по телефону волонтеров на Большую землю доложили.

Вместе с волонтерами на Еринат прилетел Николай Ерофеевич Седов, сын умершего не так давно Ерофея Седова: одноногого таштагольского пенсионера-геолога, старовера, долгое время добровольно проживавшего под горушкой, в своей маленькой (двухместной) лесной избушке, по соседству с Агафьей Карповной Лыковой.

Николай Ерофеевич и прежде часто летал на Еринат, навещал своего отца, обеспечивал его продуктами питания, помогал по хозяйству. Став пенсионером, Николай Ерофеевич летает туда при любой возможности. В этот раз прилетел с ним на Еринат и его товарищ.

В гостях у Агафьи...

Из рассказа Клепикова Д.А., бортмеханика-стажёра:

«В конце первого дня нашего пребывания на Еринате (20.08.2020 г.), когда нам стало ясно, что за нами никто не прилетит, начали думать о том, как нам быть дальше и что делать?»

Из одежды у нас, кроме надетых тонких хлопчатобумажных лётных комбинезонов, ничего не было, из еды — тем более.

Обратились за советом Николаю Ерофеевичу. Он сообщил, что в отцовской двухместной избушке оба места заняты. Но от решения нашей проблемы не отмахнулся: пошёл к Агафье Карповне, которая сама никак ещё не отреагировала на свершившуюся с вертолётном и его экипажем беду.

Сходив к отшельнице (поднявшись в гору и вернувшись обратно), Николай Ерофеевич сообщил экипажу, что Агафья Карповна разрешила разместиться им во второй своей избе, где жил уже её дальний родственник Антон Лыков, которому, вроде бы, в качестве альтернативной военной службы предложили прожить год или более на Еринате, у знаменитой своей родственницы.

Разместились! «Гостевой» дом от-

шельницы, заросший грязью и тенётами, оказался сравнительно большим, но заваленным всяким старым хламом. В этом доме находятся образа (иконы), на которые молятся хозяйка. В избе по периметру сделаны широкие лавки. Вероятно, на них спали прежние жильцы этого дома, Лыковы.

Но несмотря на наличие спальных мест, члены экипажа вертолёт (5 человек: два лётчика, два бортмеханика и техник) решили разместиться на ночлег на полу, вповалку. Подумали, что так будет теплее спать в летних комбинезонах, без одеял и покрывал. На пол постелили какой-то старый палас и иной хлам, пригодный для использования его в качестве лежанки, валявшийся тут же. Под головы положили, кто что нашёл, валявшееся в общей куче.

К 20 августа в тайге, тем более в горах, становится очень холодно. И ночью, как ни жались члены экипажа спинами друг к другу, все очень сильно замёрзли. К следующей ночи решили протопить в доме печь. К тому же утром Андрей (старший волонтер) принёс экипажу один спальный мешок и кое-какие тёплые вещи.

Питанием экипажа Лактюхина О.В. добровольно занялся Николай Ерофеевич. В первый день он из своих запасов сварил суп с тушёнкой, кашу, заварил чай. На второй день командир экипажа решил снять с борта вертолёт-

Клепиков Д.А. и Агафья на Еринате

та продовольственный «НАЗ» (носимый аварийный запас), укомплектованный несколькими пачками хлебных сухарей и галет, банками говяжьей и свиной тушёнки и сгущёнки, пачками сахара, чая.

Среди прочего имелось несколько упаковок спичек и кое-какие рыболовные снасти. Всё это экипаж передал в общее пользование Николаю Ерофеевичу. Со второго дня начала спускаться к дому Николая Ерофеевича, где, в основном, начал проводить своё свободное время экипаж, и Агафья Карповна. Она приносила с собой свежий хлеб собственной выпечки, козье молоко и творог, рыбу собственного улова... Принесённое, так же, как и все, передавала Николаю Ерофеевичу.

Три ночи и четыре дня довелось пробыть экипажу Лактюхина О.В. в священных сибирских местах, увидеть современные исторические ценности, приложить к ним и частицу своего участия.

В воскресенье, 23 августа, на Еринат прилетели Белозёров В.Д. и Комаров Е.Ю.. Экипаж был вывезен в Таштагол (за исключением наземного

техника Горбунова Л.Н., который остался на Еринате, в том числе и как охранник вертолёт).

На следующей неделе, 27 августа, в четверг, на Еринат была доставлена группа специалистов инженерно-авиационной службы во главе с Комаровым Е.Ю. (Чиркин В.А., Семушин В.С.), которые разместились на жительство на месте, «обжитом» до них экипажем — во втором, «гостевом» доме Агафьи Карповны Лыковой. Там они прожили пять дней, ночевали четыре ночи. Правда, вновь прибывшие теперь уже полностью были экипированы всем необходимым для нормального пребывания в сложившихся условиях. На котловое продовольственное обеспечение вновь прибывшие «встали» всё там же, у Николая Ерофеевича. С самого начала прибытия на Еринат группа Комарова Е.Ю., в которую вошёл и Горбунов Л.Н., занялась подготовкой вертолёт к перелёту в Таштагол.

31 августа на Еринат на вертолёт «Робинс» был доставлен новый экипаж вертолёт, потерпевшего аварию, в составе Сорокина О.П. (КВС), Каташева С.Г. (правого лётчика) и Мельникова А.Э. (бортвого механика).

После запуска и опробования работы авиадвигателей вертолёт Ми-8т № 06148, убедившись в исправной работе всего оборудования, экипаж поднял вертолёт в воздух и взял курс на Таштагол. На борту нашего вертолёт Ми-8т, на случай «острой необходимости», улетел Чиркин В.А.

Комаров Е.Ю., Семушин В.С. и Горбунов Л.Н. улетели на вертолёт «Робинс», вслед за своим вертолёт.

Оба вертолёт, взлетевшие с берега реки Еринат, долетели до Таштагола без замечаний и выполнили там благополучные посадки.

В тот же день на абаканском вертолёт Ми-8 (МЧС) были увезены от Агафьи Карповны в Таштагол и все её добровольные помощники: двенадцать волонтеров (шесть мужчин и шесть женщин) во главе с Андреем, у которого эта «курсовка» на Еринат, к Агафье, была уже девятой. Некоторые его спутники и помощники побывали там уже по нескольку раз, некоторые были впервые.

Вместе с волонтерами убыл с Ерината и Антон Лыков: «В армию пойду!», — сообщил он своё решение кое-кому из новых знакомых. Это, вероятно, по его соображениям, было более приемлемым и менее сложным, чем жить постоянно и безвылазно в тайге, на Еринате. При этом (как отметили некоторые из побывавших в этот раз на Еринате аэрокузбассовцев), Антон особого участия в решении хозяйственных дел и проблем Агафьи не принимал. Чего нельзя сказать о его участии в её церковно-духовных делах: он всегда (или почти всегда) молился вместе с ней.

Пишу себе Антон готовил сам. Если не считать того, что Агафья обеспечивала его хлебом и другими продуктами из своих запасов. Иногда Антон кушал и у Николая Ерофеевича, когда приходил туда во время приёма пищи членами экипажа или их сменщиками, позволял себе выпить стопочку

или две спиртного, если его угощали.

Этим же вертолёт МЧС убыл с Ерината и Николай Ерофеевич вместе со своим другом.

При «торжественном» убийти из Таштагола волонтеры клятвенно заверяли друг друга и провожавших их новых знакомых, что они обязательно прилетят сюда.

Когда друг за другом улетали с берега Ерината все три вертолёт, увозя с собой всех временно и случайно проживавших там людей, Агафья Карповна Лыкова вышла на бережок реки Еринат. Концами платка она вытирала глаза и махала рукой, провожая каждый взлетающий вертолёт. При этом она плакала, возможно, от тоски, что вновь осталась одна в своём «Таёжном тупике»; возможно, от радости, что на её родной земле не свершилось беды и всё вновь закончилось благополучно.

Дольше всех из аэрокузбассовцев, «гостивших» в августе 2020 года на Еринате у Агафьи Карповны Лыковой, оказался её дальний родственник, мой коллега, наземный авиатехник вертолёт Горбунов Леонид Никитович, который пробыл в этот раз на Еринате 12 дней.

В авиации, в шутку или всерьёз, говорят: наземный авиатехник лишним на борту своего вертолёт или самолёт никогда не является. Его масса никогда не бывает со знаком минус, всегда только со знаком плюс. Вертолёт или самолёт, как одухотворённое существо (каковым считают его авиатехники), никогда не позволит себе покатчить, тем более — убить своего авиатехника, который ежедневно лелеет его.

Возможно, именно поэтому благополучной оказалась сложнейшая посадка нашего вертолёт первого августа 2008 года на каменистую косу горного ручья Казыр. Возможно, именно поэтому же благополучной оказалась и сложнейшая посадка нашего вертолёт на каменистый берег горной реки Еринат 20 августа 2020 года.

Возможно, что именно поэтому же лётчики, при первой возможности и с великим удовольствием, всегда берут с собой на перелёт наземного авиатехника, хотя, возможно, что для этого есть и ещё какие-то иные причины.

Помощники и родственники Агафьи

К моменту написания «Таёжного тупика» Василий Песков был уже известным в стране журналистом и писателем, в 1964 году он стал лауреатом Ленинской премии, в то время высшей в стране Государственной премии. Его новая его работа о Лыковых имела невероятно большой успех. Но несмотря на это после выхода в свет «Таёжного тупика» на Пескова обрушился немалый поток грязи: многие известные в стране литераторы и журналисты, в том числе и широко известный сибирский писатель Виктор Астафьев, начали обвинять его в том, что в результате его «открытия» староверы Лыковы почти все вымерли. Из-за того, что к ним начали захаживать многие сторонние люди, от которых они, не имея защитного иммунитета ко многим заболеваниям, заразились и в скором времени

умерли. И хотя Василий Песков впервые повстречался с Лыковыми (Карпом Осиповичем и Агафьей) в 1982 году, а старшие сыновья и дочь Карпа Осиповича умерли в 1981 году, тем не менее, обвинение в адрес автора «Таёжного тупика» живо и поныне.

Книга «Таёжный тупик» — документальная повесть, так с самого начала обозначили её автор и редакторы газеты «Комсомольская правда». Впервые она была издана в 1983 году в типографии библиотеки редакции газеты «Комсомольская правда». В последующем переиздавалась в 1987-м, 1990-м, 2002-м, 2007 годах. Повесть написана на основе серии очерков Василия Пескова под тем же названием, опубликованных в газете «Комсомольская правда» с 1982 года. Книга эта и очерки фактически являлись хроникой жизни и реальной истории семейства старообрядцев Лыковых, обнаруженных в 1978 году живущими в срединной тайге Западных Саян. Лыковы жили там с 1938 года без связи с цивилизацией и не были знакомы с современной жизнью окружавшего их мира.

На протяжении семи лет Василий Песков ежегодно бывал у Лыковых и публиковал в «Комсомольской правде» свои рассказы об этих посещениях, которые имели огромный резонанс в советской прессе тех лет.

Позднее под давлением и по просьбе своих читателей Василий Михайлович продолжил свои повествования, но уже под названием «Новости от Агафьи».

Чтобы скорее прочитать очередной газетный рассказ Василия Пескова о сибирских отшельниках, жена Л.И. Брежнева специально послала в редакцию газеты своего человека. Советские люди зачитывались невероятной историей сибирских староверов и с нетерпением ждали очередных его выпусков, продолжения.

— «Сибирскими Робинсонами» и поныне называют Лыковых многие наши соотечественники, — сообщает свои воспоминания в Интернете Н.Н. Старченко (создатель и главный редактор московского литературного журнала о природе «Муравейник»), один из друзей и соратников Василия Михайловича Пескова. — История действительно фантастическая, помню свои впечатления той поры. Целая семья волею судеб более 30 лет провела в непроходимой таёжной глуши, за 250 километров от ближайшего к ним населённого пункта. Допетровские времена вперемешку с каменным веком! Огонь добывали кресалом, вечера коротали за молитвами при лучине. Ходили в латанных рубищах из конопли, которую выращивали на своём огороде. Летом босые, зимой в обуви из бересты. Жили без соли, хлеба. Сознательно прятались от людей. Их и обнаружили-то случайно, геологи. Когда в первый раз увидели из вертолёт огород в непролазной чаще, глазам своим не поверили. В последующих полётах над теми местами разглядели между деревьями и замаскированную хижину.

Эпопея сравнимая, может быть, с историей Робинзона Крузо. Даже кру-

че... У Дефо — выдумка! Да и жил Робинзон на тёплом райском острове. А Лыковы — среди морозов под 50 градусов! Медведи, волки, росомхи — вокруг них, а у них ружей нет! Самодельные деревянные рогатины — единственное их оружие. А главное, всё было в реальности.

В 1982 году Василию Пескову было 52 года. Для прозаика, журналиста и очеркиста очень хороший возраст. Он не был первооткрывателем новой темы в центральной прессе. «Комсомольскую правду» опередила тогда «Социалистическая индустрия» (печатный орган ЦК КПСС). В этой газете раньше появилась короткая заметка про сибирских отшельников. В той статье упор был сделан на религию, дескать, они сами загнали себя в тайгу и погубили свою жизнь.

Позднее Василий Михайлович Песков вспоминал о первых мыслях и раздумьях по поводу новой своей разработки. В 1982 году гласности ещё не было, как рассказать в молодёжной газете об отшельниках-староверах, не впадая в антирелигиозные разоблачения? Решил, что единственно верным путём станет обычный рассказ, в котором будет показана драма людей, когда-то прервавших свою связь с окружающим их миром. Таким образом удастся вызвать чувства милосердия, сострадания и восхищения жизнестойкостью этих людей в сердцах наших читателей.

Уже в первом очерке Василий Михайлович Песков чётко обозначил своё кредо: интересно было увидеть на примерах конкретных людей следы раскола христианской религии. Но, несомненно, более важным, чем вопросы религии, был вопрос: а как люди жили и как выжили в таких нечеловеческих условиях? Не в тропиках возле бананов, а в сибирской тайге, со снегами по пояс и с морозами за тридцать градусов? Еда, одежда, бытовой инвентарь, огонь, свет в жилище, поддержание огорода, борьба с болезнями, счёт времени — как всё это осуществлялось и добывалось, каких усилий и умения требовало? Не тянуло ли их к людям? И каким представлялся окружающий мир младшим Лыковым, для которых родильным их домом была тайга? В каких отношениях они были с отцом, матерью, между собой? Что знали они о тайге и её обитателях, как представляли себе «мирскую жизнь». Они ведь знали: где-то есть, эта жизнь! Они могли знать о ней хотя бы по пролетающим в небе самолётам.

Было много и других волнующе-непонятных черт затерянной жизни.

Василий Михайлович Песков буквально сроднился с Лыковыми. Много лет подряд он регулярно навещал их в глухомани, куда только вертолёт и можно было долететь, порой с риском для жизни. И не только для написания очередного очерка. Он постоянно помогал отшельникам, в том числе из своих личных средств. Например, купил и доставил им на вертолёт козу с козлом, чтобы Карп Осипович и Агафья могли поддерживать своё здоровье свежим козьим молочком. Много и других личных подарков (бинокль и прочее), очень нужных для их повседневной жизни, привозил и да-

рил им. Договаривался с местным начальством об опеке Лыковых, чтобы они не допускали к ним случайных людей, авантюристов и прочих.

В одну из последних своих встреч с Агафьей Василий Михайлович напрямую спросил её: «Как ты считаешь, хорошо, что люди вас «нашли», или лучше бы было вам жить, как жили?»

Агафья искренне ответила: «Мы сразу решили: людей послал нам Бог. Какая была наша жизнь — обносились, все лапотники (одежда) в заплатах. Страшно вспомнить: ели траву, кору... Поумирали бы все, и никто не узнал бы, что жили. А люди много добра нам сделали. И никто ничем не обидел, только помогали. А когда ты написал в газете о нас, нас с тятенькой завалили всякими дареньями: посудой, одеждой, обувкой, разной справой для хозяйства».

И то, что Агафья после смерти тятеньки, умершего от старости в 1988

Столовая Николая Ерофеевича

году, в возрасте 87 лет, принципиально осталась в тайге и живёт до сих пор, заслуга Василия Михайловича Пескова и других людей, которые продолжают помогать ей после смерти Пескова.

9 сентября 2009 года у Василия Михайловича Пескова случился инсульт, после этого он не мог уже навещать Агафью. Всегда интересовался её жизнью у побывавших у неё в гостях, в том числе нередко звонил он по этому вопросу и губернатору Кемеровской области Тулееву А.Г., взявшему на себя шефство над одинокой отшельницей после Пескова В.М.

Согласно информации, которая имеется ныне в Интернете, кроме помощи, которую оказывают Агафье Карповне Лыковой кузбассовцы, шефствуют над ней и москвичи (преподаватели и студенты МЭТИ, редакция газеты «Комсомольская правда», редакция журнала «Муравейник» и другие физические и юридические лица).

Оказывают помощь отшельнице и красноярцы в лице краевой администрации и редакции краевой газеты «Красноярский рабочий» (главный редактор Владимир Павловский), и администрация Хакасии посредством своего государственного заповедника «Хакасский» в лице его директора.

Вот что сообщает Интернет об этом.

Владимир Павловский (главный редактор краевой газеты «Красноярский рабочий») сообщает: «Позвонил мне Николай Седов, сын известного кемеровского геолога Ерофея Сазантьевича Седова, сообщил, что вернулся с заимки Лыковых, расположенной в глубине Саян».

— Большой поклон вам от Агафьи Карповны, — сказал он мне по телефону, едва переступив порог своего таштагольского дома. — Вспоминала вас. Хорошие, говорит, верёвки привозил мне Павловский, до сих пор служат.

Честно говоря, сам я уже и не помню, что за верёвки отдавал отшельнице (а наверняка были и не только они). Но поклон тронул. Значит, помнит, надеется и на нашу дальнейшую помощь.

Далее сообщает Николай Седов, что нового на заимке.

Надежда Ильченко,
«Комсомольская правда»,
3 июля 2020 г.

«Заметим симптомы простуды — сразу назад!»

На заимку к таёжной отшельнице Лыковой отправился её дальний родственник, внучатый племянник Антон Лыков. Он давно уже собрался перебраться к знаменитой родственнице, чтобы помогать ей по хозяйству.

«Выехали в пятницу, 3 июля», — сообщили в «Комсомольскую правду» из заповедника «Хакасский», на территории которого находится заимка Агафьи.

Антон раньше жил на Урале, в деревне Верещагино (откуда, якобы, ушло семейство отца Агафьи Лыковой), планировал эту поездку несколько лет. В прошлом году съездил к знаменитой родственнице, познакомился. После этого и решил, что надо к Агафье перебраться.

В этом году, получив благословение митрополита Русской Православной Старообрядческой Церкви, сменил место жительства, правда, пока, не навсегда.

— В сопровождении наших инспекторов он отправился на заимку, где сменил на некоторое время прежнего помощника Агафьи Карповны — Алексея Уткина. Антон — старообрядец, забор крови у него для анализа на коронавирус проблематичен. Вера не позволяет. Поездка предстоит долгая: по воде реки Абакан, от посёлка Абаза, минимум два дня, — сообщил «Комсомольской правде» директор заповедника «Хакасский» Виктор Непомнящий.

Надолго ли племянник отправился в помощники к отшельнице — точно пока неизвестно. Нрав у Агафьи Карповны — будь здоров, с ней надо ещё уметь ужиться. К примеру, предыдущий помощник, послушник Георгий, не смог. Вроде и единовец, а не по нраву пришёлся Агафье.

— Это хорошо, что Антон поехал, Агафье помощь нужна, а он всё-таки родственник, — считает Николай Седов, сын Ерофея Седова, который много лет прожил по соседству с Агафьей. — А в целом я не сильно приветствую, что сегодня туда к ней везут всех подряд, как на экскурсию. Нехорошо это. Что касается «коронавируса», не думаю, что он опасен. Старообрядцы не много контактируют с внешним миром. Да и вируса того я лично в глаза не видел, — сообщил Николай Седов из Таштагола.

Опираясь на сказанное, с твёрдой уверенностью можно сказать, что родственников своих Агафья Карповна не знала и не знает, поскольку ранее ни с кем не встречалась и до своего «открытия» геологами всю свою прежнюю жизнь прожила в тайге в тесном кругу родительской семьи. Кое-какую информацию, которую сообщили ей о своей прежней жизни её отец и мать, она, конечно, помнит. Но это очень малая и скудная информация.

Тем не менее, родственники находят её сами.

Сам нашёл её и разъяснил своё родство с ней племянник Антон.

В Интернете есть и другие случаи

открытия «родства» знаменитых отшельников Лыковых. К примеру, вот ещё один, известный случай «открытия». Как-то, когда был жив ещё Василий Михайлович Песков, позвонил ему по телефону хороший его знакомый и сообщил, что приблизительно в двухстах километрах от сибирского городка Ишим, расположенного на автомагистрали «Омск — Тюмень», обнаружили деревушку с названием «Лыково».

— Наверняка твои Лыковы оттуда, давай съездим туда, разберёмся! — сообщил звонивший.

Василия Михайловича информация заинтересовала и он, недолго думая, поехал в Ишим. К слову, Ишим — родина русского писателя Ершова, автора сказки «Конёк-горбунок».

Приехал! Там местные историки и краеведы, прежде всего директор музея Ершова, сообщили ему, что одна их старожилок подтверждает, что абаканские Лыковы действительно отсюда. И они пришли толи с Урала, толи из Тюмени. Причём эти Лыковы являлись не просто староверами, а староверами-«бегунами», представителями очень строгого толка в раскольничестве. Их главное правило: «От мира надо бегать и таиться».

Во второй половине 19 века ушли они и из Лыкова — дальше к Енисею, в тайгу. А потом и ещё дальше — в Саяны. Там, в новых местах, и родился в 1901 году Карп Осипович Лыков, глава знаменитой семьи абаканских отшельников. От своих родителей он знал о Тюменском прошлом своего рода. Что знает и Агафья Карповна. Вот и всё!

Родственники Агафьи Карповны всё множатся и множатся... Наверное, потому что Агафья Карповна Лыкова сегодня самый известный человек в сибирско-дальневосточном регионе нашей Родины.

Послесловие

После «гостевания» у сибирской отшельницы командир экипажа вертолёт Лактюхин О.В., бывший военный лётчик-истребитель, выпускник Барнаульского ВВАУЛ, решил завершить свою лётную карьеру и работу. Своё решение обосновал тем, что эта «грубая посадка» — уже третий аварийный случай в полёте за 12 лет его лётной практики в гражданской авиации.

«Третий звонок», — сказал он и написал заявление на увольнение с работы «по собственному желанию». По его мнению, из авиации всегда уходили и уходят лётчики после «третьего звонка». С чем можно и не согласиться, поскольку лётное мастерство каждого лётчика растёт «от случая к случаю». К примеру, мой бывший командир полка, полковник Васенков В.В., за свою лётно-испытательную работу имел 15 таких «особых случаев», в двух из которых он покидал самолёт в полёте (катапультировался). При этом случались у него и личные грубые ошибки. Грубую лётную ошибку, которая была поставлена ему в личную вину, он совершил, когда являлся уже заслуженным лётчиком-испытателем СССР. А после этого, через несколько лет, ему было присвоено звание Героя РФ.

Плохо, конечно, когда «звонки» приходится принимать, но лётная работа такова, что в любом полёте можно ошибиться. Как, впрочем, и в любой поездке на личном автомобиле. Что же, после «третьего звонка» и на личном автомобиле ездить нельзя? «За одного битого двух небитых дают», — гласит русская пословица.

И это очень важно как для лётчика, так и для работодателя (как частного, так и государственного), поскольку подготовить нового командира воздушного судна — дело затратное. А гарантий, что новый будет лучше старого, нет никаких.

Комаров Е.Ю. (справа) и Горбунов А.Н. около вертолёт

Все остальные члены экипажа Лактюхина О.В. продолжили свою лётную работу, в том числе и бортмеханик-стажёр Клепиков Д.А., который без тени смущения пошёл в свои и четвёртый, и пятый полёты с твёрдым намерением, что когда-нибудь и он начнёт свою самостоятельную лётную работу.

Оператор волонтеров за время своей командировки наснимал на свою кинокамеру много всякого материала. Прощаясь со своими новыми знакомыми в Таштаголе, сообщил всем, что по приезду в Москву «смонтирует» свой видеофильм, который будет показан по четвёртому каналу общероссийского телевидения.

...Когда-то мне доводилось слышать от старых наших лётчиков-вертолётчиков, что Агафья жадная и самолюбивая, что ей надо бы на нас молиться, так как всю её современную «нормальную» жизнь сделали ей мы — вертолётчики. А она ни разу стакана воды нам не подала, не говоря уже о чём-то более важном, какой-то благодарности!

Не буду вступать в полемику с авторами слов, услышанных мной когда-то. Возможно, что Лыкова по-своему и права: не принято в дикой природе делиться, с кем бы то ни было, пищей и влагой. Тем паче — у староверов, несмотря на то, что сами они живут зачастую в таких условиях, что ого-го! «...У Агафьи Лыковой пол умошен гумусом, дух в избе натопленной — благодатный, с вондой...», написал новокүзнецкий поэт Раевский А.Д. Тем не менее, как показала реальная жизнь (наш случай), в отношениях с экипажем вертолёт, попавшим в «дикую» ситуацию, Агафья Карповна вела себя так, как подобает цивилизованному человеку нашего времени, а не как ка-

кая-то «дикарка», одиноко прожившая всю свою жизнь в глухой тайге среди диких животных, способная лишь принимать помощь со стороны для себя. Ан, нет, оказалось, что эта «дикарка» способна чувствовать боль и беду других людей, способна и сама помогать нуждающимся в этом людям. Без каких-либо слов предоставила экипажу и сменившим его представителям ИАС АТБ «АЭРОКУЗБАССА» кров (жильё); пекла и передавала через Николая Ерофеевича самодельный хлеб для новых своих знакомых; делилась с незнакомыми до этого ей людьми скудным своим уловом рыбы; угощала ко-

зым молоком и лично сделанным творогом из козьего молока; позволяла звонить членам лётного экипажа на большую землю по своему спутниковому телефону, при том, что на счету её телефона было очень мало денег и так далее... В общем, всё не так просто и однозначно, как кажется на первый взгляд. Любая человеческая жизнь многообразна и интересна, в экстремальных условиях, тем более! Что является для творческого человека очень ценной «вещью», не ленись только: слушай, думай, рассуждай и пиши!

Василий Михайлович Песков

Песков Василий Михайлович родился 14 марта 1930 года в посёлке Орлово Центрально-Чернозёмной области (ныне Воронежская область) в рабоче-крестьянской семье (отец работал машинистом подъёмного крана, мать — в сельском хозяйстве). После окончания Великой Отечественной войны семья переехала в соседний посёлок Воля. С ранних лет своей жизни Василий Михайлович увлёкся фотографией, начал фотографировать всевозможные природные этюды и прочее. Окончив обучение в средней школе, поступил учиться в Воронежскую школу киномехаников. Окончив учёбу, начал работать пионервожатым и киномехаником...

В 1953 году перешёл работать в редакцию воронежской городской газеты «Молодой коммунар», вначале фотографом. Затем, опубликовав в газете первый свой удачный очерк «Апрель в лесу», перешёл работать штатным корреспондентом редакции.

В 1956 году, набравшись смелости, отправил несколько своих статей и очерков в редакцию газеты «Комсо-

мольская правда», в Москву. К собственному удивлению, реакция в «Комсомолке» на его «посылку» была положительная: Пескова пригласили на работу в Москву, в редакцию «Комсомольской правды». С 1956 года он начал работать обозревателем газеты «Комсомольская правда» и постоянным ведущим рубрики «Окно в природу».

Первая книга очерков Василия Михайловича Пескова была издана в 1960 году.

В 1975 году Василий Михайлович Песков начал работать телеведущим и на Центральном телевидении, вместе с Николаем Дроздовым. До 1995 года они вели телепередачу «В мире животных».

После этого, до 1997 года, Василий Михайлович вёл эту телепередачу самостоятельно, на РТР.

С 1999-го по 2003 годы Василий Михайлович Песков был ведущим телепередач, составленных по его очеркам, под названием «Окно в природу», которые транслировались на московском телеканале «Столица».

9 сентября 2009 года (на 79 году жизни) с Василием Михайловичем Песковым случился инсульт. После этого его активная трудовая деятельность значительно снизилась.

Василий Михайлович Песков умер 12 августа 2013 года, в Москве, на 83 году жизни. По завещанию, которое было составлено Василием Михайловичем собственноручно, при жизни, тело покойного кремировали, а прах развеяли над полем недалеко от посёлка Воля в Воронежской области, где когда-то был установлен им памятный камень, на котором выбито его изречение: «Главная ценность в жизни — сама жизнь!»

За свою плодотворную творческую работу Василий Михайлович Песков в 1964 году стал лауреатом Ленинской премии (высшей государственной награды того времени); в 1998 году был удостоен премии Президента Российской Федерации; в 2013 году — премии Правительства Российской Федерации (посмертно). Он был награждён Воронежской областной премией в области литературы имени М.М. Пришвина (17.10.2005 г.); премией «Золотое перо России», премией Союза журналистов России (10.03.2006 г.); Литературной премией имени М. Кольцова. При жизни был удостоен звания «Почётный гражданин города Воронежа».

Кроме того, Василий Михайлович Песков был награждён орденами: «Знак Почёта», «Трудового Красного Знамени» (04.05.1962г.), «Октябрьской Революции» (21.01.1986г.), «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени (05.05.2003г.).

По имеющимся данным (согласно библиографическому учёту), Василием Михайловичем Песковым выпущено 27 книг (повесть «Таёжный тупик» — 14-я в общем списке).

В 2014 году Издательским домом «Комсомольская правда» было подготовлено к изданию «Полное собрание сочинений» В.М. Пескова в 23 томах.

Материал подготовил к печати
Анатолий Гуляев.
24.11.2020г.
г. Прокопьевск (Усаты)

«Платон мне друг, но истина дороже...»

7 июля 2020 года на мою страничку в «Одноклассниках» от совершенно незнакомого мне человека, (которого я назову Ольгой Ивановой), пришло сообщение такого содержания: «Анатолий Николаевич, добрый вечер, меня зовут Ольга Иванова, я не смогла равнодушно пройти мимо созданного нашей администрацией нового герба для Трудового Орденоносного Прокопьевска. У меня к вам есть очень важное дело, мы можем с вами созвониться?»

Я не каждый день посещаю Интернет, но когда «хожу» туда, свои странички всегда просматриваю и стараюсь сразу же отвечать на поступившие мне запросы и письма. Только лишь через три дня я ответил на послание не очень ласково, такими словами: «Созвониться можем, номер моего м.т. такой-то. Но я-то причём тут? От политики я отошёл, в горсовете не работаю, в мэрии — тем более».

После отправки сообщения «нырнул» в Интернет и просмотрел информацию о «Новом гербе города Прокопьевска». Оказалось, что изображение святого Прокопия-Устюжского поместили на новый герб моего родного города Прокопьевска. Для меня это нововведение чем-то неожиданным и сносшибательным не явилось, скорее, было прогнозируемым. Честно говоря, чего-то особенного в новом гербе города я не увидел. А вот «твёрдолобие» городской администрации и многолетнее навязывание прокопчанам своей ереси и чуши — да! Много!

Через несколько дней моя новая знакомая позвонила, а ещё через несколько дней я встретился с ней.

— Кого вы представляете, какую партию? — первое, что я спросил у неё.

— Никакую! — ответила она, затем добавила, — ну, если уж сказать точнее, то беспартийную инициативную группу неравнодушных прокопчан, оскорблённых свершившимся.

Собеседница передала мне ксерокопию «Пояснительной записки» городской администрации (с оттиском печати и подписи) к проекту решения Прокопьевского городского Совета народных депутатов: «Об официальных символах (гербе и флаге) Прокопьевского городского округа Кемеровской области — Кузбасса» и один экземпляр прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда», № 18 (20862) от 30 апреля — 6 мая 2020 года. В газете было опубликовано сообщение о том, что решением городского Совета народных депутатов утверждён новый герб Прокопьевска: «Существовавший до этого герб города не соответствует геральдическим требованиям и не может быть занесён в Государственный геральдический регистр (а без герба городу — никак? — А.Г.).

Герб муниципального образования является официальным символом и

должен быть обязательно зарегистрирован в Государственном геральдическом регистре РФ.

Союз геральдистов России разработал рисунок нового герба города Прокопьевска. Он отражает особенности нашего города, символы данного герба не использованы в других территориях и ясно обозначают своего владельца. Это выделяет новый герб среди других, обеспечивает его оригинальность...», — сказано в газете.

В Пояснительной записке к проекту решения Прокопьевского городского Совета народных депутатов «Об официальных символах (гербе и флаге) Прокопьевского городского округа Кемеровской области — Кузбасса» сказано: «Муниципальное образование «Прокопьевский городской округ Кемеровской области — Кузбасса», являясь городским округом, имеет право на свою официальную символику — герб и флаг. Это право закреплено статьёй 9 Федерального закона от 6.10.2003г. № 131 — ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также Уставом муниципального образования «Прокопьевский городской округ Кемеровской области — Кузбасса».

Герб и флаг Прокопьевского городского

округа отражают исторические, культурные, социально-экономические, национальные особенности и традиции. Герб является основным средством визуальной идентификации муниципального образования: его названия, административного статуса, прав и органов местного самоуправления.

Символика герба Прокопьевского городского округа многозначна:

— образ Прокопия Устюжского является гласным символом Прокопьевского городского округа, названного в честь святого;

— три кочерги — атрибуты святого Прокопия, которые он всегда носил в левой руке и по которым предсказывал погоду, а расположенные вверх кочерги святого символизируют предсказанный им обильный урожай и благополучие;

— чёрный камень символизирует каменный уголь, с добычей которого свя-

зана история развития Прокопьевска. Городской округ является одним из основных центров добычи коксующегося угля в Кузбассе, а День города отмечается вместе с Днём шахтёра.

В гербе Прокопьевского городского округа могут использоваться дополнительные элементы, указывающие на административный статус муниципального образования:

— орденовая лента, обрамляющая гербовый щит, показывает, что Прокопьевск Кемеровской области Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1981 года за большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, развитии угольной промышленности и значительный вклад в обеспечение Победы над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, награждён орденом Трудового Красного Знамени;

— золотая башенная корона о пяти зубцах обозначает административный статус муниципального образования — городской округ. Является знаком определённого достоинства и признаком самостоятельности.

Приметные в гербе цвета и металлы:

— золото (жёлтый цвет) — символ высшей ценности, величия, великодушия, богатства, урожая;

— серебро (белый цвет) — символ чистоты, открытости, божественной мудрости, примирения;

— зелёный цвет — символ роста, надежды, молодости, природы;

— чёрный цвет — символ мудрости, скромности, вечности бытия, природных богатств земли.

Обоснование символики герба Прокопьевского городского округа.

История города Прокопьевска — одна из важных страниц в истории основания Сибири. Этот край с давних времён привлекал купцов и первооткрывателей. В 1618 году на землях кузнецких татар был сооружён Кузнецкий острог, а в 1621 году в Сибирь для проповедования православия прибыл архиепископ Киприан, что положило начало строительству в этих краях церквей и основанию монастырей. Так и возникновение деревни Монастырской — исторического центра города Прокопьевска — связано с основанием мужского Христорождественского монастыря, существовавшего с 1648-го по 1769 годы в трёх верстах севернее Кузнецка на левом (правом — А.Г.) берегу Томи. Вблизи Монастырской деревни в 1753 году была заложена первая деревянная церковь во имя святого праведного Прокопия Устюжского Христа ради юродивого устюжского чудотворца. По названию церкви было названо село Прокопьевское, возникшее здесь позднее и получившее статус города Прокопьевска в 1931 году.

Прокопий Устюжский стал одним из немногих православных святых, имя

которого носит город в России. Существует несколько версий жития святого Прокопия Устюжского, как церковных, так и светских, они различаются хронологией событий и тем, как появился Прокопий на Руси.

Согласно церковным источникам, святой Прокопий, родившийся и воспитавшийся в роскоши, был богатым иностранным купцом, ходившим «по обычаю гостей иноземных» на своём корабле в Новгород для торговли. В Новгороде Прокопий, пленившись красотой величественных храмов, звонами колоколов и благолепием православных богослужений, обратился к православию. Он раздал свои богатства бедным и поселился в Хутынском монастыре. Инок Хутынского монастыря Прокопий привлёк к себе внимание новгородцев и многие восхищались его смирением.

Избегая мирской славы, он с благословения духовного наставника покинул монастырь и отправился на восток. Пройдя не одну сотню вёрст, держась течения рек, Прокопий добрался до Устюга. В Устюге святой Прокопий (тогда он не был ещё святым, святым он стал в 1575 году — А.Г.) вступил на путь юродства Христа ради: ночи проводил в молитве на паперти Успенского собора, а днём ходил по городу в изорванной одежде, смиренно перенося насмешки и побои.

В 1290 году произошло великое чудо. Прокопий Устюжский отвратил стихийное бедствие — сильную бурю с каменным дождём и смерчем большой разрушительной силы.

Блаженный ходил по городу, призывая со слезами жителей Великого Устюга каяться и молиться, чтобы Господь избавил город от страшной участи, но ему не верили. Когда над городом сгустились чёрные облака, из туч засверкали молнии и стали слышны раскаты грома, а земля начала страшно сотрясаться, люди вспомнили блаженного Прокопия и его проповедь.

Они стали приходить в церковь и молиться вместе с Прокопием, благодаря чему буря миновала город. С тех пор, как Прокопий Устюжский своими молитвами спас Великий Устюг от каменного дождя, он считается покровителем горнорудного дела.

Идея герба и флага Прокопьевского городского округа принадлежит разработчикам: администрации города Прокопьевска, Константину Моченову (Химки), Юрию Фрейману (Кемерово) с использованием сюжета памятника работы скульптора Константина Зинича (Красноярск);

художник и компьютерный дизайн: Анна Гарсия (Москва);

обоснование символики: Ольга Френкель (Москва).

**Руководитель аппарата
Администрации города
Прокопьевска
О.А. Турунова.**

Обогатившись этой информацией, я вновь «пошёл» в Интернет, начал более детально изучать всё, что касалось нового герба Прокопьевска.

Ознакомившись со многими материалами, начал догадываться, что вывело из равновесия «корреспондентку» и её единомышленников.

В общем, мне тоже неприятна мышинная возня (по-другому сказать не могу), происходящая у нас в городе вокруг святого Прокопия-Устюжского. И не потому, что верующим человеком я себя не считаю или имею какую-то нелюбовь или иную негативную предрасположенность к этому святому, нет!

А оттого, что много лет уже (не одно десятилетие) самостоятельно занимаюсь исследованием, по доступным мне материалам, времени возникновения и образования названия моего родного города Прокопьевска.

В результате чего пришёл к выводу, что святой Прокопий Устюжский (как и другие святые Прокопии, взятые в отдельности) к названию города Прокопьевска не имеет никакого отношения.

Все вместе, «соборно» — да!

Первая Прокопьевская церковь, построенная на монастырской земле в Монастырской деревне, введённая в строй в 1762-1763 годах, однозначно называлась — Прокопьевская! А не Прокопие-Устюжская. К примеру, скажем, как Усятская — Ильинская церковь, имевшая полное название Усятская однопрестольная Пророко-Ильинская церковь.

Здесь сомнений нет, поскольку святой Илья-Пророк — единый святой, во имя которого названа эта церковь. А святых-то Прокопиев на момент ввода Прокопьевской церкви (в 1763 году), было уже как минимум четыре:

**Прокопий-великомученик,
Прокопий-Устюжский,
Прокопий-Устьянский,
Прокопий-Вятский.**

Поэтому однозначно, как по Ильинской церкви, сказать, что Прокопьевская церковь освящена во имя святого Прокопия-Устюжского, нельзя.

Оттого, по моему мнению, все манипуляции, измышления и выдумки по привязкам Прокопьевской церкви к имени какого-то конкретного святого Прокопия, мягко выражаясь, историческая неточность, а по-простому — обыкновенная ложь и попытка выдачи желаемого за действительное. И никак иначе!

К тому же разъяснений и исторически достоверных обоснований своих позиций по данному вопросу ни администрация города, ни представители РПЦ, ни их сторонники до сих пор ещё ни разу не сделали — ни в СМИ, ни в каких-то иных общедоступных разработках.

Начиная с 2009 года, я выпустил уже три объёмных газетных публикации в Литературно-художественной газете-альманахе (ЛХГА) «Усятская россыпь»: «Откуда ты росла, земля моя?» (№ 6, ноябрь 2009 года); «Чьё имя носишь, Прокопьевск?» (№ 7, май 2010 года); «Об исторической правде в истории» (№ 13, апрель 2016 года).

Кроме того, в 2013 году выпустил я небольшую книгу «Прокопьевск ... в летописях», в которой этому вопросу уделено внимание. Первая моя книга «Прокопьевск ... в летописях» получила неплохую освещённость в электронных СМИ (в Интернете), где имеется немало положительных отзывов о ней. В отзыве об этой книге Кемеровской областной научной библиотеки имени В.Д. Фёдорова сказано, что эта книга ценна, интересна и имеет перспективы к продолжению начатых в ней исследований.

Невнимание к моим публикациям и исследованиям со стороны оппонентов (скажу так) — это их проблемы. Я же, со своей стороны, всегда очень внимательно изучаю все новые материалы и публикации по вопросам, связанным с названием и образованием города Прокопьевска, независимо от того, кто является автором публикации.

Оттого хочется высказать своё мнение от прочитанной трёхколоночной газетной статьи «Прокопий — главный символ Прокопьевска», опубликованной на одной полосе вместе с информацией о гербе города Прокопьевска в названном выше номере городской газеты «Шахтёрская правда». Автором статьи является прокопчанка Александра Петровна Рахманова.

С ней мне довелось встретиться третьего июня 2011 года на городском краеведческом чтении, проходившем в Прокопьевском городском краеведческом музее, где обсуждалась готовящаяся к выходу книга Александры Петровны (в соавторстве с другими авторами).

Это слушание я осветил приблизительно в таком же объёме в статье «Об исторической правде в истории» в 13 выпуске ЛХГА «Усятская россыпь», увидевшем свет в апреле 2016 года. И тогда, на презентации, и в своей газетной статье, и теперь говорю, что всё то, о чём вещает Рахманова А.П., это общедоступная (интернетовская) информация о Прокопии Устюжском (с натяжкой).

«С натяжкой», потому что Рахманова А.П. в своей публикации выбирает из интернетовской статьи о Гланде Камбилле Дивоновиче (из Википедии) только то, что нужно в свете требуемого от неё заказчиком. А не нужное она оставляет «за кадром».

В частности, кратко в исходняке её статьи говорится, что Гланда Камбилла Дивонович (в крещении Иван Камбилла Дивонович) — мифическая фигура одной из ветвей царского рода Романовых, которая не подтверждается никем из известных русских и немецких историков.

В прошлые века практиковалось приписывать к роду ту или иную знаменитость.

Например, в 15 веке, при составлении своих родовых «Бархатных книг», многие московские бояре выискивали своё «высокое» происхождение в древностях Западной Европы.

Тогда же была придумана и легенда происхождения Андрея Кобылы, первого достоверно известного предка царей Романовых, якобы выехавшего «из немец», из прусской земли.

В 17 веке в родословной москов-

ских бояр Колычевых появилось развитие этой легенды, составленное герольдмейстером Степаном Андреевичем Колычевым.

По ней некий князь Гланда Комбилла, сын князя Дивона, потомок прусского короля Видевута, утомлённый в борьбе против Тевтонского Ордена, выехал в 1287 году вместе со своим сыном и множеством подданных к великому князю Александру Ярославичу Невскому. Где он окрестился и получил имя Иван, а его сын получил прозвище Кобыла, что объяснялось опиской писца.

В знак происхождения из прусского края в герб потомков Андрея Кобылы были привнесены элементы герба города Данцига.

На несостоятельность этой родословной легенды Колычевых — Романовых ещё в 18 веке указывал немецко-русский историк Август Шлёцер. Тем не менее, эта легенда происхождения Андрея Кобылы была внесена в «Русский гербовик», изданный в 1797 году.

Крупный исследователь московской боярской знати Веселовский С.Б. считал, что прозвище Андрея Кобылы реальное и правильное, и имеет оно русские корни, так как брат Андрея — Фёдор, звался Фёдор Шевляга (или Шевлюга), что означало «кляча». Это говорит о русском происхождении прозвища, возможно, исходящего из Новгорода.

Этой же версии придерживался и русский историк Зимин А.А.

Сомнительный и мифический персонаж Гланды Комбиллы получил дальнейшее развитие и продолжение и в русской-христианской мифологии — в объединении его образа с образом святого Прокопия-Устюжского как родоначальника династии русских царей Романовых. «Поднята на щит» эта идея и в Прокопьевске.

Шлёцер Август, работавший в России вместе с Миллером Г.Ф. и Ломоносовым М.В., особенно резко и негативно высказывался против искажения русской истории с «патриотической целью». Шлёцер говорил: **«Первый закон истории — не говорить ничего ложного. Лучше не знать, чем быть обманутым».** На мой взгляд, это выражение Шлёцера как две капли воды схоже с нашими прокопьевскими историческими делами, о чём я буду вести речь ниже. Пока же вернусь к началу разговора, то есть к обращению по поводу нового герба города Прокопьевска и первой реакции прокопчан на эту информацию.

Вот что я обнаружил в Интернете: **23.03.2020г. — Уголёк и праведник: На новый герб Прокопьевска поместили святого... (далее идёт названная выше информация из Пояснительной записки...);**

Комментариев 36, просмотров 2019:

Kotafey — 23.03.2020г.:

«Очень неплохой и оригинальный вариант, в отличие от молотков»;

Михайлов — 23.03.2020г.:

«Если действительно приняли этот герб со святым, то он войдёт в ряд ошибочных гербов Кузбасса, хотя и не самый худший, потому что всё-

таки человек на гербе — лучше, чем крест из кирок — символ смерти и ресурсной колонии.

В расцветке герба всё та же ошибка, что и на гербе Кузнецка Томской губернии, с идиотской красной собакой Полухина — параукраинский желтый двуколор.

Зелёное поле двуколора Кузнецка и Прокопьевска является цветом герба Томской губернии, т.е. администрациям Новокузнецка и Прокопьевска не хватило ума убрать герб Томской губернии с его зелёным полем, потому что Новокузнецк и Прокопьевск принадлежат Кемеровской области, а не Томской губернии.

Мало того, что зелёное поле на верхней половине герба, поэтому не может применяться на гербах Новокузнецка и Прокопьевска, но это зелёное поле не может быть на верхней половине герба Новокузнецка и Прокопьевска потому, что верхняя половина — это небо, потому что в нижней половине находится земля, на которой стоит Прокопий. То есть, здесь мы видим, что зелёное поле — трава, находится на месте неба. И наоборот, на месте травы, в нижней половине щита, находится жёлтое (солнечное поле). То есть фон за спиной святого должен быть или голубым, или лазоревым, или жёлтым — солнечным, на крайний случай.

Если жёлтый цвет находится на нижней половине герба, там не должна быть земля, тогда это песок пустыни. Прокопьевск находится в пустыне Аравии или Сахары? Нет!

Тогда почему святой стоит в «пустыне Аравии», хотя по писанию это был русский юродивый Прокопий из Устюга, значит он должен стоять на зелёной траве средней полосы России?! Прокопий изображён в древнегреческих одеждах без единой заплатки, хотя это был русский святой юродивый, подвиг которого заключается в нищете — он спал на куче мусора и подвергался травле (как современный «бомж» — А.Г.).

То есть, мы видим в Прокопьевске кощунственную Антихристову отмену подвига нищеты и юродства святого Прокопия — что на идоле святого Прокопия, при въезде в Прокопьевск, что на гербе Прокопьевска.

Жест статуи Прокопия в виде «Эй, привет, чувак!» никак не соответствует жесту святого юродивого. У него должен быть жест благословения людей. Чёрный камень на пути юродивого смотрится диссонансом рядом со святым, потому что в житии Прокопия нет такого эпизода, что он стоит рядом с глыбой угля.

Кроме того, по иконографии, Чёрный Камень — символ загробного мира и дьявола.

В иконографии литосфера изображена обожжённой, даже камни, скалы и горы стремятся линиями к небу и выглядят как ступени на небеса.

Здесь же мы видим дьявольский чёрный камень, который никак не обеспечивает свою «устремлённость к небу» и никак не изображает из себя «лестницу в небо».

То есть, этот чёрный камень поэтому и является символом Греха, символом Камня Преткновенения — сим-

волом проклятием для прокопчан.

Таким образом Чёрный Камень — Уголь стал символом того, что Прокопий не только «отказался» от подвига нищеты ради Христа, но и поддался на первое сатанинское искушение Христа в пустыне: «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами...» (Мф. 4:3).

И украшения по краям гербового щита также ошибочны: орденовая лента в традиционной Российской геральдике не может быть самостоятельным элементом: она является связующим элементом для украшений щита — дубовых ветвей, молотов, царских регалий и т.д.

И самая главная ошибка герба Прокопьевска с Прокопием: Устюжский юродивый никогда не был в Сибири, никогда не работал — ни дня, тем более шахтёром!..

Поэтому, это подлость, предательство и мракобесие бывших комсомольцев, пришедших к власти в буржуазный период Прокопьевска — изображать создателем Прокопьевска Устюжского юродивого, который никакого отношения к Сибири и к шахтёрскому делу не имел, а не настоящих святых прокопьевской земли — ШАХТЁРОВ, которые полили каждую тонну добытого из недр земли угля своим потом и оплатили своими жизнями эти тонны добытого ими угля. Поэтому на гербе Прокопьевска должен быть ШАХТЁР — настоящий создатель, строитель, благодетель Прокопьевска.

А вообще — кощунство, помещать святого на герб — значок Прокопьевска, потому что тогда герб, значок — автоматически становятся ИКОНОЙ с соответствующим отношением к ним. Поскольку тогда надо перед их образом осенять себя крестным знаменем и творить молитву святому.

Иначе образ святого теряет свою святость, что есть кощунство и хула на святость.

Так, постепенно, РПЦ, особенно в Прокопьевске, приравнивала Бога Христа к уличной скульптуре, мимо которой все ходят, не замечая её и не крестясь, что есть богохульство.

Такое же кощунство — превращение герба, значков с гербом Прокопьевска в иконы святого Прокопия, к которым люди не будут относиться как к иконам, что есть грех и инфляция святости.

Kotafey — 23.03.2020г.:

«А ничего, что изображение ИКОНЫ Георгия Победоносца у нас на Государственном гербе и на копейках?.. Переживёте такое кощунство в кошельке?.. Не надо до абсурда доходить...»

Михайлов — 23.03.2020г.:

«Георгий Победоносец — это всеобщий древний воинский символ Всадника, борющегося со змием, он действительно секуляризовался на гербе Москвы и на монетах.

В древности на монетах изображался Кесарь, который приравнивался к Богу.

То есть, монеты приравнивались к сакральной атрибутике. Не надо сравнивать их со значками-гербами.

Не надо до кощунства доводить — ставить статую Бога Христа на улице

Прокопьевска, приравнивая Бога к уличной скульптуре (статуе), мимо которой люди ходят, даже не поднимая глаз.

Не надо кощунствовать и устанавливать статую святого юродивого Прокопия в виде гражданского грека, с аккуратной причёской, подвиг которого был в нищете, который ходил в рубище и спал на куче мусора, отчего был гоним отовсюду...»

Андрей Полухин — 23.03.2020г.:

«...Мне думается, что дело даже не в святом Прокопии. Считаю, что он может быть на гербе Прокопьевска с его кочергами, которые должны приносить удачу. Это созвучно современному Прокопьевску.

Ведь согласно преданию святой Прокопий спас Великий Устюг и его жителей от уничтожения, заставив их раскаяться. Современный Прокопьевск на грани уничтожения, поэтому ему нужно спасение.

В этом плане тема святого Прокопия и его чудодейственных кочержек, в современном Прокопьевске, вероятно, актуальна!»

С приведёнными выдержками из кратковременного обсуждения, длившегося всего лишь на протяжении одного дня, нового герба города Прокопьевска я целиком и полностью согласен, поскольку мнения и выводы большинства респондентов такие же, какие я повторяю из публикации в публикацию на протяжении более десяти лет.

Тем не менее, мои выводы произрастают из иной основы: я во всём происходящем усматриваю ещё и искание (возможно, и умышленную ложь в угоду каким-то иным интересам) известной достоверной исторической информации ранней истории города Прокопьевска и образование его названия.

Поэтому, в который уже раз, начну изложение своих доводов с самого начала.

По моему мнению, основывающемуся только на фактах, гадание и поиски святого, имя которого носит мой родной город Прокопьевск, началось в 1992 году, с момента публикации в городской газете «Шахтёрская правда» статьи «Имя города святое», автором которой являлся прокопьевский краевед Михаил Шабалин: «...Церковь деревни Монастырской освящена именем великомученика за веру Христову Святого Прокопия.

Отсюда названия и села, и церковного прихода, и волости.

Конечно, горожан интересует, кто такой Святой Прокопий, которого местные жители чтят три с лишним века подряд. 21 июля — День святого великомученика Прокопия.

Святой великомученик Прокопий, до крещения Неаний, родом был из Иерусалима, жил и пострадал при императоре Диоклитиане...».

На протяжении нескольких лет (даже десятилетия) это первое предположение считалось в Прокопьевске и области правильным, поскольку такое же мнение высказывалось и в других источниках, в том числе и в церковных.

К примеру, в мае 2005 года в процес-

се поиска информации об Устьтской церкви я набрался «смелости» поехать в Кемерово, в главный собор Кемеровской и Новокузнецкой епархии — Знаменский, где мне в виде справки была предоставлена информация о всём нынешнем Прокопьевском церковном округе.

Так вот, в этой справке была и такая информация: «...Церковь каменная вмч. (великомученика) и целителя Пантелеимона. Пантелеимоновская церковь была основана в 1996 году на месте разрушенного в 1937 году деревянного храма св. вмч. (святого великомученика) Прокопия, построенного в 1871 — 1872 годах. Первый деревянный храм — Прокопьевский храм в селе Монастырском (ныне г. Прокопьевск), был построен ещё в 1673 году на землях Кузнецкого Христорождественского монастыря. Состав прихода на 1914 год: с. Монастырское; деревни: Лучищева (9), Зенкова (7), Смышляева (12); улус Керлегецкий (18). Храм был закрыт в 1930-е годы, а здание было передано кондитерской фабрике «Кузбасс», затем в 1970 годы списано и продано на слом. Окрестная территория стала использоваться под свалку».

Пятью годами позднее эта информация в прокопьевской городской газете «Шахтёрская правда» от 11 августа 2000 года освещена была уже по-другому.

В газете был помещён большой снимок фотокорреспондента Николая Бабарицкого с запечатлённым моментом открытия и освящения названной выше прокопьевской Пантелеимоновской церкви главным прокопьевским священником, благочинным Владимиром Колесниковым, размахивающим кадилом, с припиской:

«К 350-летию села Монастырского. Усамых истоков.

9 августа в престольный праздник Великомученика и Целителя Пантелеимона во вновь построенной церкви, носящей имя святого, на улице Прокопьевская состоялась Божественная литургия и Крестный ход с иконой, свечами и песнопениями. С этого священного места — бывшего села Монастырского, где стоял храм во имя Святого Прокопия Христа ради юродивого Устюжского Чудотворца, — 350 лет назад начинался наш город.

А поскольку церковь святого Прокопия уже была открыта в посёлке Красный Углекоп, то на этом месте с благословения владыки Софрония была основана церковь Великомученика Пантелеимона».

При этом сразу же нужно сказать, что в посёлке Красный Углекоп в первой половине 1990 годов, в здании бывшего клуба шахты «Красный углекоп», была открыта церковь во имя святого Великомученика Прокопия, а не церковь... Прокопия Устюжского.

Важное разночтение?

В данном случае — важное! А разъяснений, почему от святого Великомученика Прокопия перешли к святому Прокопию Устюжскому, до сих пор нет никаких (вероятно, святой Прокопий-Устюжский для кого-то из всё могущих прокопчан стал более уважаемым святым?!).

В информации же книги «Кемеровская и Новокузнецкая епархия РПЦ», изданной в 2003 году, на странице 204 (в пункте 4) сказано:

«...г. Прокопьевск, (центр города). Церковь деревянная вмч. и целителя Пантелеимона. Пантелеимоновская церковь была заложена в 1996 году на месте разрушенного в 1937 году деревянного храма св. вмч. Прокопия Устюжского Христа ради юродивого, построенного в 1871 — 1872 годах...». Но святой Прокопий-Устюжский великомучеником не является. Поэтому вновь просматривается чья-то «неведомая рука», неумело занимающаяся «шулерством» (подтасовкой фактов).

28 августа 2015 года в Прокопьевске в боковом сквере при въезде в аэропорт в торжественной обстановке был открыт памятник-мемориал со святым Прокопием-Устюжским, на мемориальных плитах которого, среди прочей информации, названы и «знаменательные даты и события», якобы из реальной истории города Прокопьевска:

- 1650 год — возникновение деревни Монастырская;

- 1753 год — издан Указ императрицы Елизаветы Петровны о возведении в Монастырской деревне деревянной церкви во имя Святого праведного Прокопия;

- 1763 год — построена деревянная церковь во имя Святого праведного Прокопия...»

В названной выше книге «Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской Православной Церкви», выпущенной епархией в «АНО «МАСС-МЕДИА-ЦЕНТР» в городе Новосибирске в 2003 году (на стр. 52) опубликован исторический документ — «Прошение и доношение», расставляющий все точки над «и» в нашем разговоре:

«Великому Господину преосвященнейшему Павлу Митрополиту Тобольскому и Сибирскому от Кузнецкого духовного правления. Покорнейшее доношение.

Сего 1762 года ноября 14 дня поданным в здешнее духовное правление Монастырского села Прокопьевской, Мунгатской слободы Николаевской церкви общинников Василия Фалина, Матвея Гаитковкина. С прихожан лучшими людьми доношениями объявили, что де как Прокопьевская, так и Николаевская церкви строением совершенно приведены и утварью довольствованы.

Того ради вашему преосвященству сим покорнейшим доношением представляется, не повелено ли будет вышеобъявленные Прокопьевскую и Николаевскую церкви по чиноположению церковному с присланными сюды освящёнными антиминсами освятить и наше доношение учинить милостивое определение.

Вашего преосвященства всенижайший раб и послушник города Кузнецка Соборной Преображенской церкви священник Яков Лепёхин».

Когда я «раскопал» это «Прошение и доношение», то начал внимательно вчитываться в него, с целью поиска в нём хоть одного слова или намёка на то, что эта церковь основана во имя Прокопия-Великомученика или Прокопия-Устюжского. Не обнару-

жив такового, пришёл к выводу, что ни первый, ни второй святой Прокопий прямого отношения к основанию нашей Прокопьевской церкви не имеют. Следовательно, не имеют они прямого отношения и к названию города Прокопьевска. Все вместе, возможно, и имеют, хотя есть ещё в православии и два Прокопиевых дня; говорят, что был когда-то и Прокопьевский ключ на территории нынешнего города Прокопьевска; возможно, что были когда-то и иные географические Прокопьевские ориентиры и так далее. Поэтому утверждение, что «...образ Прокопия Устюжского является гласным символом Прокопьевского городского округа, названного в честь святого...», и то, что «...Вблизи Монастырской деревни в 1753 году (по Указу императрицы Елизаветы Петровны, как сказано в надписи на плите памятника Прокопию-Устюжскому, установленному в городе Прокопьевске летом 2015 года — А.Г.), была заложена первая деревянная церковь во имя святого праведного Прокопия Устюжского Христа ради юродивого ус-тюжского чудотворца...», — как сказано в Пояснительной записке к проекту Решения Прокопьевского городского Совета народных депутатов «Об официальных символах (гербе и флаге) Прокопьевского городского округа Кемеровской области — Кузбасса», частично опубликованного в прокопьевской городской газете «Шахтёрская правда» № 18 (20862) за 30 апреля-6 мая 2020 года, не имеет под собой никаких достоверных исторических оснований, то есть исторически неверно.

Оттого я не впервые уже заявляю, что по результатам моих же (более чем двадцатилетних) исследований ранней истории родного города Прокопьевска и образования его названия такое утверждение городской администрации и городского Совета не имеют под собой никаких объективно-исторических оснований.

Поскольку исторически достоверными документами, уровня приведённого выше «**Прощения и доношения**» от 14.11.1762 года, подписанного священником города Кузнецка Соборной Преображенской церкви Яковом Лепёхиным, я не располагаю.

Думаю, что нет таких документов и у авторов «идеи нового герба города Прокопьевска», нет её и у авторов «раскрутки» всеобщей «Прокопо-Устюжской» прокопьевской «эпопеи».

В дополнение к сказанному, для более ясного и полного понимания читателем излагаемого материала, приведу ещё несколько противоречивых, своеобразных и вольных толкований некоторых прокопьевских исторических событий некоторыми же прокопьевскими «историками»:

1. На мемориальной плите, установленной рядом с поклонным крестом во дворе Пантелеимоновской церкви (на улице Прокопьевской), говорится: «С этого священного места 350 лет тому назад начинался город Прокопьевск...»

Считаю, что смысловое значение «исторической» надписи на названной плите далеко от истины (действительности).

Во-первых, потому, что говоря «о месте», с которого начинался город Прокопьевск, «месте», на котором ныне находится Пантелеимоновская церковь в городе Прокопьевске (на улице Прокопьевской), установители плиты и разработчики текста надписи (зная или не зная о том, что на этом месте размещалась вторая Прокопьевская церковь... с 1871-1872 годов), утверждают в своём тексте, что здесь же якобы стояла и первая Прокопьевская церковь, построенная в бывшей деревне Монастырской в 1761-1762 годах, местоположение которой на территории нынешнего города Прокопьевска до сих пор пока ещё неизвестно. Поэтому и утверждение о том, что на месте второй Прокопьевской церкви, построенной в 1872-1873 годах, находилась и первая Прокопьевская церковь, построенная в 1761-1762 годах), не имеет под собой никаких оснований.

Во-вторых, авторам «исторической» надписи следовало бы знать, что вначале (ориентировочно в конце второй половины 17 века) образовалась сама деревня Монастырская, а уж только потом, лет через 100 с небольшим, в 1762-1763 годах, в деревне Монастырской была построена первая церковь, Прокопьевская!

И лишь только после этого (ещё через 110 лет, в общей сложности более чем через 200 лет после основания деревни), была построена вторая Прокопьевская церковь.

Оттого утверждение, что с места земельного участка, на котором находилась вторая Прокопьевская церковь, где размещается ныне Пантелеимоновская церковь, начинался город Прокопьевск 350 лет тому назад, явно не соответствует действительности (родилось это «крылатое» утверждение в 2000 году).

В отношении этого выражения мнение моё однозначное: оно неверное!

Поэтому, однозначно же, говорю: надпись на памятной плите исторически недостоверна!

2. В Интернете, в «отделе» о Прокопьевской церкви, помещены фотографии, отражающие момент строительства Прокопьевской Пантелеимоновской церкви и после него.

И под всеми этими фотографиями красуются подписи, что на фотографиях изображены либо момент строительства Прокопьевской церкви во имя святого Прокопия-Устюжского, либо уже действующая Прокопьевская церковь во имя святого Прокопия-Устюжского.

Знают ли прокопчане и другие посетители этих страничек, что подписи не соответствуют действительности, поскольку на фотографиях изображена прокопьевская Пантелеимоновская церковь?

3. Восемь лет тому назад, 27 апреля 2012 года, получив в подарок книгу «Мой Прокопьевск» (выпущенную администрацией города Прокопьевска годом ранее, к официальному 80-летию юбилею города, проведённого в августе 2011 года), внимательно просмотрел её и в небольшом историческом разделе (или исторической справке) этой книги вновь обнаружил

всё те же, значительные, на мой взгляд, неточности.

В связи с чем я написал очередную статью с названием «Туманность старины Прокопьевска» и отправил письмо в адрес тогдашнего руководителя администрации города Гарины В.А. В письме говорилось (в сокращении):

«...Уважаемый Валерий Анатольевич!

27 апреля этого года я, как и другие прокопьевские литераторы, получил из Ваших рук в подарок книгу «Мой Прокопьевск». За что выражаю Вам свою признательность. Книга «Мой Прокопьевск», бесспорно, хорошая, тем не менее, в исторической справке ранней истории города, приведённой на странице 232, допущены серьёзные ошибки или умышленные искажения действительности, в угоду каких-то иных интересов.

В моей жизни как-то непроизвольно случилось так, что в силу возникшего личного интереса я как бы пытаюсь устранить этот пробел. Ну, если не устранить полностью, что мне, наверное, не по силам, то хотя бы немного пополнить его объективной информацией. Поэтому на протяжении более десяти крайних лет своей жизни занимаюсь изучением и исследованием этого вопроса, то есть, ранних историй города Прокопьевска и села Усыты: историй их зарождения и возникновения названий, конфликтных ситуаций и так далее. Собрал солидный материал, на основе которого делаю соответствующие выводы и умозаключения. Не единожды «высвечивал» их в различных своих публикациях в «Литературно-художественной газете-альманахе «Усвятская россыпь», которую, к сожалению, многие серьёзно до сих пор не воспринимают. Сами, мол, с усами, нашёлся «умник»...

И вот держу в руках книгу «Мой Прокопьевск» — жемчужина Кузбасса», посвящённую «80-летию Прокопьевска — третьего по величине промышленного города Кузбасса», выполненную в виде фотоальбома с небольшими текстовыми вставками, пояснениями, и в них, наряду со спорными, которые имеют право быть (на то они и спорные), есть не то что бы полуправда, а прямая ложь. Не берусь утверждать, что авторы и составители текстов книги занимаются умышленной фальсификацией смысловой информации исходного (чужого) текста или подтасовкой «фактов» в нём! Думаю, что авторы текста данной прокопьевской исторической справки глубоко не разобрались в том, о чём пишут. Не знают и не видели авторского текста, упоминаемого ими исторически достоверного документа. В доказательство своих слов приведу тексты (цитаты) из книги «Мой Прокопьевск», затем проведу его анализ, сравнивая с текстом используемого документа:

- «...Год возникновения деревни Монастырской — 1650-й. В 1701 году встречается письменное упоминание о ней в рукописной «Чертёжной книге Сибири» С.У. Ремезова, русского картографа, географа и историка Сибири.

...Из книги Д.Н. Беликова «Ста-

ринные монастыри Томского края», Томск, 1898 г.: «По ревизии 1744 года за Христорождественским монастырём числилось 75 ревизских душ крестьян, а в 1763 году монастырю было приписано 106 мужских и 105 женских душ. Все они проживали в 33 верстах от г. Кузнецка в одной деревне, известной под именем Монастырской, которая состояла в приходе с. Прокопьево...».

Что не так в работе Д.Н. Беликова «Старинные монастыри Томского края»? Во-первых, в авторском тексте Д.Н. Беликова, в информации за 1744 год сказано: «...было переписано 75 ревизских душ...», а не — «...числилось 75 ревизских душ крестьян...», как сказано в книге «Мой Прокопьевск».

Ну, допустим, что с этой неточностью можно мириться, поскольку смыслового искажения авторскому тексту оно не даёт.

Во-вторых, продолжение названного авторского текста таково: «а в 1763 году за тем же монастырём состояло мужских 106 и женских 105 душ».

Разночтения: у автора — «...состояло...», в книге — «...приписано...».

Допустим, что и с этой описочкой можно мириться, хотя эти два слова явно имеют разное смысловое значение. К тому же слово «приписано» не единожды встречается в публикациях (по данному вопросу) многих прокопьевских авторов и журналистов.

В-третьих, в самом конце авторского текста приведённой цитаты сказано: «Все они проживали... в одной деревне, известной под именем Монастырской, которая состояла в приходе с. Прокопиевского».

Разночтения: у Д.Н. Беликова приход известного всем нам населённого пункта назван приходом «...с. Прокопиевского»; в книге «Мой Прокопьевск» — «...с. Прокопьево...».

Если природа этой, третьей неточности, не из области незнания оригинального текста, а умышленное его искажение (якобы, взятое из работы Д.Н. Беликова), то это — криминал: перелицовка информации в своих интересах, поскольку такое, неверное название нашего села, встречается в работах некоторых наших прокопьевских авторов.

От этих двух разных названий (якобы, почти одинаковых по смыслу и написанию, по мнению авторов текстов книги «Мой Прокопьевск»), расходятся в разные стороны и далеко идущие выводы, скажем так, «гипотезы».

Если объединить вместе и как-то обозначить основные, существующие на сегодня версии ранней истории города Прокопьевска и образования его названия, то, по моему мнению, их можно свести в три основные группы версий:

- первая — версия Н.П. Шуранова и В.М. Шабалина;
- вторая — Зенковская версия;
- третья — моя версия (Усвятская, библиотечная).

Для краткости текста письма разъяснять разницу в позициях названных групп не буду, продолжу лишь свои размышления по тексту книги «Мой Прокопьевск». А именно, очередной цитаты, которая встречается во многих признаваемых адми-

нистрацией города источниках: «...Год возникновения деревни Монастырской — 1650-й. В 1701 году встречается письменное упоминание о ней в рукописной «Чертёжной книге Сибири» С.У. Ремезова».

Начну свой «анализ» с концовки цитаты. Первое: «В 1701 году встречается письменное упоминание о ней в рукописной «Чертёжной книге Сибири» С.У. Ремезова».

Если говорить кратко, то можно сказать так: в этом выражении нет ни слова правды, всё — ложь! И эта ложь перепечатывается из книги в книгу на протяжении более чем пятидесяти лет. Началом этой, более чем полувековой лжи, является краткая историческая справка, данная городу Прокопьевску в книге «Прокопьевск», выпущенной в 1964 году Кемеровским книжным издательством, в цикле «Города Кузбасса», автором которой является Н.П. Шуранов (ныне покойный доктор военно-исторических наук). Почему так жёстко я вынес столь серьёзный приговор небольшой исторической справке, взятой из книги «Прокопьевск» Н.П. Шуранова, напечатанной и в книге «Мой Прокопьевск»?

В «...рукописной «Чертёжной книге Сибири» С.У. Ремезова» нет деревни Монастырской, в названии которой подразумевается деревня Монастырская, преобразовавшаяся в 1673 году в село Прокопьевское (Монастырское), а 168 годами позднее и в город Прокопьевск.

Город Кузнецк — есть, Кузнецкий Христорождественский монастырь — есть. А деревни Монастырской, будущего села Прокопьевского (Монастырского) — нет!

Перехожу к следующей цитате, взятой из книги «Мой Прокопьевск»: «...Год возникновения деревни Монастырской — 1650-й». Эту цитату называть ложной я не буду, поскольку есть документ, на основании которого так утверждать можно.

Но это утверждение если не ложное, то неверное. И об этом я не первый говорю. Первым сообщил об этом Михаил Шабалин (однофамилец В.М. Шабалина) в своей статье «Имя города святое», опубликованной в городской газете «Шахтёрская правда» в 1992 году.

Но эта информация городской администрацией игнорируется, а ложь множится из года в год в различных видах носителей информации.

Гуляев А.Н.
21 июня 2012 года.

Приложения:

Копии текстов из книг: «Мой Прокопьевск» с фрагментом «карты... Ремезова С.У.» (Кузнецка, Кузнецкого монастыря и всех населённых пунктов вдоль реки Аба); «Прокопьевск», Шуранов Н.П. (1964 год); работы Беликова Д.Н. «Старинные монастыри Томского края» на трёх листах.

...Перед отправкой этого письма в адрес администрации города Прокопьевска я зачитал его на очередном заседании Прокопьевского литературного клуба «Вдохновение». Все присутствовавшие тогда на этом общественном мероприятии поддержали

моё начинание, при этом кое-кто из моих литературных коллег высказал своё мнение, что это письмо в администрации города читать никто не будет, и, вернее всего, никакой реакции на него не будет. Тем не менее, ответ на это своё письмо я получил — за подписью главы города. Правда, никакого ответа на задаваемые вопросы в моём письме и высеченные в нём проблемы в этом небольшом ответе не было. Отчего приведу содержание и этого ответа:

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

Мне от всей души приятно, что наша прокопьевская земля не оскудела на подлинных патриотов. Человек очень деятельный и скрупулёзный, Вы увлечённо занимаетесь проблемами краеведения, буквально по крупицам собираете наше историческое наследие. Это огромная, титаническая работа!

Благодаря новой информации в деталях можно узнать, с чего начинался наш город, «откуда есть, пошёл град Прокопьевск».

Я с большим интересом прочёл присланные Вами материалы, посвящённые истории нашего Прокопьевска, истоки которого берут своё начало ещё в 1648 году.

Издание 1898 года «Старинные монастыри Томского края» под авторством Дмитрия Никаноровича Беликова является одним из самых авторитетных, неоспоримых исторических исследований нашего региона.

Что касается книги «Прокопьевск», изданной в 1964 году доктором исторических наук Николаем Павловичем Шурановым, то, по мнению некоторых краеведов, здесь встречаются некоторые неточности.

Вы, Анатолий Николаевич, и сами знаете, что историческая наука ещё полна «белых пятен».

Как написано в книге Д.Н. Беликова: «Как шло хозяйство в монастыре (имеется в виду Христорождественский монастырь, возле которого появилось село Монастырское — колыбель нашего Прокопьевска) в первый и вообще более ранний период его существования, мы не имеем данных для суждения...»

Приятно, что в нашем Прокопьевске есть такие, как Вы, неравнодушные люди, которые в поисках истины не жалеют ни времени, ни сил.

Знаем, что Вы принимаете активное участие в наших городских краеведческих чтениях. С уважением о Вас отзываются и непосредственно работники Прокопьевского краеведческого музея. Уверен, что совместно с ними Вы откроете новые, пока ещё неизведанные страницы нашей Жемчужины Кузбасса! Дерзайте! Творите! Удачи Вам, благополучия и здоровья! С наступающим Днём города и Днём Шахтёра!

С уважением, Глава Прокопьевска
В.А. Гаранин.
№ 01-07-1275 от 07.08.2012 г.
г. Прокопьевск».

Постскриптум:

События, последовавшие после получения этого ответа за подписью

главы Прокопьевска, ярко свидетельствуют о том, что всё осталось на своих местах: администрация города говорит и делает свои дела и отходить от них не собирается, что подтверждается следующим.

28 августа 2015 года в Прокопьевске в торжественной обстановке был открыт памятник святому Прокопию Устюжскому, на мемориальных плитах которого наряду с прочей городской исторической информацией говорится, что возникновение деревни Монастырской на прокопьевской земле произошло в 1650 году.

В 1753 году издан Указ императрицы Елизаветы Петровны о возведении в Монастырской деревне церкви во имя Святого праведного Прокопия (Устюжского — А.Г.).

В 1763 году построена деревянная церковь во имя святого праведного Прокопия (Устюжского — А.Г.).

В марте 2020 года по предложению администрации города Прокопьевска Кемеровской области — Кузбасса, Прокопьевским городским Советом утверждён и принят новый герб города Прокопьевска Кемеровской области — Кузбасса, с изображённым на нём образом святого Прокопия Устюжского.

Отчего нет повода говорить о том, что в городе Прокопьевске Кемеровской области — Кузбассе наконец-то восторжествовала новая, исторически достоверная информация.

«Первый закон истории — не говорить ничего ложного. Лучше не знать, чем быть обманутым...», — говорил в восемнадцатом веке немецко-русский учёный, историк Август Шлёцер.

Но для Прокопьевска и прокопчан помыслы человека с мировым именем неприемлемы.

Время исторической ИСТИНЫ в истории города не настало.

...В прокопьевской городской газете «Шахтёрская правда» № 38 (20882), от 17 — 23 сентября 2020 года, увидела свет статья «Прокопьевская церковь — матушка» прокопчанки А.П. Рахмановой. В предисловии этой статьи сказано:

«...Подобно золотому мильному камню Древнего Рима, стоит в Прокопьевске храм святого Прокопия Устюжского — память о церкви-матушке, возведённой в 18 веке нашими предками в честь того, кто хранил их на пути исхода с родного Русского Севера».

Насчёт названия статьи и её сути у меня возражений нет, я с ними согласен. Чего нельзя сказать о преамбуле к публикации. То есть, о «храме святого Прокопия Устюжского», потому как этим храмом является прокопьевская Пантелеимоновская церковь. О чём в заключительной части своей статьи Рахманова А.П. сообщает читателю:

«... в 1997 году появился сруб будущего молитвенного дома во имя святого Пантелеимона Целителя... 11 августа 2013 года Прокопьевский храм был освящён».

В статье даётся диаметрально противоположная информация той, которая была названа. Так, 11 августа 2000 года в той же городской газете

«Шахтёрская правда» сообщалось: *«...9 августа, в престольный праздник Великомученика и Целителя Пантелеимона, во вновь построенной церкви, носящей имя святого, на улице Прокопьевская состоялась Божественная литургия и крестный ход с иконой, свечами и песнопениями... А поскольку церковь Святого Прокопия уже была открыта в посёлке Красный Углекоп, то на этом месте с благоволения владыки Софрония была основана церковь Великомученика Пантелеимона».*

Я не знаю, как отреагировали читатели на эту новую газетную публикацию. Возможно, что никак. Возможно, с восторгом, поскольку увидели на газетной полосе большую фотографию нового «Прокопьевского храма».

Во мне вновь возникло чувство раздражения, близкое к чувству, которое испытывает оскорблённый кем-то или чем-то человек. И не от того, что вновь увидел искажённую информацию, а от обиды за родной город, время от времени раздираемый внутренними противоречиями...

Как же так могло случиться, что на месте освящённой церкви святого Великомученика и Целителя Пантелеимона оказалась «Прокопьевская церковь — матушка», основанная во имя святого Прокопия Устюжского?! Помоему, невероятное, но очевидное событие в нашем городе.

Козьма Прутков, литературный персонаж времён Пушкина А.С., говорил: «Не верь написанному» и «Зри в корень!» Но, похоже, что «зрить в корень» по-прокопьевски — это «если нельзя, но очень хочется, то можно!» И какой может быть разговор обо всём, что пишет автор в статье «Прокопьевская церковь — матушка»?

К тому же, лжеисторикам надо помнить, что искажение исторической действительности... запрещается КОНСТИТУЦИЕЙ — основным Законом Государства Российского!

Мне очень хочется верить, что придёт время, когда об истории нашего города Прокопьевска (ранних и более поздних его годах) не только я, но и любой другой, сведущий в этом вопросе человек, без каких-либо сомнений и смущения сможет сказать, что история города Прокопьевска достаточно хорошо изучена, она интересна и объективна, не разнится с известными исторически достоверными и признанными документами (везде и всеми). И освещена не хуже, чем истории Новокузнецка, Томска и Красноярска...

При этом хочется же подчеркнуть ещё раз, что название города Прокопьевска — как «первая производная» (выражаясь математическим языком), произошло от названия первой его церкви — Прокопьевская!

Всё остальное, что говорят сегодня нынешние прокопьевские «новаторы» — от лукавого!

Анатолий Гуляев,
главный редактор
ЛХГА «Устьтская россыпь»,
член Союза журналистов России.
20 июля 2020 года
г. Прокопьевск (Устьты)

Владимир ДЕГТЯРЁВ

Какая малость мне нужна

Бессмертный полк

Моего деда вернули из прошлого,
Погибшего в сорок третьем году.
Сегодня видят прохожие
Его фото в Бессмертном полку.

Погиб он на поле боя
В переломный год войны,
Не у города-героя,
А у деревни Близнецы.

Спасибо авторам праздника,
Что не забыли погибших в бою.
Рядом фото друзей, одноклассников,
Сегодня они снова в едином строю.

Не дошёл дед до порога
Своей избушки в три окна,
Таких, как он, в России много...
Ведь шла война, была война.

Я не знаю названия вальса,
Но мелодию помню всю жизнь,
А периметр старого зальца —
Мой первый волшебный круиз.
Я видел дворцовые залы,
В них жар балов ещё не остыл,
Где Пушкин счастливо усталый
В вальсе с Натальей кружил.
Ожили б застывшие звуки,
И гости заполнили б зал,
А я бы в роли прислуги
Посмотрел на блистательный бал:
Фраки, кресты, эполеты,
Запахи тонких духов,
А у парадных шальные корнеты
В ожиданьи молоденьких вдов.
От Москвы до сибирских окраин
Вальс свою прелесть донёс,
И пусть танцевал прежде барин,
Ныне школьник до вальсов дорос.

Кома

Вернулась душа из странствий
Во времени и пространстве —
Девушкой.
Без неё я был пуст, как дупло,
В котором темно и сыро.
С какой ты вернулась
Планеты или Плеяд?
Долгим было звёздное странствие,
Но я рад.
Рад возвращенью
В оболочку рождения,
Плоть мою.
Был на краю я пропасти
И ждал из звёздной далёкости,
Из тусклых Плеяд
Твой ободряющий взгляд.
И вот мы вдвоём, как прежде,
Сбылись наши с тобой надежды,
И мы уже не калеки,
Как совесть века.
И вот я дома, не в больничной палате,
Все друзья и родные рады,
И коль я пишу строки эти,
Значит, жив на этом свете.

Такая малость мне нужна,
Всего-то!
Не с валютою мошна,
А работа.
И чтоб герой войны прошедшей,
Весь в сиянии орденов,
Не казался сумасшедшим,
Прося у власти новый кров.
И порядок маломальский
В искаленной стране,
И чтобы снова в праздник майский

Вино искрилось на столе.
Чтоб не падали в обморок дети
В школе у классных дверей,
И чтобы человечки эти
Не стыдились Отчизны своей.
...Какая малость мне нужна,
Какая малость!
Чтоб слово страшное «нужда»
Лишь в словарях осталось.

Я выбыл из жизни на несколько лет
И календарь прошлого листаю,
Хочу найти туда билет,
Но где купить его, не знаю.
Деньги заплачу любые,
Чтоб окунуться в прошлое опять,
Но уходят поезда пустые
Туда, где бывшее можно отыскать.

Больно, очень больно
Жить в тени у прошлых лет,
И я сказал себе: довольно
Искать того, чего в природе нет.
«Не живи уныло,
Не ищи, что было,
Не гадай, что будет,
Береги, что есть», —
Подсказал мне мудрый тесть.

Господа

Я не приемлю слово это,
Как раболепство слуг.
Роднее мне слова поэта —
«Товарищ, друг...»
Господа приходят и уходят,
Как любовь или недуг,
Но будет вечно жить в народе —
Товарищ, друг.
Возрождение России
Не в слове звонком «господа»
И не в генеалогической трясине,
Взбаламученной до дна.
А в делах новых, здоровых, смелых
Возрождение Руси,
А господ всех — правых, левых,
Россия-матушка, прости.
За раны новые на теле,
За всё порочное извне,
Что сделать нормою сумела
Их каста новая в стране.

Осторожно и с опаской
Смотрю я будущему в рот,
Потому что они в масках —
Обещатели щедрот.

Обещать умельцев много,
Подожду, что скажет жизнь,
Не пришлось бы вновь у стога
Полусгнившего пасть.

Только при любом раскладе,
Будь хоть новый Пиночет —
Все живём мы жизни ради,
Ради будущих побед.

Запятнать святое имя —
Бойтесь в наши времена,
Когда губительная тина
Марают многих имена.

Плыву в лодчонке старой
По Кондоме-реке,
Веслом гребу устало
По водной целине.
Вон за порекастом
Косари гурьбой —
Кто с песнею, кто с матом —

Валят травостой.
Кулики со свистом
Летят из-под косы,
Роняя сверху искры
Тускнеющей росы.
А я плыву неспешно
Из дома и домой,
Туман, как призрак снежный,
Трогая рукой.

Заночую под небом июльским
При свете лимонной Луны,
Словно в период Юрский
Выйду из чёрной дыры.
Было тогда всё иначе,
Моложе была и Луна,
А я был гранитом незрячим,
Не видел все эти луга.
И то, что появится позже —
Дача, машина, семья,
Себя, но на много моложе,
Чем в сегодняшний день бытия.

Исповедь бывшего сектанта

Главный офис наш не близко —
Он в далёком Сан-Франциско,
И наша секта Иегова
В народ несёт не божье слово:
Мы отработываем то,
Сколько нам заплачено.
И щедрый спонсор, не скупясь,
Подрывает церкви власть.
Доверчивых много на свете людей,
Ещё больше у секты разных сетей,
Уриэлторов и в банках делят улов,
И в этой системе был я не лох.
Секта наша Иегова —
Просто дойная корова,
И таких умельцев много,
Кто ценит деньги, а не Бога.
В своей бывшей иностаси
Я сидел всегда на кассе,
Машина, дача, золотишко —
Это просто мелочишка.
Уеду я из этих мест,
Иначе секта меня съест.
Пропишусь в другой «обители»
Где-нибудь под Питером.

Какая осень! Грязь и слякоть,
Дожди со снегом пополам.
Прошу, не надо, друг мой, плакать,
Весна вернётся снова к нам.
Вернётся с первым громом в мае,
С прилётом галок и грачей.
Сейчас же, осень провожая,
Не забывай, мой друг, о ней.
Тепло будет и цветенье
Ромашек, милых так тебе,
И полгода будет воскресеньем,
А понедельник только в ноябре.

Перифраз

На недельку, до второго,
Я уеду на Бельково,
На попутке иль маршрутке,
Где резвится, словно утки
Под смешки и прибаутки
Не один десяток лет
Таштагольский контингент.
К стыду, плавать не умею,
Забреду поближе к мели,
Чтоб меня спасти сумели,
Если вдруг меня толкнёт
Хулиган в водоворот.
От весны до ледостава
Отдыхающих немало,
А я тонул уже не раз,
Но дежурил, к счастью, водолаз.

На Бельково за неделю
От загара посинею.
На турецком берегу
Отдохнуть так не смогу.

Каждый миг, секунду, час
Любовь, как мама,
Смотрит пристально на нас
Со ступеней храма,
По которым мы шагали ввысь
Красивые, как боги.
Но мне шепнула тихо жизнь:
«В счастье вы не одиноки».
«Любовь слепа», — я слышу часто.
Но это разве грех?
Грех — подаренное счастье
Жалко поделить на всех.
Стыдно мне, что был счастливым,
Когда несчастных пруд пруди,
А я с тобой. С такой красивой
Всю жизнь мне по пути.
Поздно, слишком поздно
Увидел мир со стороны.
Коль прошиб озноб морозный
От стога раненой страны.
А может, рано, слишком рано
Я взглянул на жизнь стрезва —
Кроме подлости, обмана,
Всюду алчные глаза.
Когда фортуны выстрел грянет,
Как гром в начале февраля,
И душу мою ранит
Яркой пулей бытия.
И чтобы всё вокруг искрилось
Любовью, лаской, добротой,
И чтобы это всё вместилось
В душе, до этого пустой.
И тогда бы в новом цвете
Увидел краски бытия.
И лишь порой грустил о лете
На закате октября.
Но сразит ли выстрел стужу
И одиночество вдвоём,
Или всё пойдёт по кругу,
Как март, апрель за февралём

Я бегу, бегу по жизни

Я бегу, бегу по жизни,
Со лба стирая пот.
А в голове другие мысли:
«А маршрут я выбрал тот?»
Может, долго я учился
Богословию, труду.
И ничему не научился —
Дорогу выбрал я не ту».
Я в события многие не верю,
Верю лишь в распятие Христа
И с горечью жалею,
Что нет на мне нательного креста.
В крещенской ледяной купели
Ненароком его я обронил.
Мне очень жаль такой потери,
Ведь этот крестик с детства я носил.
Когда не будет ледостава,
Как водолаз, я дно всё осмотрю.
Замёрзший и усталый
Крестик (потерю) непременно отыщу.

Наталья Широбокова

Широбокова Наталья Алексеевна, член Союза писателей России.

Родилась в 12.04.1979 года в городе Стрый Львовской области (Украина), в семье военного лётчика (позднее, военного лётчика-испытателя). В 2000 году окончила Армавирский государственный педагогический институт по специальности учителя начальных классов, живёт и работает в Краснодаре.

Литературным творчеством начала заниматься в школьные годы – писала стихи, небольшие рассказы и зарисовки.

Взрослея, своё литературно-творческое увлечение не оставляла, наоборот – преумножала его. Пишет стихи и прозу для детей.

В 2010 году Наталья Широбокова выпустила первую свою прозаическую книгу «Агент бабы Яги». В 2015 году увидела свет вторая её книга для детей «Наследники сказочных тайн». В 2019 году вышел небольшой сборник её стихов для детей «Луки в сапогах».

Книги Натальи Широбоковой интересны и увлекательны по содержанию, красочно и хорошо проиллюстрированы художником Ириной Сухоруковой...

Наследники сказочных тайн

Агент бабы Яги

Глава 1. Рэм, Ёлка и другие

Привет, меня зовут Рэм, точнее Ваня Ремешков. А Рэмом меня называют друзья. Это из-за того, что у нас учатся пять Иванов и один Ваню. Вот и придумали нам всем прозвища, чтобы не путаться. А рассказать я вам хочу о том, что случилось со мной совсем недавно, на весенних каникулах.

Погода стояла – хуже не придумаешь. Всё время лил дождь, идти гулять никому не хотелось. В общем, прошло уже три дня каникул, а я так и не побывал ни на новой стройке, ни на пустыре. Я сидел в комнате и думал, чем бы себя занять, когда из института вернулась моя сестра. В отличие от моего её настроение оказалось замечательным, так что она сразу начала меня задевать. Те, у кого есть старшие сёстры, поймут, о чём я говорю. Нет, не то чтобы она была уж очень вредная, но иногда Алёна бывала просто невыносима.

– Что, опять дуешься? Смотри, лопнешь! – весело заявила она, заглянув в мою комнату.

– Отстань, Ёлка! Тебе что, заняться больше нечем? – тут же огрызнулся я.

Ёлкой Алёну все звали в нашей семье. Это из-за того, что в детстве Алёна была вредной-превредной и колючей, как ёлка. Так мама говорит. Я-то помню её уже перевоспитавшейся, но вот прозвище прилипло к моей сестре намертво.

– У-у, какой ты бяка-бука! – ничуть не обидевшись, ответила Алёна. – А я, между прочим, тебя сегодня с собой кое-куда взять хотела.

– Очень мне надо тащиться под дождём неизвестно куда. А там, наверняка, твои подружки соберутся. Как начнут своих парней обсуждать – тоска!

– А вот и не угадал, – хитро прищурившись, ответила она и добавила совершенно безразлично. – Но если ты испугался дождика, то и сиди тут, а я пойду в такое место, в котором мечтает побывать любой

мальчишка, да и девчонка тоже.

Я ещё дулся на неё и на весь белый свет, да и не очень-то верил, что Ёлка может пойти в какое-нибудь интересное для меня место. Но если она всё-таки решила сходить со мной в новый кинотеатр или кафе, то упускать такую возможность было нельзя. Я поспешил заверить сестру, что ни капельки не боюсь промокнуть и что готов идти с ней, куда она захочет. Но Ёлка всё-таки вредина! Теперь она и слышать не хотела о том, чтобы куда-то идти, да ещё со мной. Её пришлось долго уговаривать и проглотить пару едких замечаний, но, в конце концов, сестрица смилиостливилась, и я побежал одеваться.

На лестничной площадке мы столкнулись с нашим соседом. На руках он нёс огромного чёрно-белого кота с подбитым глазом.

– Здравствуй, – буркнула Ёлка недовольно.

– Гулять собрались? – ответил он, поспешно пытаясь прикрыть кота плащом. – Это хорошо! Вот только погода ужасная. Смотрите, не простудитесь!

– Не простудимся, Дмитрий Анатольевич! – весело ответил я.

Настроение у меня поднялось, и я не понял, почему это Ёлка так насупилась. По-моему, Дмитрий Анатольевич – мировой мужик! Вот только я не знал, что у него есть кот.

Мы сначала долго ехали, а затем ещё топали пешком по каким-то окраинным улочкам. Хорошо ещё, что дождь прекратился как раз тогда, когда мы высадились на конечной остановке.

Всю дорогу Ёлка загадочно молчала. Наконец, когда я уже порядком устал топтать за ней, Ёлка остановилась у высоченного зелёного забора. Самого обычного, деревянного. Так что все мои надежды сразу же рухнули. За таким забором уж точно ничего интересного быть не могло.

– Ну, и куда ты меня завела? – ехидно поинтересовался я у сестры. –

Если ты думаешь, что каждый мальчишка мечтает поглазеть на забор, то ты ещё глупее, чем девчонки в нашем классе!

– Тише ты! – шикнула она, и я с удивлением заметил, что сестра очень волнуется.

– Ага! – обрадовался я. – Трусись! Сама трусиха, а надо мной смеялась, когда я на лошадь садиться не хотел! Трусиха! Трус-трясогуз!

– Не трясогуз, а трясогузка, – ответила она, открывая калитку. – И, между прочим, трясогузка – это птичка такая, занесённая в Красную книгу.

Тут она шагнула за калитку, и я поспешил за ней. Двор был таким же, как и множество других – широкий, с цветниками и деревьями. А вот дом – наоборот, оказался совсем необычным. Он был сложен из грубо обработанных цельных древесных стволов. Крыша из соломы, а местами по стенам свисал сухой мох. И весь он очень напоминал нахохлившуюся птицу, сидящую в гнезде. Я таких зданий никогда не видел и даже почти простил сестре то, что она вытащила меня в такую погоду из квартиры. Удивительно было и то, что чем ближе мы подходили к домику, тем сильнее он напоминал курицу. Я сказал об этом сестре.

– Конечно, – фыркнула она, – ведь это избушка на курьих ножках.

– Опять сочиняешь, – ответил я. Дело в том, что моя сестра очень любит разные сказки и находит волшебное там, где его и близко нет. – Таких избушек не бывает!

– Тише ты! Вот услышит и обидится! – Да кто?

– Она, избушка.

Ёлка говорила на полном серьёзе. Именно в этот момент дом приподнялся со своего места, и стали хорошо видны коричневатые-жёлтые когтистые лапы, точно такие же, как у обычной курицы, только громадные. Избушка встряхнулась и уселась обратно на своё место. А я подумал о тех, кто находился внутри. Для них такая её разминка должна быть похожа на землетрясение.

– Ну, чего стоишь! – вдруг услышал

я и обнаружил, что стою с открытым ртом, всю рассматривая избушку. – Иди сюда! В конце концов, Рэм, это неприлично, так пристально рассматривать дом.

– Ну, Алёна, я же впервые в жизни вижу настоящую, живую избушку на курьих ножках!

– Можно подумать, что ты дохлую избушку видел, – фыркнула довольная моим удивлением сестрица и шагнула к деревянной двери.

Я ожидал, что дверь откроется со скрипом. Во всяком случае, во всех сказках, которые я читал, они открывались именно так. Но эта оказалась неправильной и распахнулась совершенно бесшумно.

Внутри было много различных запахов и почти ничего не было видно. Ёлка уверенно пошла вперёд и почти пропала в царящем здесь сумраке. Я ждал, что сейчас она раздобудет свечку, и я смогу осмотреться. Но в это время где-то в глубине коридора что-то щёлкнуло, и над моей головой загорелась электрическая лампочка под зелёным абажуром. Сначала я даже расстроился. Такая сказочная атмосфера, и вдруг обычная лампочка. Но внутри оказалось очень интересно. Во-первых, пахли пучки различных сушёных трав и корешков, развешанные по бревенчатым стенам и под потолком. Во-вторых, со всех сторон на меня смотрело множество глаз. Я даже испугался сначала, но, присмотревшись, понял, что это чучела. Здесь были и зайцы, и совы, и даже летучие мыши.

Пока я всё это разглядывал, моя сестрица куда-то сходила, принесла мне тапочки и велела переобуться. Тут я увидел, что стою грязными, мокрыми ботинками на чистой дмотканой дорожке.

– Это что, та самая? – спросил я Ёлку.

– Что та самая?

– Ну, которая стелется скатертью.

– Ещё чего! Так тебе прямо и положат на пол волшебную дорожку. Не выдумывай! – и, опять фыркнув, она

скрылась за занавеской, откуда доносилось какое-то шарканье и покашливание. Потом я услышал приглушённый голос Ёлки: — Здравствуйте, Ядвига Митрофановна. Я его привела.

За занавеской опять что-то зашкрипело, а потом раздались странные такие звуки, будто кто-то при ходьбе на костыль деревянный опирается. Я весь обомлел. Конечно, сказки про Бабу Ягу — это для малышей. Но и избушка на курьих ножках, вроде бы, тоже сказка. А она вот, оказывается, на самом деле есть. Так может и...

Из книги «Лужи в сапогах»
Стихи для детей

Храбрый мышонок

Говорила мама-мышка
Непослушному сынишке:
— Бойся кошек и собак,
Человек нам тоже враг,
Бойся змей и сов ночных,
Бойся сильных и больших.

— Пусть они боятся сами! —
Отвечал мышонок маме.
— У меня глаза-глазищи,
У меня усы-усищи!
Если топну я ногой,
Дрогнут все передо мной!
Я бояться не привык! —
Хвастал серый озорник.

— Я.., — и шёпотом потом,
— Мама, кто стучится в дом?
— С дерева упал листок.
Не пугайся, мой сынок...

А мышонок под подушку
Спрятал серенькие ушки,
И от страха весь дрожа,
Шепчет маме, чуть дыша:
— Я ничуть не испугался,
Это хвостик забоялся.

Глупые бегемоты

Трое глупых бегемотов
Пробирались сквозь болото.
Шаг за шагом, плюх за плюхом,
Зацепляя лужи брюхом.

День, пыхтя, шагали в ногу.
Протоптали бы дорогу!
Но была одна беда,
Шли неведомо куда.

Ох, устали бегемоты!
Им бы выйти из болота!
Только ходят всё по кругу,
Друг за другом, друг за другом.

Нос и хвост, и снова нос.
Кто бы, бедненьких, донёс?
Как же труден этот путь!
Помогите кто-нибудь!

Отдыхать упали в лужи,
Сочной травки съев на ужин.
Утром плотно закусили,
И опять идти решили.

Пуговица

Ой, какая! Вся цветная,
Яркая, переливная.
Словно искорка в руках,
Словно капелька в лучах!

Я её крутил, вертел,
Просто рассмотреть хотел.
А она вдруг оторвалась,
Только ниточка осталась.

Приложить назад, к рубашке?
Но не держится бедняжка.
Нить в иголку не продел,
И приклеил, как сумел.

Сделал точно, на «отлично».
Держится вполне прилично.
Красоты не потеряла,
Даже вроде ярче стала.

Мама очень удивилась,
Как узнала, что случилось.
Только что-то не пойму,
Рассердилась почему?

Луна

У меня теперь есть тайна.
Так случилось, что вчера
Я взглянул вверх, случайно,
Из открытого окна.

Где-то там, у водостока,
Одному лишь мне видна,
Примостилась одиноко
Белоснежная луна.

И сегодня вижу то же:
Зацепилась за карниз.
Может быть, слететь не может?
Путь закрыт и вверх, и вниз.

Ну, а может не случайно
Там подвешена луна.
И ночного неба тайны
Всем транслирует она.

Передумал я немало.
Подключиться как бы мне
К лунно-звёздному каналу,
Слушать тайны в тишине?

Лужи

Дождь прошёл, и вышло солнце.
Блещут лужи нам в оконце.
Мы на лужи поглядели,
Их проверить захотели.
Смело и отважно
Лужи мерил каждый!
Не спасали сапоги!
Были лужи глубоки.
Стало солнце припекать,
Стали лужи исчезать.
С дождиком мы дружим,
В дом забрали лужи.
В уголок поставили,
В сапогах оставили.

Александр Танков

Сказка для взрослых

В одном лесу жили-были три медведя, жили и дружили с зайцем. И был у зайца самый заклятый враг — лиса. Всё ждала момента, когда отвернутся косолапые, чтобы сцапать зайца. Но медведи были начеку, с детства научились рыжью на место ставить.

Вот как-то сидят медведи и заяц под берёзой. Заяц анекдоты рассказывает, один смешнее другого. Мастер он был смешить народ. То смастерит уморительную рожу, то передразнивает лесных жителей. Медведи хохотом хохочут, животы уж надорвали. А заяц никак не уймётся, новый анекдот рассказывает:

— Вот как-то приходит лиса к зайцу, — хитро скосил заяц глаза.

— Ой, не могу, — хохочет один медведь.

— Лиса к зайцу пришла, — грохочет другой.

— Зачем же она к нему пожаловала? — вытирает слёзы третий.

— Как это зачем? — серьёзно говорит заяц. — Выпить предложила...

И осёкся... Выходит из-за кустов лиса, да и говорит:

— А что, ребята, может, действительно выпьем? У меня бутылка припасена.

Заяц за спины медведей спрятался, те нахмурились.

— Вы меня не так поняли, — качает головой лиса и достаёт бутылку водки. — Я ведь от чистого сердца предлагаю...

— Проваливай, лисонька, пока шуба цела, — хмурятся медведи.

— Вы что, за зайца беспокоитесь? — смеётся лиса. — Так я давно вегетарианцем стала, на овощную диету села по методу Малышевой. Шуба шёлковой стала, беготни никакой.

Лиса вытащила из кармана морковку, откусила и стала её жевать.

— А ты, заяц, припомни-ка, когда я в последний раз тебя гоняла? — спрашивает лиса.

Заяц помолчал, покраснел, пожал плечами и говорит:

— Не помню.

— Вот то-то и оно, что не помнит, — обиженно протянула лиса, забирая бутылку. — Просто мне захотелось посидеть с умными зверями, потолковать за жизнь... Одна пить не могу, а у вас такая компания... Ладно, проехали...

Медведи потоптались, засопели.

— Похоже, обидели хорошего зверя, — сказал один медведь.

— Она к нам со всей душой... — поскоблил лапой макушку другой медведь.

— А мы-то... — буркнул третий.

А лиса пожалала плечами, сунула бутылку в карман и побрела в лес.

— Ты... это, лиса, погоди... — заговорили медведи.

— Да, уж, лиса, — высунулся из-за лохматых спин заяц, — неудачно вышло.

— Я не обижаюсь, — обернулась лиса.

— Оставайся с нами, — вдруг предложил заяц, и сам удивился своей смелости. — Посидим, я анекдотец классный расскажу. Обхохочешься.

Как водится, выпили звери мировую, закусили хорошо. Но бдительности медведи не теряют, доглядывают за лисой. Только лиса наперебой с зайцем анекдоты рассказывает, морковку грызёт, а под вечер они ещё и запели любимую лесную песню: «Шумела ель, дере-

вья гнулись, а ночка тёмная была»...

Отвели медведи пьяненьких лису и зайца по норам, и сами пошли домой.

— Да-а-а! — говорит один медведь.

— Зря мы про лису плохо думали, — говорит второй медведь.

— Весёлая и добрая, весь вечер с зайцем целовались, — вспоминает третий.

Так и повелось: в свободное время весёлая компания встречалась на бережку, весело проводила время за «рюмкой чая». Лиса снабжала компанию водочкой и провизией, недаром же она в коммерции где-то служила.

С зайцем — не разлей вода, вместе морковку грызут, вместе водку пьют.

Правда, в лесу ходили слухи, что лиса сильно пошаливает: ловит зайчат, белок гоняет, курам вообще проходу не даёт. Но медведи строго пресекали слухи и рыжью в обиду не давали. Заяц из-за лисы волку морду набил.

— Ишь, моду взяли, — пьяно орал косой, — беззащитного зверя грязью поливать. Бурундучишка, поди, заблудился где, а вы на лису сваливаете. Не позволю на подругу мою клеветать!

Зайца сильно пошатывало от выпитого, потому он опирался на плечо рыжей. Сзади маячили три подпитых медведя. Да-а-а! Медведи сильно изменились: мутные глаза смотрели на мир злобно, нечёсаная шерсть лохмами болталась на боках, под глазами мешки, когти обломаны. Зачастую косолапые выясняли отношения друг с другом, да так, что треск шёл по лесу.

Не лучше выглядел и заяц: уши как тряпки висят, лапы с перепоя трясутся, чуть что — в драку кидается. Лесные жители старались обходить пьяную компанию стороной. Только лисонька шёрстку шелковистую поглаживает, да на зверей умильненько поглядывает.

Как-то осенью сидят собутыльники под берёзой, водку пьют, бутербродами с ветчиной закусывают.

— Что-то давненько косой к нам не заглядывал, — проговорил один медведь.

— Не захворал ли, — поднял мутные глаза второй.

— Может, сходить к нему, — почесал затылок третий.

— Он теперь один, без нас пьёт, — отвечает лиса, — совсем от нас отбилась.

— Всё равно надо попроведать, — не унимается третий.

— Аха, попроведать! — ухмыляется лиса, — да он нас и на порог не пустит. Помните, как в прошлый раз он вам синяков наставил? Как выпьет, так звереет.

— Да-а-а! — потрогал подбитый глаз один медведь.

— Конечно, — протянул второй.

— Да пошёл он... — махнул третий.

— Вот и правильно, — взбодрилась лиса, — давайте выпьем за нас!

Чокнулись, выпили, закусывают пирогами с мясом. Лиса пригубила стаканчик, смахнула с себя прилипшую заячью шерсть:

— Люблю пироги с зайчиатиной! — проговорила она.

— С зайчиатиной? — спросил один медведь.

— Пироги — это хорошо, — сказал второй.

— Пироги, они вкуснее, потому как с зайчиатиной, мяснее, — заключил третий.

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохорево Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказов добра и поучительна. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва)

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг – «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

«Извольте оплатить счётик-с»

Главы из романа «Назови имя и путь свой»

Придорожные кафешки прикорнули в полуденном зное, разгоревшиеся южным солнцем. Асфальтовое полотно дороги размякло и источало марев, а потому казалось, что широкая автострада отбегает от строений и растворяется, исчезает в струях восходящего пекла. Тишина. Птица не пролетит, колесо не прошуршит.

Парадные и служебные двери кафешек открыты настежь, чтобы сквозняком освежало духоту помещений.

Современный голубой павильон из сборных металлоконструкций с гордым названием «Руса» вольготно растянулся вдоль автострады, напрочь закрыв собой и высокой вывеской соседей.

Его просторный зал ждал посетителей. Лёгкая пластиковая мебель сияла в свете мягких ламп, которые, несмотря на слепящее солнце, и не думали гаснуть. Высокие Cola-холодильники манили искристой прохладой заморских напитков местного разлива.

Молоденькая девчушка за полированной стойкой бара разгоревшись пригнулась к стеллажу. Её глаза закрылись сами собой. Оно и понятно: с пяти часов на ногах. Присесть – ни, боже мой! Хозяйка строго карает штрафами, а то и увольнением, без оплаты отработанного времени. Клиентов кот наплакал, да и кто поедет в такую жару! Люди на пляжах загорают, в море купаются.

Вот и закрываются непослушные глаза, убаюканные мерным шуршанием кондиционеров. Затихли звуки и на кухне. Кому готовить, если заказов нет.

Тишина и мысль, что сегодня хозяйка уже не придет, укачивали...

С чёрного входа в тишину голубого павильона тенью проскользнула черно-волосая женщина лет пятидесяти крепкого телосложения. Коротенькая юбка жёстко обтягивала могучий зад, буграми выпирающий из дорогой материи, которая трещала и морщилась под натиском колоннообразных ног, воздвигнутых на высокую шпильку дорогих босоножек. Молодёжный топик больше говорил, чем скрывал. Силиконовые бретельки, вдавленные в рыхлые плечи, едва удерживали яркую паутинку

топики на обширном бюсте. При движении паутинка поддавалась законам сжатия, и потому топик всё больше съёживался, открывая взору не только часть живота...

Женщина ключом тихо открыла дверь кабинета с надписью «Директор», бесшумно скользнула за неё... Вслед рванул сквозняк и шаловливо прихлопнул дверь.

Девушка за стойкой вздрогнула, испуганно открыла глаза. В зале было по-прежнему пусто. Она заглянула на кухню. Там девчонки-повара встревоженно осматривали подсобные помещения. Работницы прошли по коридору, подёргали ручки кабинетов. Закрыты.

Наверное, ветром стукнуло, решили они и вновь разошлись по рабочим местам. Чтобы не задремать, занялись приборкой, протиркой и без того блистающего чистотой оборудования.

Хозяйка кафе «Руса» Русанова Милендина Петровна, оставив машину за тридевять земель, на бензоколонке, пешком пришла в своё заведение, чтобы в очередной раз проверить, как исполняют её правила вновь набранные работники.

Она скинула босоножки, на цыпочках прошла из приёмной в собственный кабинет, осторожно села в кресло, отключила мобильник. Тихонько налила в массивный стакан добрую порцию коньяка и с наслаждением стала потягивать терпкий напиток. Ей необходимо было переждать, пока сотрудницы успокоятся. Скоро заканчивался месяц, как новые девчонки работают у неё. Они уже поговаривали о зарплате. Именно этого Милендине и не хотелось: отдавать свои деньги. Пришло время подловить и повыгонять их с треском, скандалом, чтобы ни в какие суды желания идти не возникло.

Просмотрела взятые со стола секретаря накладные. Обнаружила пустую строку. Потренировалась на листочке, чтобы подделать почерк кладовщицы, и вписала в накладную товар. Ухмыльнулась: теперь точно вылетят, как пробки. Да и новый персонал она уже набрала, неужто пропадать трудам!

Если бы не её таланты, вряд ли кафе приносило такие доходы. Хорошо сделала, что перебралась из Сибири в род-

ные места. Правда, домой вернуться побоялась. Денег, вырученных за Ивановы квартиру и машину, хватило на то, чтобы открыть своё дело. Вспомнила первую шашлычную, с гордостью подумала о том, как ловко ей удалось расширить торговлю. Кафе приносило прибыль в чистом виде. Ни одной сотруднице не удалось обойти Милендину и получить зарплату, ещё и должными оставались.

Вот и сегодня пришло время расставаться с этими работницами. Самое время. Налила новую порцию коньяка, от предчувствия близкой развязки выпила залпом. Захотелось курить. «Нельзя, — подумала Милендина, — девчонки тут же учуют запах табака, и тогда пиши пропало».

Откинулась в кресле. Как всё хорошо складывается. Очень вовремя разразилась эта перестройка. «Кто хочет, тот всегда возьмёт», — про себя пропела хозяйка «Русы».

«А что у них было брать? — сама себе возразила Тина. — Дешёвая квартира, устаревшая модель Жигулей да четверо детей в придачу. Ну и наследство! Ирина-то «прибралась», а мне их пришлось пристраивать в жизни. Сколько лет-то прошло с тех пор? Еле наскребла на свое дело со всех их богатств».

В последнее время всё чаще вспоминаются похороны Ирины. Весна к тому времени уже расквасила городские сугробы. Днём почерневший снег рыдал грязными слезами, а ночью покрывался коркой льда. Время от времени на землю обрушивались снегопады. Шквальный ветер нёс ледяную крупу.

Все хлопоты по похоронам легли на её плечи. Убегалась Тина тогда, как савраска, а «спасибо» не получила. Одно радовало, что на сороковой день после похорон Ирины в доме Русановых была уже новая хозяйка. Милендина не могла ждать, когда Иван сделает ей предложение. Да и сделает ли он это предложение — вопрос оставался открытым.

Всё прошло тихо и незаметно. Ничего ни дети, ни соседи не узнали, да, похоже, и Иван толком ничего не понял. Он просто присутствовал, расписывался в бумагах, даже не удосужившись прочитать их. Слышал ли он ра-

ботницу ЗАГСа, вопрошающую его о согласии «взять в жены вот эту женщину»? Его потухший взор блуждал где-то далеко, и Милендина ответила за него сама: «Конечно, согласен. Видите, какое горе у нас. Я же вам рассказывала».

Из ЗАГСа она вышла Русановой, попыталась взять под руку только что обречённого мужа, но тот дико отпрянул и тихо поплёлся по улице. Разразившаяся снежная круговерть обнимала скорбную фигуру, трепала полы незастегнутой куртки, заметала за ним следы. Милендина хотела рассердиться за невнимание, но передумала. «Да и пропади ты пропадом, — подумала она, — я теперь законная супруга. Так что никуда не денешься».

Хотелось бы как-то отметить такое замечательное событие, замуж-то Тина вышла впервые в своей жизни.

— Иван, пойдём в ресторан. Праздник всё-таки.

— Праздник?..

Глаза мужчины просветлели, он недоумённо рассматривал Милендину.

— Какой праздник?

— Ну, так вот, мы же с тобой... — вдруг растерялась Тина.

Лицо Ивана искажилось болью и ненавистью.

— Будь ты проклята, — прохрипел он и снова поплёлся по улице.

Преодолев оторопь, Тина пошла следом, решив, что всё образуется, ведь впереди их ждёт первая брачная ночь.

«Утром будешь, как пёсик, ласковый, а я тебе ещё припомню грубость», — мстительно подумала она и решила перенести свадьбу на более благоприятное время. «Сделаю праздничный ужин», — решила она и похвалила себя за то, как всё быстро провернула, как ловко навешала лапшу на уши этим сибирякам. «Вот дураки, верят всему, сочувствуют каждому», — мысленно смеялась новобрачная, вспоминая всё, что наплела в ЗАГСе.

Весь оставшийся день Тина крутилась на кухне, чтобы ужин удался на славу. Мурлыкала портовые песенки и чистила картошку, пританцовывая, крошила овощи — настроение было отменным. Оказывается, быть женой и хозяйкой — это так здорово. Всё подчинено ей, никто её выбросить из дома

не может, а вот она — запросто. Жаркое шкворчало на сковороде, разливая по квартире ароматы.

Заглянула в холодильник: оставшиеся с девяти дней водка, вино стояли на месте. Кто-то приносил коньяк, и вроде бы его на стол не выставляли? Да где же он? Поискала в стенной нише — тоже нет. «Неужели Иван выпил? Вот гад!» Тина ринулась в спальню. Иван безучастно лежал на кровати и смотрел на стену, туда, где раньше висел семейный портрет. Он был трезв.

— Вань, ну и что ты лежишь? Я по кухне мечусь, а ты как колода. Помогите мне на стол накрывать. Скоро ребята придут, мы поужинаем нашей семьей.

Тишина была ей в ответ. Иван даже не шелохнулся.

— Вань, — присела Милентина на край кровати, — а где коньяк, что с минок остался?

Она потянулась, жарко прильнула к мужу, глубоко и чувственно задышала...

Рывком вскочив с кровати, Иван вытолкнул её из спальни и, бросив: «Не входи», — хлопнул дверь.

Это было слишком, но Тина не хотела портить праздника, потому отправилась накрывать на стол. Скоро должны прийти дети, теперь это и её дети, можно будет повеселиться.

Раздвинула стол в гостиной, накрыла белой скатертью. В серванте обнаружился коньяк. Счастливая, она бегала с тарелками, рюмками, ложками. Всё должно быть по высшему, насколько это возможно, уровню. Послышался поворот ключа во входной двери — это пришла Маша с Сёмушкой.

— Детки мои, — запела Тина, выскакивая из гостиной, — раздевайтесь, мойте руки, скоро ужинать будем.

— Там Коля с Серёжей идут следом, — буркнула Маша, раздевая Сёмушку.

— Вот и хорошо. Зови отца.

В квартире стояла тишина, даже Сёмушка ходил как-то бочком, на цыпочках. Мальчишки ушли к себе и затаились. На столе остывало жаркое. Тина открыла дверь в детскую. Сёмушка сидел на коленях у Коли, положив голову ему на плечо. Маша стояла около окна, а Серёжа присел на край письменного стола. «Какие у меня красивые дети», — подумала Милентина.

— Ребята, пойдёмте кушать, у нас сегодня праздник, — счастливо выдохнула она.

— Праздник? — удивлённо протянула Маша.

— Да, мы с вашим папой поженились, и я теперь ваша мама.

— Мама? — у Маши захрипел голос. Тина многозначительно посмотрела на Колю:

— Я вас люблю...

Но договорить не успела. Сёмушка сорвался с коленей брата и вцепился в мамину руку. «Га-а-а-а-а!» — кричал и кусался ребёнок, — Это ты убила маму...»

Схватил с кровати игрушечный автомат, ударил с маху по лицу Тине. Из рассечённой губы потекла кровь. Подскочил Коля и грубо вытолкнул Милентину из комнаты.

Русановы не приняли новой хозяйки семьи. Ужинать пришлось одной.

«Да и пропадите вы пропадом, — распалилась Тина, прикладывая платочек к пораненной губе и подливая себе коньяк, — главное дело — сделано, а ужин

завтра на сорочины пойдёт. Старухи соберутся, всё съедят.

За окном стояла весенняя темень. Женщина потянулась, сидя на мягком стуле с гнутой спинкой. «Мать с отцом всегда мечтали о таких стульях. Все деньги на них копили. А вот купить не смогли», — усмехнулась Тина, вспомнив, как она обнаружила у матери записку под постельным бельем.

Весь класс на окончание школы отправился в путешествие на пароходе. А Тине родители денег на билет не дали. Мать прятала глаза. Отец нахмурил брови и сказал, что слишком она вольна и не заслужила такого подарка. «Если Сонечка Ивлева вернётся, — добавил он, — тогда и тебе на билет будет».

«Где я её возьму, — в злобе закричала Тина, — со дна, что ли, достану?»

Осеклась, поняв, что проговорила.

Отец стоял, не шелохнувшись, в его глазах плескалась боль. Осознание всей тяжести проступка дочери парализовало тело. Медленно смахнул со лба выступившие крупные градины пота. «Как ты могла? Она же человек, не кошка», — прошептал и стал оседать на пол.

«Скорая» увезла отца. Мать собралась проводить его до больницы. А Тина обследовала хату. Она знала, что мать собирала деньги не только на оббитые красным бархатом стулья. Осмотрела посудный шкаф, там под тарелками мать часто прятала деньги, но нашла только пятнадцать рублей. Вспомнила, что в шкафу тоже бывали закладки денег. Выбросила всё с полок и под постельным бельём обнаружила пятьсот рублей. «Мне говорили, что денег нет, — злилась Тина, — а тут уже на целый гарнитур...»

— Все они сволочи! — очнувшись от воспоминаний, шёпотом произнесла Милентина, вспоминая давнюю историю. — Никто меня ни разу не пожалел. Только рожки мне строили, и родители, и Русановы.

Отхлебнула из стакана. Терпкая жидкость не успокоила, а только сильнее распалила гнев. За тонкими перегородками слышались голоса поваров и официанток. Так что выходить было ещё рано. Машинально посмотрела в зеркало: одна сторона нижней губы слегка опустилась, протараненная шрамом.

— Надо будет сделать пластику, убрать рубец, — снова шёпотом заговорила она сама с собой. — Гадёныш оставил память. Сам себе судьбу выбрал. Глядишь, сейчас я тебя бы любила... Змеиное гнездо, — вдруг вспыхнула Тина от накативших воспоминаний.

...Семейная жизнь для Милентины начиналась в одиночестве. Иван, безучастный ко всему, либо сидел, либо лежал на кровати. Новую жену не замечал вообще.

— Ванечка, — счастливым голосом говорила Тина в предчувствии первой брачной ночи, — что же ты лежишь одетый? Ночь на улице. Дети спать легли. Да и нам пора. Дай, я тебя раздену.

Она потянула руки, чтобы расстегнуть рубашку. Иван дёрнулся.

— Вань, я же жена твоя.

Мужчина приподнялся на локте, внимательно посмотрел на ту, которую он сам привез в семью.

— Какая жена?

— Законная.

— Уйди, не доводи до греха.

— Никуда я не уйду. Ты мой законный муж, у нас с тобой теперь семья.

Новобрачная скинула с себя халат, бросила на стул и нырнула под одеяло.

— Не капризничай, иди ко мне.

Потянула Ивана за руку.

— Ирки, к счастью, больше нет, и она не будет стоять между нами...

Машинально потрогала затылок. Показалось, что прошлая боль тупо стучит и отдаётся в висках. В тот вечер она не поняла, как оказалась на полу. Встряхнула головой, открыла глаза: ярко сияла лампочка под потолком, одеяло и подушка валялись рядом. Саднило затылок. Хотела быстро встать, но снова рухнула. Очнувшись под утро. Медленно поднялась. Ивана в комнате не было.

Надела халат. Вышла в коридор. Тишина. В кухне никого. В гостиной тоже пусто. Маша спала в своей комнате вместе с Сёмушкой. В детской — Иван, Коля и Серёжа.

Иван почувствовал её присутствие, а может, и не спал вовсе, открыл глаза, ненавидяще глянул на неё. «Уйди, — тихо прошептал он, — видеть не могу».

Сорок дней отвели в каком-то бреду и недоговорённости. Уже вечером, когда последние люди ушли, Тина снова попыталась наладить отношения с обречённой семьей. Маша молча мыла посуду, ребята с отцом убирали в комнатах. Когда стемнело, все собрались в гостиной.

«Господи, сколько же времени потянуло, — дёрнула плечом Милентина, — сколько же сил на них потрачено! Лучшие годы ушли, чтобы с ними справиться». Раздражение пробежало по телу. Остро захотелось курить. Но в коридоре послышались шаги, и хозяйка затаилась, даже дышала пореже.

Вот так же тихо она стояла за дверью после поминок. Было слышно, как Маша составляет посуду в сервант. Ставит тихо, будто боится напугать тишину в квартире. Тиканье стенных часов заглушает все звуки.

— Папа, — приглушенно заговорил Коля, — почему она говорит, что вы поженились?

— Кто поженился?

— Ты и она.

— Сынок, не до шуток. И так тяжело...

— Значит, она врёт?

Затем голос Сёмушки:

— Я знал, что она врёт... Знал, знал... Её прогнать надо, пусть уходит от нас...

— Куда это вы меня из моего дома гнать собрались? — торжественно вошла Милентина в комнату.

По-хозяйски поправила бокалы в шкафу, села рядом с Иваном.

— Что выставились? Да, мы с вашим отцом вчера расписались, и теперь я ваша мать.

На взмахе поймала Иванову руку, с силой сжала запястье.

— Но, но, не распускай руки, а то быстро на тебя управу найду!

Вынула из кармана свидетельство о браке.

— Здесь указано, что я твоя законная жена.

Повернулась, чтобы насладиться растерянностью Ивана, и тут тихоня Сергей молниеносно выхватил свидетельство из рук. Хотела вскочить, чтобы вернуть документ, доставшийся с таким трудом, но Коля, грубо толкнув в грудь, не дал подняться.

— Похоже, подлинный, — сказал Сергей, рассматривая печать, — не знаем, как тебе это удалось, но не проблема. Папа, не переживай, завтра пойдём в ЗАГС и разведёмся. Заодно разберёмся, как она его получила. Мы в училище...

— Что вы в училище? — взбешённо вскочила Милентина.

Она не могла позволить, чтобы какой-то соплиивый курсантик разрушил только что обречённое счастье.

— Мы в училище, — спокойно продолжил Сергей, — серьёзно изучаем гражданское право.

— И что мне до твоего права? У меня — право законной жены.

— Вот и посмотрим, кто законный...

— Да знаешь ли ты, сопляк... — у Милентины перехватило в горле, она сипела и хрипела, как громкоговори-тель на вокзале. В голову не приходило ничего, кроме того, что вот сейчас этот сопляк погубит её семью.

Спазмы сковали руки, тело начало бить мелкая дрожь. Очень хотелось придушить мерзавца. Вытянув скрюченные руки, Милентина стала надвигаться на паренька.

На её пути возникло препятствие. Встряхнула головой, соображая: откуда взялись Маша и Коля? Тут перед ними возник ещё и Иван. Медленно, подавляя дикую злобу, женщина пришла в себя, села на диван и заплакала.

— Не любите меня? Из дома гоните? Всё правильно. Зачем вам беременная мать? А то, что у вас будет братик или сестрёнка, — не волнует. Ладно, будем с ним скитаться где-нибудь, только пусть вам будет хорошо...

Она заливалась слезами, свято веря в то, что говорила.

— Ты чего городишь? — обмяк Иван.

— Какие братики, сестрёнки? Откуда?

— Оттуда... Сам соблазнил, а я тебе и поверила, глупая. Вот теперь бросаешь меня на произвол судьбы.

Милентина улыбнулась своей давней выходке. Как всегда, она вышла победителем из битвы. Снова потрогала шрам на губе. «Гадёныш, — вспомнила она про Сёмушку, — поделом ему. Собственно, справиться с ним было плёвым делом. Как я его тогда... А? Все ведь считали, что пацан свихнулся после похорон. Знали бы они, как я ему порванную фотографию Ирки показывала. Гадёныш, он и есть гадёныш, бросался, как бешеный, на меня, а потом и на отца. А уж свидетели, это свидетели... Так что пристроить мальчика в интернат к психам было плёвым делом. Машка с Серёжей, праведники, сами уехали. Только с Коленькой всё оказалось сложнее. Дома почти не бывал, жил у каких-то родственников. Приходил навестить отца, брал книги и снова уходил. Ни разу не удалось мне остаться с ним наедине. Уж я бы его обломала... Семейка, мужиков было полно, а ни от одного толку», — пере-дёрнула плечами Милентина и отхлебнула коньяку.

За всё время не пришлось ей стать настоящей женой Ивану. С каждым днём он становился всё равнодушнее к жизни. Смирненно соглашался со всем, что она предлагала. Приходил с работы, ужинал и уходил в опустевшую детскую, ложился на Сёмушкину кровать, чтобы подняться с ней утром.

Однажды он остановился около Тины и потрогал её живот. Женщина потянулась к мужу: наконец-то перебежился — но наткнулась на холодный взгляд Ивана.

— Ну, и где ребёнок? — спросил он.

— Какой ребёнок, — не поняла Тина, — разве ты забыл, что Сёмушка в интернете...

— Наш ребёнок?

— Совсем свихнулся... — начала было Тина и осеклась, вспомнив про лжебеременность, — так вы же... меня довели. Выкидыш был.

Криво усмехнувшись, Иван ушёл в детскую. На следующий день он пришёл пьяным и устроил дебош. Можно было вызвать милицию, но Милентина побоялась: кто его знает, как всё может повернуться. Пьянки и дебоши затянулись на годы. Семейная жизнь стала каторгой. Утешение находила во встречах с соседом Венькой из второго подъезда. Он жил одиноко. Говорят, что когда-то был женат, только куда подевалась его супружница, никто толком не знал.

Этот мужичонка как-то однажды заступился за Милентину перед дворовой «прокуратурой», за что был приглашён в гости. Позже Милентина, не таясь, стала бегать к Веньке. Ей хотелось, чтобы Иван приревновал. Но тот только перестал пить и скандалить.

— Ваня, ну чем я тебе не угодила? — решила поговорить с ним Тина. — Я же тебе хорошей женой буду. Вон, Венька за мной увивается.

Иван тихо лежал на Сёмушкиной кровати. Она присела на край, взяла его за руку. Не отнял. Обрадованно прильнула к мужу.

— Я же люблю тебя, с первой минуточки полюбила...

Толчок был таким неожиданным, что Милентина не удержалась, слетела на пол. Над ней нависло искажённое гневом и болью лицо мужа.

— Не доводи до греха, — заскрипел он зубами, — ведь убью когда-нибудь. Лучше выходи замуж за Веньку, чего тебе от меня надо?

— Ничего мне от тебя не надо, — зарыдала Тина, сидя на полу, — просто я хотела быть с тобой, быть счастливой.

— Откуда ты взялась на мою шею?

— Сам привёз.

— Идиот. Добро делают с оглядкой.

— Дело прошлое, Вань, надо же и дальше жить.

— Я на развод подал. Детей у нас нет с тобой, разведут быстро.

У Милентины захватило дыхание. Что ей останется? Комната в коммуналке? Или впрямь придется уходить к Веньке, этому коротконогому плюгавому крестину? У того, конечно, не роскошь, но двухкомнатная отдельная квартира. А в квартире что? Старая рухлядь времён пятидесятых: кровать с железными спинками, шкаф из фанеры да табуретки. Им всем уж лет по сорок, как только не развалились?

— Ну, уж нет, — сказала она твёрдо, —

развода я тебе не дам. А вот в ЛТП сдам, как алкоголика. А бабки подтвердят, что ты каждый день пьяный ходишь да скандалишь.

Милентина быстро встала с пола и вышла, громко хлопнув дверью. Вроде бы Иван успокоился и разводом больше не грозил, к тому времени Николай окончил институт и собрался жениться. Как-то зашёл предупредить, что намерен подать на размен квартиры. Это было уже больше, чем серьёзно.

— Зачем разменивать, — смиренно проговорила она, — мы с отцом можем домик купить. Вы ремонтируйте, да живите. А там, может быть, Маша или Серёжа приедут. Это же и их квартира.

Закрутилось колесо — не остановишь. Помогая сыну, оживился Иван. Весь ушёл в ремонт. Скоблил, шпаклевал, стоял в очередях за обоями...

Укараулила-таки Милентина пасынка. Остались они одни. Сколько раз грезила женщина, как проведёт она пальцами по шелковистым волосам, по молодой упругой коже...

Николай, скинув рубашку, обрезал края у обоев. Работа кропотливая, потому парень и увлёкся. Не слышал он, как подошла сзади мачеха, как смотрела на него, как высоко вздымалась грудь её от похоти и страсти.

— Коленька, мальчик, — обвила она его шею руками, — зачем тебе дурёха неумелая? Я тебя такому научу...

— Вы с ума сошли? — стряхнул парень с себя женщину. — На себя в зеркало гляньте.

— Не капризничай, иди к мамочке, она тебя любить будет.

— Какая ты мне мамочка?

Николай оттолкнул от себя разгоряченную женщину.

— Брезгуешь? — взвилась Милентина и кинулась на пасынка.

...Вбежавший в квартиру Иван увидел, как по полу катаются двое, и было непонятно, кто от кого отбивается.

— Ваня, — заголосила Милентина, — твой сын хотел меня изнасиловать и убить. Осторожней, а то он и на тебя кинется.

Среди помятых полос бумаги на коленях стоял Николай, в его руках были зажаты ножницы.

В висках начала пульсировать боль. Милентина зажала голову руками. Воспоминания ломались сквозь забытые года. «Мерзавцы, хотели наплевать на меня. Выкусили? А семь лет «строного» — не хотите ли? Ванька, слюняй, сам показания давал. Ничего, через год этот щенок выйдет на свободу, будет шёлковым. Уж я сумею его приласкать».

Боль ширилась. Надо было её чем-нибудь заглушить. «Покурить, что ли?» — пара выкуренных сигарет иногда избавляла Тину от головной боли.

На цыпочках женщина прошмыгнула в приёмную, бросила исправленные накладные на кучу бумаг, сняла с вешалки халат, заткнула им щель под дверью. «Объедем соплюх на драной козе», — захохотала хозяйка про себя.

Из пачки, оставленной на столе секретаршей, достала сигарету. «Дешёвка», — брезгливо подумала она о секретарше, крутнула колесико зажигалки. Но огонёк не высверкивал. Внутри разгорался гнев. «Выгоню дуру, даже зажигалки доброй не имеет».

На тумбочке увидела спички. Чиркнула раз, другой. У спички, вспыхнув, отлетела головка, приземлилась в мусорницу. «Надо же, как точно, ну просто снайпер, даже здесь у меня всё получается», — нахваливала себя Милентина, наблюдая, как бежит пламя по другой спичке.

Прикурила, прошла в кабинет, плотно прикрыла дверь, щель внизу так же заткнула. Она не оглянулась, а потому не видела, как из мусорного ведра потянулась тоненькая струйка дыма.

Села в кресло и с жадной затянулась. Забытый вкус дешёвых сигарет напомнил юность.

Они с Сонечкой учились курить. Подружка только раз затянулась, закашлялась и больше не согласилась на эксперимент. Зато Тина начала курить сразу. Больше недели у неё кружилась голова, подташнивало, но она не сдавалась. Ей хотелось походить на отчаянных девчонок, которые гуляли с матросами, ходили с ними в рестораны. Больше всего Тине нравилось то, что у девчонок всегда было много денег.

Очередной стакан коньяка расслабил душу, боль стала уходить, и Милентина задремала. Тишина и монотонное гудение кондиционеров убаюкивали. Сон стал глубоким, а потому хозяйка не услышала, как в приёмной стало что-то потрескивать.

...Милентина видела сон. Иван Русанов, её муж, обнимает и целует другую женщину. Не важно, что Иван уже давно умер, но как он смеет! Она подскочила к целующимся, резко дёрнула соперницу и в ужасе отпрянула: Ирина Русанова, живая и невредимая, шла на неё. «Ты думала, что нас разлучила, — говорила покойница, — мы теперь будем вечно вместе. А вот тебя-то здесь многие ждут, не дождутся».

В воздухе возникла и открылась дверь, и из неё вышла мать с укоризной в глазах. В том же стареньком платьишке, в котором Тина её схоронила. За ней шла подружка Сонечка, дальше толпились люди... Много людей. Они расступились и пропустили сухонького благообразного старика в удивительно белом костюме. В его руке ослепительно блеснул поднос.

Тина хорошо его помнила.

В тот день она, тогда ещё десятиклассница, поспорила с одноклассниками, что бесплатно пообедает в ресторане гостиницы «Магнолия».

Всё шло просто отлично. После сытного обеда она заказала ещё бокал дорогого вина. Но как только официант отошёл за заказом, проказница оставила на столике пустую сумочку и сделала вид, что идёт в дамскую комнату. Оглянулась... в коридоре никого. Тина проскользнула по коридору так тихо, что сама не слышала своих шагов. Вот и входная дверь, до неё рукой подать, но тут на пути к выигрышу встал тот самый старый официант — сухонький благообразный старик в удивительно белом костюме с подносом в руках. На подносе — исписанная бумажка-счёт.

— Извольте оплатить счётик-с, — сказал официант и манерно поклонился.

За стеклянной дверью ресторана, сплюсшив носы, торчали одноклассни-

ки. Их глаза горели от любопытства, они ехидно пересмеивались, толкались и показывали пальцами на неё, на Тину. Заплатить — значило проиграть.

— Бог заплатит, — прошептала Тина, наклонившись близко к уху старика, и неожиданно с силой толкнула его.

Официант потерял равновесие и неловко упал, стукнувшись головой о косяк. Поднос вылетел из рук, громыхнул уже где-то сзади бегущей к выходу девчонки. Успела она лишь заметить, что листочек со счётом порхнул, кувыркнулся в воздухе и приземлился в невесть откуда взявшийся красный ручеёк.

Милентина выпрыгнула на улицу и бросилась бежать. Выигранное мороженое было необыкновенно вкусным.

...Праздник души и победы испортила Светка с первой парты. Она догнала одноклассниц уже на берегу моря. Мороженое есть не стала. Как-то отрешённо почертила ногой по песку и печально сказала, что за официантом приезжала «скорая помощь», но не взяла его, потому что старик умер.

— Старый дурак. — захохотала Тина, — Нечего за девушками гоняться.

Кривляясь, она передразнила старика: «Извольте оплатить счётик-с».

Сонечка Ивлева от её слов вздрогнула, выронила пломбир и быстро ушла.

...Вот и сейчас, отделившись от толпы, официант манерно поклонился, протянул Тине ослепительно сияющий поднос, на нём лежала бумажка с какими-то словами.

Милентина силилась их прочитать, но не могла. Буквы сливались воедино. Надо надеть очки... На бумажке написано что-то важное... Если это что-то прочесть, то всё образуется... Очки затерялись в сумочке... Официант вновь манерно поклонился и произнёс: «Извольте оплатить счётик-с».

Хотелось бежать... Некуда... Вокруг стояли люди. Их масса надвигалась... Пыталась закрыться... Перехватило дыхание... Сверху раздался громовой голос: «Назови имя и путь свой...» Хотела сказать, как её зовут, но не могла вспомнить имя, будто его и не было никогда. Врата стали закрываться, забирая тени прошлого. Стало страшно, и Милентина побежала к вратам.

... Хозяйка заведения проснулась. Голову разламывало от грохота.

— Приснится же такое.

Облегчения не наступило. Было трудно дышать. Нестерпимо болела голова. Милентина открыла глаза: кабинет был заполнен дымом.

— Что они там делают, — с возмущением подумала она, — молоко что-ли упустили? Ну, я им сейчас...

Струдом поднялась с кресла, добралась до двери, но открыть не смогла. Жаром спаяло пластиковые детали.

Из последних сил женщина кинулась к зарешеченному окну. Навстречу со звоном посыпались стекла, и хлынуло пламя, загрохотали громы небесные.

Уже теряя сознание, Милентина увидела, как огонь превращается в четырёх ребят, детей Ивана и Ирины, её, Тининых пасынков.

— Как вы здесь очутились? Я же вас пристроила. Коля, — позвала Милентина самого старшего, — тебе ещё год сидеть... Маша... Серёжа... Сёмушка...

Вячеслав ЕЛАТОВ

Уважаемая редакция альманаха «Усятская россыпь»!

Предлагаю вашему вниманию три статьи, которыми я в разное время и по разному поводу откликался на выпуски вашего альманаха. В случае положительного решения, вы можете выбрать любую из них, либо предложить читателю всю подборку. У меня одно условие: ничего в текстах не менять. Этому правилу – “что написано пером” – я и сам слеую: не перерабатываю – “не вырубаю топором” – готовых к публикации статей, даже в своё время не опубликованных.

Вячеслав Елатов.
г. Прокопьевск.

От автора

В бытность учителем я, разумеется, учился и сам. Учился у работающих рядом более опытных коллег, посещая их уроки. Следуя рекомендациям методистов из отделов народного образования, осваивал среди прочего и технику проблемной подачи учебного материала. С благодарностью вспоминаю, например, инспектора горно на своих уроках по Блоку в десятом классе, когда она заранее попросила меня уступить ей часть урока и показала, как это делается... Свои статьи сегодня я тоже пытаюсь оснастить какой-нибудь злободневной проблемой. Так выстроены и предлагаемые читателю отклики на отдельные выпуски альманаха «Усятская россыпь». Думаю, что именно благодаря предложенным в них задачам они могут представлять интерес для сегодняшнего читателя, хотя и были написаны в разное время и по разному поводу несколько лет назад.

Приобщение к гармонии

Выход 8-го номера альманаха «Усятская россыпь» совпал с творческой встречей поэтов юга Кузбасса, которая состоялась 25 декабря минувшего года в школе №1 города Прокопьевска. Незадолго до этого на книжной выставке в районной библиотеке посёлка Красная Горка, приуроченной к собранию краеведов, моё внимание привлекли изданные в нашем городе поэтические сборники «Люблю я город свой с рождения» и «Не отрекаются, любя», в которых авторы сгруппированы по принадлежности к одному из трёх городов области: прокопьевские поэты, новокузнецкие и междуреченские. Возникшие независимо один от другого, оба эти проекта отражают общее для них направление, а именно: обеспечить доступ к читателю тем любителям изящной словесности, уровень подготовки которых пока не позволяет им претендовать на публикацию в толстом литературном журнале.

«Усятская россыпь» Анатолия Гуляева уже удостоилась внимания со стороны прокопьевских литераторов, а у поэтических сборников, издаваемых по инициативе Людмилы Лукьяновой, такой разговор, очевидно, ещё впереди. Впрочем, всё или почти всё сказанное в адрес первого может быть уже сегодня отнесено и ко второй; подтверждение тому мы находим на редакторской странице газеты-альманаха: “В общем-то, в «Усятской россыпи» в основу деятельности тоже взят этот же принцип, поскольку другого способа существования и выживания для нас сегодня нет”.

Альманах худо-бедно выдержал свой первый испытательный срок: пять лет со дня его основания что-то да значат. Из того же слова редактора, а также из критического отзыва Владимира Маракулина мы узнаём о тех проблемах, с которыми сталкивается сегодня это уникальное издание. «Усятская россыпь» — с запалом, достойным сравнения с легендарным вызовом “Иду на вы!” — любезно предоставила такую же страницу своим

оппонентам. Замечу в связи с этим, что предлагаемая читателю полемика выходит далеко за пределы прокопьевского литературного сообщества. Сошлюсь на одного из ведущих наших критиков. Упомянув Пушкина с Некрасовым, Андрей Немзер обращается затем к поэта, далеко, по его мнению, не выдающимся: “Достаточно часто, однако, — пишет он, — место на почётном пьедестале отводится сочинителям иного пошиба — от Надсона до Асадова. Кто-то считает, что это хорошо, ибо даже дурная, плошадная, потакающая запросам невзыскательной аудитории “упорядоченная речь” так или иначе приобщает к высшей гармонии. Кто-то, напротив, полагает, что понижение планки споспешествует одичанию общества и соблазняет тех, кто мог бы — при ином раскладе — внимать музыке сфер. Чьей-то абсолютной правоты в этом споре я признать не могу (думаю, в разных исторических ситуациях дело обстоит по-разному) <...>”. («Московские новости», 2011, №120)

Не стану отвлекаться на тѣперешнюю историческую ситуацию, зато поделюсь с читателем воспоминанием об одной из встреч с редакцией журнала «Нева» на кафедре русской советской литературы филологического факультета Ленинградского университета. Кто-то из студентов в тех далѣких 60-х задал вопрос: “Почему вы печатаете заведомо слабые стихи?” От имени редакции на этот вопрос отвечал известный советский поэт Сергей Орлов: мы, сказал он, не хуже вас видим слабость отдельных из опубликованных произведений. Почему печатаем? Надеемся, что в следующий раз автор принесёт нам стихи, достойные его таланта. А если, мол, сегодня мы его не напечатает (поэты — народ ранимый), он может надолго замолчать, а то и вовсе бросит писать.

Сравним это с позицией, против

которой ополчились в лице Анатолия Ярмолюка и Михаила Анохина наши состоявшиеся литераторы (это в равной мере относится как к изданным в Прокопьевске сборникам, так и к гуляевскому альманаху): “<...> есть стихи сильные и хорошие, есть и слабые. Но ставить вопрос, зачем опубликованы последние, ни в коем разе не собираемся. Наоборот, говорим всем — молодцы, правильно сделали, что нашли в себе силы публиковаться таким образом”. («Усятская россыпь», 2011, №8. Стр. 48) Если снять полемический накал, то на поверку окажется, что позиции бывшей «Невы» и сегодняшней «Усятской россыпи» очень близки. А для прояснения своей собственной ещё раз обращусь к страничке редактора. Вот как выглядит заветная мечта Анатолия Гуляева: “А если бы прибавилось к нам хотя бы человек пять — шесть знающих или желающих освоить начатое дело, то вместе мы смогли бы и горы свернуть, и пере-квалифицироваться из самостоятельных в профессиональные. Хочется верить, что такие времена настанут и они не за горами...”.

Я полностью разделяю надежду редактора на приход в газету-альманах и специалистов-литературоведов и признанных мастеров художественного слова. Хотелось бы верить, что эти времена не за горами... А вот что касается переквалификации из любителей в профессионалы, то речь, как я это понимаю, не идёт о смене статуса общедоступного издания. Приход профессионалов, разумеется, повысит уровень «Усятской россыпи», но сводить всё дело к отбору произведений, по-моему, не стоит. У нас сегодня пруд пруди знатоков, которые заседают и пересаживают в жюри перманентных конкурсов, в то время как зримо обозначился дефицит профессиональных просветителей.

Может быть, когда-нибудь и сбудется мечта редактора о создании редколлегии и общественного при редакции

совета. Но на сегодня было бы вполне реальным делом, если бы профессионалы просто обратили внимание на этот проект. Оценку свою они уже обнародовали. Как авторам публикуемых произведений, так и самой редакции. Что ж, дело это, действительно, необходимое. А что дальше? Когда мастер-классы на страницах «Усятской россыпи» начнут давать не только авторы и рецензенты из нашего литературного прошлого, но и нынешние писатели и критики?

Редакция делает доброе дело, предлагая не столько, может быть, читателям, сколько своим авторам уроки известных литераторов. Сегодня, правда, вместо рубрик «Проза» и «Рецензии» на 2-ой и 4-ой страницах восьмого выпуска альманаха больше подошла бы «Литературная учёба». Такое название можно было бы сохранить и тогда, когда сюда придут переквалифицировавшиеся из оценщиков в просветители специалисты. А пока посмотрим, чему на примере Александра Волошина учит нас В. Цейтлин, когда пишет и о возросших у писателя требованиях к самому себе, и о совершенствовании мастерства, и о поисках и накоплении жизненного материала для новых произведений: “Наверное, всё это было и у Александра Волошина. И жадное внимание к новым темам, проблемам, вопросам жизни; и мучительная шлифовка своего писательского инструментария; и тревожное стремление подняться в своих новых книгах не только до уровня первой, но и выше. Только настоящий талант может пройти подобное жизненное и творческое испытание...”. И редакция, на мой взгляд, доступна в высшей степени профессионально, предпосылая россыпи поэтических и прозаических произведений такого рода литературные курсы: мы вас, мол, ясное дело, напечатает; но и вы, со своей стороны, прикиньте ещё раз, насколько приложенные вами усилия соответствуют вашему же таланту.

Итак, уровень подготовки авторов и в поэтических сборниках, и в альманахе в подавляющем большинстве не позволяет им пока претендовать на публикацию в толстом литературном журнале. Но грех было бы умолчать и о несомненных удачах. Если говорить о сборниках, то за такие стихи, как «Осыпьте золотом меня...» Татьяны Цыганковой, «Железные цветы» Александра Раевского и «Иногда мужчинам надо уходить...» Анастасии Русских, будь они опубликованы в каком-нибудь из «толстых», Сергею Орлову, я думаю, не пришлось бы давать объяснения.

Порадовала читателя необычной формой стиха, ориентированного на фольклор, Елена Евсюкова:

*Вы напрасно обо мне так подумали,
Не была я никогда кроткой паинькой,
Ни запретам не внимала, ни посулам я,
Хоть кажусь такой пушистой да маленькой
<...>*

(«От ворот поворот»)

А «Зимнюю стужу» и «Память сердца» Натальи Палаткиной я не поленился расписать по типам дольников, которыми она пользуется: по преобладанию первой (исходной) и третьей (со стяжением в конце стиха) форм получилось, что автор тяготеет к «есенинскому» дольнику. Не плохая школа! —

*Закружила зима, запорошила
Моё сердце средь стужи и льдов.
Ну, и что же в этом хорошего —
Усыплять в моём сердце любовь?
Деревя кружевными накроются,
Заискрится полей покров,
И душевная боль укроется
Серебристой шалью снегов.
Только память не любит стремени,
Колокольчиком вздрогнет вновь
И... исчезнет в пространстве времени,
В бесконечное царство снов.
Вьюга пламя задуть не сумеет,
Не остудит живую кровь!
Если сердце гореть умеет,
Не подвластна морозу любовь.*

(«Зимняя стужа»)

Отвлекусь с формы на содержание. В статье под названием «...И любовь уходит» Марианна Ионова с горечью констатирует почти полное выветривание любовной темы из сегодняшней поэзии, но при этом делает оговорку, что это не относится к поэтам из российской глубинки: «вдали как от поля зрения критика, так и просто от обеих столиц сотни людей слагают строфы без учёта минувших пятидесяти, а то и семидесяти лет...». («Арион», 2011, №3) И слава богу! Именно в провинциальной самодельной России сохраняется та здоровая нравственная почва, которая вселяет в нас надежду на возрождение.

А из последнего номера «Усытской россыпи» я не постеснялся бы порекомендовать — хоть для «Невы», хоть для «Огней Кузбасса» — такие стихотворения Сергея Ажиганича, как «Ночные гости» и «Путнику». И его же «Прочитать бы ненаписанную книгу...» сопровождал бы восторженным откликом на используемый здесь пеон, который, помнится, осваивал в своё время Александр Кушнер:

*Прочитать бы ненаписанную книгу.
Увидать невеставшую зарю.
Позабить ненаписанную обиду.
Отодвинуть не пришедшую беду.
Приласкать бы не родившего сына.
Руки обогреть у не горевшего костра.
Окунуться в аромат увядшего жасмина.
Посмотреть бы, где у дьявола душа.*

(Замечу в скобках, что Кушнер в связи со своим юбилеем озвучил сегодня мысль о том, что возраст отнюдь не ограничивает способность к лирическому творчеству: «Оказывается, можно писать стихи и в семьдесят лет, и дальше — во всю силу; можно и понять что-то, чего в юности и в более зрелом возрасте не понимал». («Литературная газета», 2011, 14 сентября) Для наших поэтов это уже та аксиома, которую не надо доказывать: на творческую встречу в Прокопьевск съехались поэты самых разных возрастов.)

Рядом с вершинными произведениями в альманахе немало добротных стихов, порой требующих минимальной доработки. Но в искусстве ведь всегда так: всё дело решает это самое «чуть-чуть». В этом случае помогли бы уроки у Пушкина, который с давних пор считается у нас эталоном вдохновенного творчества. Мастерству работы над словом в своё время училась у него Анна Ахматова, не расстававшаяся с целой пачкой фотографий пушкинских черновиков, которые свидетельствуют о тщательной доработке первоначального варианта. Она вообще отождествляла Пушкина не с Моцартом, а с Сальери и напоминала, что он даже Шекспира упрекал в «плохой отделке». («Новый мир», 2007, №6. Стр. 167) Вспоминается в этой связи стихотворение советского поэта Сергея Острового «Закон», которое, думаю, будет вполне уместным привести здесь полностью:

*Литературу делают волны,
А не залётных зябликов порханье.
Нет, зяблики для этого малы.
Тут мощь нужна. И длинное дыханье.*

*Тут надо так, чтоб в холод или в зной,
Не утрашась великой этой доли,
Взвалить себе на плечи шар земной
И не согнуться в поясе. Легко ли?*

*Тут надо, выбрав верные слова,
Не поддаваясь модам и потребам,
Вертеть своих пристрастий жернова,
Чтобы зерно однажды стало хлебом.*

*И, начиная с камешка, с золы,
Воздвигнуть мир. В деталях неповторных.
Литературу делают волны,
А не порханье зябликов проворных.*

Этим стихотворением «Литературка» отозвалась на 75-летие со дня рождения поэта в 1986-ом. Не утратил своего значения «закон» и в юбилейном для него 2011-ом. Но всё это, повторю, приходит к нам из прошлого: и Волошин с Цейтлиным, и Пушкин с Ахматовой, и Сергей Островой. Дело теперь за нашими умниками и умницами, экспертами и просветителями, от которых самодельные авторы ждут не столько правду-матку о невысоком уровне их поэтического мастерства (об этом, я думаю, они и сами догадываются), сколько помощи как в виде образцов современной поэзии на страницах их сборников и альманахов, так и критических разборов и доброжелательных советов по поводу конкретных удач и провалов.

6 января 2012 г.

С позиции крайнего

*Ребята! Это ж просто пустяки!
Вы не о том здесь спорите, ребята!*

Любовь Никонова. Поэма
«С точки зрения крайнего».

В качестве крайнего, своего рода истиной в последней инстанции, школьный учитель видится его подопечным. Таким же крайним смотрится он и с позиций учёного-филолога, литературного критика и школьного методиста, которые выстраиваются к нему в очередь с самыми благими намерениями. Нередко, правда, случается, что такими намерениями бывает вымощена и дорога в места, если верить побывавшему там герою «Божественной комедии», далеко не райские. И тогда учитель сам берётся за перо: «Вы не о том здесь спорите, ребята!» Чаше всего его союзниками в таких случаях оказываются писатели, на уроки к которым он и поспешает со своими питомцами. Первая моя литературно-публицистическая статья так и называлась: «На урок к Маяковскому» (1993, опубл. в городской газете «Шахтёрская правда»). Такой же была и прошлогодняя работа под названием «Уроки, которые мы выбираем» (не опубл.). Сегодняшнему выходу на мифотворчество в науке о литературе также предшествовали статьи о реформе школьного образования («Это мы не проходили», 1995, опубл. в областной газете «Земляки» в 2007-м), новейших исследованиях по истории и литературоведению («Нет, это не наука», 1996, не опубл.) и о периодизации отечественной литературы XX века («Двадцать лет спустя. К вопросу о периодизации», 2008, опубл. вступительная часть в 2010-м в журнале «Огни Кузбасса» под названием «Остаюсь учителем»).

Настоящую работу можно рассматривать и как отклик на очередной номер газеты-альманаха «Усытская россыпь» (2012, октябрь, №9). В старых железнодорожных справочниках вместо Прокопьевска значилась станция «Усыты»: старинное поселение под таким названием и сегодня отделяет от современного шахтёрского посёлка Красная Горка полотно железной дороги. Альманах издаётся в Прокопьевске тиражом в 1000 экземпляров и распространяется на территории Кемеровской области (главный редактор Гуляев А. Н. сам из Усят). Проза и поэзия перемежаются в нём с краеведческими материалами, экскурсами в литературное прошлое и отзывами о современных авторах. Предметом настоящей статьи стала его лирическая составляющая.

Деформация наших представлений о современной поэзии не является чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. Напротив, мифотворчество в области гуманитарных наук — что там ваши художественные бестселлеры! — стало делом настолько всепроникающим и привычным, до такой степени обыденным и заурядным, что впору снаряжать гонцов за тем сорванцом из сказки Андерсена о голом короле, который помог взрослым дядям и тётям за хитроумно состряпанными кривотолками разглядеть очевидное. Например, миф о пресловутом «сереб-

ряном веке», который сведён сегодня исключительно к модернистским ползновениям, хотя на переломе 19 — 20-го веков в полный голос заявляли о себе и старые мастера-реалисты, и новые пролетарские и крестьянские поэты, и зачинатели социалистического реализма. Такой же миф бытует сегодня о 80-х минувшего века, которые наши мифотворцы подарили от щедрот своих якобы утвердившемуся тогда постмодернизму. Так что миф о постсоветской поэзии создавался ими на уже готовую колдовку, ту псевдонаучную парадигму, суть которой заключается в произвольных отсечениях и исключениях всего того, что нарушило бы гармонию их умозрительных толкований.

Помнится, как подобным мифотворчеством в виде головоломки на правописание занимались «филологи» младшего школьного возраста, когда предлагали своим неискушённым одноклассникам выбрать один из двух вариантов якобы правильного написания: «*щИкатурка*» или «*щЕкатурка*»; наслаждаясь своей изобретательностью, сбивали с толку подопытных несмышлёнышей, «*тУбаретка*» или «*тЫбуретка*»?.. В принципе, нами сегодня пытаются манипулировать сходным образом: хорошо или плохо то, что современная поэзия идёт под знаком развлекательности? Хорошо или плохо, что из неё вымывается социальное содержание? Хорошо или плохо, что в ней сегодня превалируют авангардистская заумь и беспардонное непотребство?.. Словом, «*щИкатурка*» или «*щЕкатурка*»?

Да не о том вы спорите, ребята! Развлекательность не только не является определяющей для сегодняшней поэзии — она, «развлекуха», к поэзии вообще не имеет никакого отношения. И социальное содержание вовсе никуда не уходило. И заумь с непотребством по-прежнему занимают свои ниши, опять-таки никакого отношения к поэзии не имеющие. Наука о литературе, как и орфография, исходит из того, что в данном случае мы имеем дело с элементарной ложной дилеммой. Постановка подобных вопросов правомерна по отношению только к той маргинальной группе риска, которая инфицирована бациллами вырождения и упадка. Мифотворцы подменяют науку кривотолками, когда с помощью этой «дилеммы» предлагают нам судить о ВСЕЙ нашей сегодняшней поэзии, загоняя в прокрустово ложе декаданса ВСЮ современную поэзию. Вот тогда мы, несмышлёныши, и начинаем с пеной у рта доказывать друг другу, какой из двух подсунутых нам вариантов правильный: одни говорят, что постсоветский период — век чуть ли не бриллиантовый, другие считают, что мы проваливаемся в бездонную пропасть. Да не о том мы спорим, ребята! Высосанной из пальца «дилемме» противостоит сегодня ВСЯ наша российская словесность, рассыпанная, на манер усытского издания, по журнальным подборкам, авторским и коллективным сборникам и альманахам.

Оставляю в стороне вопрос о качестве

поэтических публикаций: свою позицию я вполне определённо обозначил в предшествующей статье под названием «Приобщение к гармонии» (2012, январь, не опубли.), посвящённой 8-му номеру «Усытской россыпи». Сейчас мне важно удержать внимание читателя на феномене литературоведческого мифотворчества и потому возвращаюсь к стихотворному ширпотребу. С точки зрения техники стихосложения это может быть исполнено как на “хорошо” и даже “отлично”, так и “удовлетворительно”. Говорят, что в Интернете даже есть готовые на разные случаи жизни заготовки. Но Богу — богово, а кесарю — кесарево: стихи к случаю никогда не отождествлялись с поэзией, как высочайшего класса малярные работы не выдавались за произведения изобразительного искусства. Замечательные с точки зрения техники исполнения стихи остаются всего лишь прелестной упаковкой. И когда в неё заворачивают “развлекуху”, не спасает даже самая изощрённая техника. Острее всего на это реагируют сами поэты:

*Поэту не нужны слащавые слова, —
Слюнявостью строки он сам себя низложит,
К тому ж о нём пойдёт никчёмная молва,
И безысходностью он мысли свои сгложет.*

При всей глубокой убеждённости в своей правоте, Николай Подсёвалов («Усытская россыпь», 2012, №9) отнюдь не воображает себя этаким семипядей во лбу гуру. Сила его чувства — в непреодолимом отвращении к любому толка кривотолкам и лицемерию: *Я не берусь учить, как надобно писать,
И лезть не возношу, и правду не унижу.
Но я готов всегда квазиписак кромсать,
Когда никчёмный смысл прочту или услышу.*

От фарисеев всем нам избавленья нет,
Тем более в стихах им места нет, ей-богу!
Который век подряд они приносят вред,
Спеша сломать хребет правдивейшему слову.
Сегодняшняя поэзия в лице Николая Подсёвалова исповедует те же моральные принципы и обращается к тому же читателю, о котором писал в своё время известный кузбасский поэт Евгений Буравлёв: *“Мы писали стихи не для тех, // кто живёт только ради утех”*. Нет, врачевать правдой, рассеивать дымовую завесу заблуждений — вот в чём видит он назначение поэта, вчерашнего и сегодняшнего:

*Читателю нужна не лживая строка,
Не фарс надменных строк от фарисеев,
Ему важнее то, когда строка строга,
Когда летит в народ, туман рассеяв.*

Таким же мифом, как приписываемая ВСЕЙ современной поэзии развлекательная ограниченность, оборачивается и вымышенное мифотворцами исчезновение из неё социальной составляющей. Она, действительно, исчезает, но происходит это только у тех “квазиписак”, которым широким фронтом противостоят как авторы из «Усытской россыпи», так в целом и вся традиционная отечественная поэзия. Это только для горстки “избранных”, которые собираются то в башне из слоновой кости, то на посиделках «Апокрифа» у Виктора Ерофеева, она, поэзия, становится предметом исключительно внутрицеховых экспериментов. В своём здоровом ядре и в массе своей наша поэзия отнюдь не поворачивается спиной к тому, чем живут сегодня соотечественники. В этом мы можем удостовериться, листая усытский альманах, это подтверждают и многочисленные

примеры из толстожурнальных публикаций. От этого не уходят, например, ни Любовь Никонова в поэме «С точки зрения крайнего», ни тот же Николай Подсёвалов в стихотворении «Мой корабль — мой дом», об “алчном веке” пишет Геннадий Алхонин, ещё один автор из «Усытской россыпи», которому вторит на тех же страницах альманаха Владимир Дегтярёв, когда неприкаянность своего лирического героя соотносит с “непогодой... во всём мире”. Такое слияние глубоко личного переживания со всем происходящим в окружающем его мире становится лейтмотивом, например, в стихотворении “Осень! Дождливая осень!...”:

*Осень! Дождливая осень!
Поубавилось красок в ней.
Лета уход больней переносим,
Что-то сломалось в природе вещей.
Не видно птиц, летящих к югу,
Земли сместилась, видно, ось.
Летают, бедные, по кругу —
Уставшие, промокшие насквозь.*

Лаконично выразил своё отношение к утвердившемуся миропорядку Дмитрий Быков: *“Я вижу — всё не так...”*. («Новый мир», 2012, №7). Этот мотив подхватывает автор из «Невы» (2012, №3) Киришин: *“Куда летишь без памяти, страна?”* Ещё большая безысходность пронизывает стихи наших земляков — кузбасских поэтов Бурмистрова (*“Чем дальше живу, // Тем страшней наяву”* — «Огни Кузбасса», 2010, №5) и Мурзина (*“И весь мир летит под откос”* — «Огни Кузбасса», 2010, №4). Впечатляющей силы образы возникают в стихах Донбая об околевающем от холода бомже (*“У него одна надёжка - // Косточки погреть в аду”* — «Огни Кузбасса», 2010, №6) и Кековой об иллюзорности наших свободолюбивых устремлений (*“Бьётся в сетях свободы маленький человек”* — «Новый мир», 2009, №6). За этими обобщёнными образами следуют выхваченные из жизни картины неустроенности “униженных и оскорблённых”, с одной стороны, и вопиющего преуспевания, с другой. У кого ещё, кроме самых отпетых мифотворцев, повернётся язык говорить об уходе из современной поэзии социального содержания после чтения таких, например, стихов Леонида Гержидовича («Огни Кузбасса», 2011, №2):

*У народа невострёбан поэт,
Там нужда, и нищета, и беспросвет.
В развалюхе у заброшенной трехи
Горько плачут беспризорные стихи.
Мысли путные плутают в стороне,
Недоступные, как горы на Луне.
А по виллам нувориши и тузы,
Пузо — во! И наглый взгляд, как у козы <...>*

В каких это потёмках надо ходить, на каких это посиделках переливать из пустого в порожнее и на каких это “актуальных” поделках нужно было зациклиться, чтобы в упор не видеть очевидного: социальное содержание в полной мере присутствует в постсоветской поэзии. Потому и постановка вопроса о том, как относиться к его уходу, — от лукавого.

“Социалка” ушла из творений запредельно продвинутых экспериментаторов, но говорить, что это плохо или хорошо, не приходится: иначе и быть не могло. Сегодня от них ушла “социалка”, а завтра — и сама Муза

распрошется с ними, как это произошло, например, с непутёвым героем в стихотворении Николая Зиновьева «Записка» («Огни Кузбасса», 2012, №4):

*Приплетётся на ранней заре
В одной туфле и полный конфуза
И записку прочтёт на столе:
“Между нами всё кончено. Муза”.*

К счастью, недотёпы никогда не делали погоду ни в центре, ни на местах, ни в Кузбассе, ни в соседнем Алтайском крае, где село Пильно из стихотворения Сергея Чепрова («Огни Кузбасса», 2010, №6) мало чем отличается от жанровой живописи Гержидовича:

*Прекрасен вид. Да непригляден быт.
Пусты дворы. Порушены заборы.
Ещё домишко накрепко забит
Хозяевами, что сбежали в город.
Их увела нужда, а не мечта,
Из этих мест, словно забытых Богом.
И что для человека красота?
Как в нигкуда ведущая дорога.*

Кого не убеждают приведённые выше примеры, пусть лишь даст себе труд полистать современные издания — не покажется малым то, что так тщательно замалчивают умельцы от квазинаучных композиций: *“Цена! — восклицает Бершин («Новый мир», 2010, №12), - // Чума ухватистого века”* ... *“Я думал, — воздевает руки к небесам Тимофеевский («Новый мир», 2012, №3), — ад начнётся после смерти”* ... *“Только деньги, — ужасается Любовь Никонова («Огни Кузбасса», 2008, №5), - проклятые деньги”* ... *“Знали ли мы, дети Ленинграда, // Сухари глодая на обед, // Что рука костлявая блокады // Нас достанет через столько лет?”* — обращается к поколению детей войны Александр Городецкий («Нева», 2012, №2) ... Малым не покажется.

Таким же надуманным мифом представляется и вопрос об отнесении к поэтическому “мейнстриму” авангардистской зауми и непотребства. Это ни хорошо, ни плохо. Это — никак, если разговор идёт о поэзии. Неприличные вирши раньше “публиковались” исключительно на стенах и дверях общественных туалетов. Теперь, говорят, с этими наскальными письменами стали знакомить широкую аудиторию. Ославили себя на всю матушку Россию пиетерские матерщинницы, теперь рифмованная похабщина докатилась и до российской глубинки... Не сегодня завтра наиболее поднаторевшие в деле наукообразного мифотворчества засядут за диссертации — вот где будет потеха! На такие “фэнтези” ни у какого Свифта с его юродствующими горе-учёными не хватило бы воображения!

Что касается зауми, то тут, в отличие от откровенного непотребства, можно не только порассуждать, но и привести примеры, бумага в этом случае терпит. И пусть читатель сам решит, стоит ли ему ломать голову над очередной “щЕ//Икатуркой”. Облегчая нам задачу, Дмитрий Бак не только познакомил нас с образцом так называемой “минималистской поэзии” («Октябрь», 2012, №5), но для пушей наглядности перевёл на её язык известный поэтический шедевр. Начнём с мастер-класса Ивана Ахметьева:

*не здесь
то есть
не сейчас
и не сразу
но обязательно*

Пока читатель проникается смыслом этого поэтического “чёрного квадрата”, я наберу выполненный Баком перевод стихотворения Пушкина “Я помню чудное мгновенье...”:

*явилась
и тут же во мне
снова*

По мне, так перевод — просто великолепный! Какая сила абстракции от живых человеческих реалий! Какой чистый, без единого живого волокна скелет!.. Но король-то, то бишь скелет — абсолютно голый... А Муза? По всей вероятности, она была бы здесь совершенно лишней...

Мифы, затрудняющие восприятие реально существующей сегодня поэзии, очевидно, так же недолговечны, как и уходящий в небытие миф о верлибре: никакая это не высшая форма поэтической выразительности и никакого у него преимущества перед силлабо-тоникой нет. В то время, как авангард — в какие бы “актуальные” новые наряды его сегодня ни рядили! — чаще всего оборачивается самым заурядным шукарьством, авторы наших традиционных альманахов продолжают совершенствовать своё поэтическое мастерство, используя возможности, которые предоставляют им и традиционная строфика, и ритмическая организованность стиха, и всё разнообразие рифм от предельно точной и ассонансной до приблизительной и диссонансной. В «Усытской россыпи», например, Владимир Шишкин не остановился даже перед употреблением разноударной рифмы, органично вписавшейся в парадигму смежных точных:

*Я в таёжной баньке печку затеплю,
Влагой родникового ёмкости залью.
Буду топку жаркую кедром угощать,
Ароматным паром баньку наполнять.
Раскалятся докрасна гальки-камушки,
Те, что как подарок взял я у реки <...>*

Обратило на себя внимание 9-стишие, которым написана «Легенда о Вараве» Геннадия Морозова и разработанный Кольцовым 5-сложник в стихотворении Николая Подсёвалова «Усталость», а также сдвоенные в зеркальном отражении сонеты Сергея Ерофеева (каждый второй из них начинается с терцетов).

Конечно, поэтический шедевр может быть создан и на самых заурядных частушечных 4-стишиях, традиционных размерах и банальнейших рифмах; но порой вспоминаешь о пословице про кашу, которую маслом не испортишь — как не испортил, а, напротив, обогатил свой стих дольником тот же Владимир Шишкин:

*Я шагаю на лыжах по лесу
Средь искрящейся бахромы.
Вьюга ночью здесь ставила пьесу
На подмостках седой зимы.
Полон сказочных декораций
Наш смышляевский бор.
Дятлов стук здесь вместо оваций
И синичек весёлый хор <...>*

Осветить номер

Прав редактор одного из сибирских литературных “толстяков”, утверждающий, что невозможно составить очередной выпуск периодического издания из одних шедевров. И тысячу раз он прав, заметив при этом, что несколько или даже один-единственный материал может осветить весь номер.

Я вспомнил об этом, знакомясь с юбилейным, четырнадцатым по счёту номером газеты-альманаха «Усытская россыпь».

В калейдоскопе предложенной читателю россыпи материалов наверняка есть и другие не менее привлекательные публикации; в этом случае решающими будут индивидуальные литературный вкус и читательские пристрастия. Для меня такой стала стихотворная подборка Светланы Ошурковой «Храните мир в своей душе».

Юбилей «Усытской россыпи» связан не с количеством изданных номеров, а с первой круглой датой этого неординарного проекта: в марте 2007-го года вышел в свет первый номер этого уникального издания. Мало кто тогда верил, что инициатива его редактора и издателя Анатолия Николаевича Гуляева не окажется в ряду однодневок, к которым нас исподволь приучили.

Для меня, например, достижением был уже пятилетний срок существования этого издания. В 2012-м году своё восхищение стойкостью редакции и последовательностью в решении поставленных задач я выразил сразу в двух статьях. Необычная инициатива по-прежнему вызывала вопросы, на которые я и попытался найти ответы в материалах альманаха. Они сводились, по моему тогдашнему и сегодняшнему восприятию, к следующему.

Была поставлена задача сделать альманах общедоступной площадкой для тех авторов, произведений которых по тем или иным причинам оказывались за бортом авторитетных изданий. (Сошлюсь в скобках на свой в этом отношении опыт: именно в «Усытской россыпи» была опубликована моя статья о Шолохове-“шестидесятнике” после двух неудавшихся попыток дойти до читателя в других изданиях).

В неотрывной связи с этой главной задачей решалась и другая, не менее важная: обратить внимание потенциальных авторов на выработку профессиональных навыков и умений.

Была и ещё одна благородная роль, с которой на протяжении всех десяти лет газета успешно справлялась: я имею в виду её объединяющую функцию не только для Прокопьевска, но и для всего юга литературного Кузбасса; альманах достойно противостоял злокачественной тенденции к так называемым “междусобойчикам”.

Разумеется, такой проект рождал-

ся и реализовывался не на пустом месте. Благоприятная литературная среда была подготовлена и до сих пор поддерживается такими, например, инициативами, как городское литературное объединение «Вдохновение», отметившего в этом году под бессменным руководством Любови Руденко своё 25-летие. (К слову сказать, в 2012-м году она сочла целесообразным мой экспресс-курс по основам стихосложения для желающих освежить свои теоретические познания в этой области; сама поэтесса, Любовь Геннадьевна не обошла вниманием тот факт, что теория в данном случае была проиллюстрирована примерами не только из классики, не только примерами из произведений известных современных российских поэтов и даже не только первого ряда кузбасских авторов, но и тех, с чьим творчеством мы знакомимся в издаваемых на местах коллективных и авторских сборниках, а также на страницах «Усытской россыпи».)

Те же задачи общедоступности и повышения качества решала и продолжает решать преподаватель русского языка и литературы Людмила Павловна Лукьянова, взвалившая на себя бремя подготовки к печати коллективных и авторских сборников. (Благодаря её заботам, например, в 2014-м году вышел и мой сборник литературно-публицистических статей.) В этот ряд прокопьевских литературных проектов вписалась десять лет тому назад и наша газета-альманах.

Юбилей альманаха был торжественно отмечен 19 мая в Прокопьевской городской библиотеке.

О работе редакции рассказала правая рука редактора Людмила Александровна Танкова, которую у меня не поворачивается язык назвать только “техническим редактором”: этот удачно сложившийся редакционный тандем определяет и поддерживает изначально заданное направление на общедоступность и качество публикаций.

Именно их стараниями и осветился приуроченный к юбилею номер «Усытской россыпи» подборкой стихов Светланы Ошурковой.

В подборке восемнадцать стихотворений. Тринадцать из них я в качестве благодарного читателя выпиываю для себя полностью. Чем покорили они моё читательское воображение? Наверное, диапазоном мировосприятия: живая реакция на окружающий мир сочетается с глубокой возникающих при этом духовных исканий...

Формат отзыва требует дальнейшего отбора, но как выбрать из просто прекрасных стихов — прекрасные “во всех отношениях”? Затрудняюсь... Но вот они, первые четыре подряд из уже отобранных:

Недоумение

Года изогнули, как иву,

*И жизнь замедляет свой ход.
Пустующий взгляд по иконе
Христа Иисуса снуёт.
Ворчит перед смертью старуха:
“Прошла жизнь в нужде и трудах.
О Боге ни слуху, ни духу...
И вот, нате вам, Божий страх!”*

За неприязнительной жанровой картинкой нас уносит в поднебесную высь, но при этом...

Слово автору:

Прозрачная броня

*Сокрыты все тайны земные
За толстым воздушным шатром.
Плывут облака расписные,
Пылают под солнцем костром.
И ветер резвится, кудесник,
Идут облака, как и шли,
Они высоко в поднебесьях,
Но жизнь их во власти земли.
Мерцают ночные светила,
“Медведица” тускло рябит.
Луна небеса осветила,
В них воздух морозный парит,
Мерцает в искрящейся пенке
Над нами прозрачной броней,
И звёздочек острые стрелки
Не властны над нашей судьбой.*

Тема следующего стихотворения нова в современной отечественной литературе. Но, кроме глубоко личного образа-переживания, встают извечные вопросы о том, “кто мы? откуда мы? куда мы идём?” Мы задумываемся об этом, вспоминая гоголевскую Русь-тройку из лирического отступления в «Мёртвых душах»... На те же раздумья о судьбе матушки России нас выводит наша современница из Новокузнецка:

Лихие девяностые

*Ответы, ищешь вновь ответы,
Как суету убрать с тропы.
И шлешь стране свои советы
Для воссоздания страны.
Для осмысления сначала,
На чём страна сейчас стоит,
О чём в церквях, как у причала
Встречаюсь, молюсь, скорбю.
Скорбит, что души разобидились
И стало горе выше благ.
Родня, друзья разъединились,
А у границ всё тот же враг.
Не видит смерть страна родная,
Не той дорожкой пошла.
От нищеты, непониманья
Народ, предчувствуя беду,
Впал в суету и бессознание.
Куда, страна, с тобой иду?*

В следующей поэтической миниатюре Светлана Ошуркова пытается отвлечь от пустопорожней суеты своих благодушных оппонентов. “Всё суета сует, я, воздыхая, мню...” — приходят на память стихи кого-то из поэтов XVIII века...

Почувствуйте разницу, откликается наша современница:

Разница

*Нам говорят: “А жизнь-то бесконечна”.
Да. Но какая? Вот ведь в чём вопрос.
Душа живёт. Она нетленна, вечна
И может вечность всю идти вразнос.*

Тот случай, когда, по присловью, ни убавить ничего, ни прибавить...

20 мая 2017 г.

...Он оставил нам

Третий выпуск журнала «Огни Кузбасса» (2020) с прискорбием известил читателя о кончине автора «Кузбасской саги». Коллеги особо отметили, как много значило для Сергея Павлова его главное литературное детище: до конца своих дней он продолжал работать над его завершением.

Мы не знаем, на какой стадии был остановлен этот самоотверженный труд. Мы не знаем, в каком виде будет оформлена заключительная публикация: подготовленный автором эпилог или готовая вчерне рукопись пятого романа, переписанные автором набело отдельные фрагменты или разрозненные черновые наброски... Первейшей становится задача сохранить и донести до читателя в целостности и неприкосновенности всё, что легло на бумагу из-под вешего авторского пера...

Многое тут, конечно, зависит от понёсших невосполнимую утрату близких писателя: для специалистов каждый клочок может содержать важную информацию о работе художника над словом. Подготовленные к печати даже в виде приложения страницы в дополнение к уже опубликованным в «Огнях Кузбасса» и выпущенным отдельными изданиями четырём романам позволят считать проект завершённым. Так, например, был воспринят современниками Пушкина и читается до сих пор его, по словам Белинского, стихотворный “роман без конца”. Так же уже востребован и роман нашего земляка, сумевшего-таки сказать своё слово в современной русской литературе.

Что касается литературы о «Кузбасской саге», то начало этому было положено уже с выходом первого романа задуманной пенталогии. Об этом напомнил читателю краткий обзор выказанных суждений в статье об идейной составляющей контекста для литературной новинки.¹ Теперь, с выпуском первого номера журнала «Вопросы литературы», мы получили возможность дополнить разговор об идейном содержании обращением к поэтической (от литературоведческого термина “поэтика”. — В.Е.) составляющей анализа на примере бунинского дневника. Из работы филолога-литературоведа Н.Резниченко следует, что «Окаянные дни» — это не свод исторических сведений, а чистой воды публицистика, по которой мы можем судить о настроении автора, но на которую мы не вправе ссылаться как на исторически достоверный источник.²

Кесарю — кесарево... Талантливый прозаик Павлов оставил нам не хронике исторических событий, а добротный образец станкового словесного искусства, многотомный роман о судьбах земляков-кузбассовцев с запомнившимися выразительными образами персонажей, действующих в развёрнутой во времени и пространстве ретроспективе вплоть до дня сегодняшнего.

27 августа 2020 г.

¹ Елатов В. Окончание следует. — Прокопьевск, газета-альманах «Усытская россыпь», 2020, № 17.

² Резниченко Н. Когда “история принадлежит поэту”... «Окаянные дни» Ивана Бунина: летопись или миф? — «Вопросы литературы», 2020, № 1.

Итоги конкурса одного стихотворения «Мир спасённый. Мир живой» к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

Конкурс одного стихотворения в 2020 году был посвящен празднованию важного события в истории нашей страны — 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Участникам конкурса мы предложили несколько тем, объединённых двумя основными блоками.

Первый блок — «Мир живой», то есть место, в котором нет войны. На эту тему можно было отправлять стихи о миротворчестве, силе добра, о союзнании и любви.

Второй блок — «Мир спасённый». На эту тему принимались работы о подвигах россиян во время Великой Отечественной войны, о том, какими силами ковалась победа.

Мы надеялись, что горожане примут активное участие в конкурсе, однако в наши планы ворвался неожиданный фактор — пандемия коронавируса. Это несколько затормозило проект.

Тем не менее, несмотря ни на что, мы подвели итоги конкурса онлайн на странице литературного объединения ЛиТERRA Вконтакте. Как оказалось, это огромный плюс, что мы живём во времена информационных технологий.

В августе мы подвели итоги офлайн, устроили торжественную встречу, раздали победителям долгожданные грамоты и книги.

Победителей определили в каждой предложенной номинации и возрастной категории. В номинации «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!» победителями стали Дмитрий Семёнов «Когда б вы знали, сыновья...» и Александр Ларин «Я Зимний не брал...». В номинации «Мы шли дорогами войны» — Нина Струц «Монолог танкиста», Валентина Василевич «Испытание», Петр Сеницын «О звёздах». В возрастной категории 14 — 18 лет в номинации «Мы шли дорогами войны» отмечено стихотворение «После боя» ученицы 9 класса МАОУ «СОШ № 99» Екатерины Старковой.

Елена Острых,
руководитель литературного
объединения ЛиТERRA.

Дмитрий Семёнов

Когда б вы знали, сыновья...

Года уходят, как вода,
За летом зимы просквозили,
Когда б вы знали, сыновья,
Как юность мы похоронили.

Земля и порох ввелись в плоть,
Огнем дыханье опалило.
Когда б вы знали, сыновья,
Какую цену мы платили.

Те дни суровые войны
Забыть хотели бы однажды.
Когда б вы знали, сыновья,
Что выжили мы лишь надеждой.

Ни самолетов жуткий вой,
Ни гром орудий беспощадных
Не прерывают вечный сон
Тех, кто погиб за нас — счастливых.

Когда б вы знали, сыновья...
Когда бы помнили бы внуки,
Когда б и правнукам далось
Понять все прожитые муки?

У вас теперь своя судьба,
У вас другие есть заботы.
И платой стала наша кровь,
Истерзанной свинцом пехоты.

Швыряло небо крылья вниз,
Флаг красный над Рейхстагом взвился,
Но все равно б мы шли опять
На смерть, чтоб май Победный сбился!

Александр Ларин

Я Зимний не брал

Я Зимний не брал,
Не стоял на пороге Рейхстага,
Под траки гранат не бросал,
Не нёс я победного стяга...

Все это — другие, другие:
Отец и с ним деды мои,
Все близкие и дорогие
Прошли сквозь пожар и бой.

Не шёл я утрами за плугом,
В окопах не ел сухари
И мёртвого верного друга
Не я той весной хоронил...

Все это — другие, другие:
Отец и с ним деды мои,
Все близкие и дорогие
Прошли сквозь пожар и бой.

Не я наводил переправы,
Не я воздвигал ДнепроГЭС,
Но все же горжусь я по праву,
Что строил в Литве ИАЭС*.

Что полупустыни казахские
Осваивал в холод и зной.
В ветра ураганные, адские
Работали мы за Читой...

А все остальное — другие:
Отец и с ним деды мои,
Все близкие и дорогие
Прошли сквозь пожар и бой.

* ИАЭС - Игналинская атомная электростанция

Нина Струц

Монолог танкиста

Есть модель: танк — «Т-34»,
Называли его лучшим в мире.
Бронекорпус да башня. Ход быстрый.
А чего ещё надо танкисту?

Он родимый наш —
«тридцать четвёртый»,
Ни врагов не боится, ни чёрта!
Лучший танк — от колес и до дула!
Помню, мы воевали под Тулой

И вплотную к фашистам приблизились:
Прут навстречу! Не меньше дивизии.
К нам безжалостно, тупо и прямо
Мчались танки Гудериана.

Вражья сила, казалось, без счёта,
Не сдержала их натиск пехота.
И фашист, озверев от успеха,
По костям прокатился со смехом.
Рано торжествовал победитель!
Дай же газу, механик-водитель!

Рычаги потянули — и ходу!
Так в атаку мы бросились сходу.
И задача ясна пулемётчику:
Дать по немцам смертельную очередь!

Угостим их снарядом летающим,
Броневой гоним, заряжающий!
Где немецких окопов черта?
Как стрелять? Не видать ни черта!

Впереди — только облако пыли.
Первый танк мы немецкий подбили,
А к закату, поверьте, братцы?
Вражских танков пылало пятнадцать!

Осмотрели свой танк после боя:
Башня сбита и много пробоин.
«Боковинка» пробита насквозь,
Люк заклинило Но обошлось!

Всё исполним: пусть маршал прикажет нам.
Мы сгораем! Да только б не заживо.
Танк имел недостатки, наверно,
Не такой уж он был совершенный.

Но броню лучшей крупновской стали
Мы под Курском насквозь прошивали.
До Берлина дойти мы сумели,
Дали залпы по логову зверя.

На «легенде, отлитой в металле»,
Мир спасли, жизнь в боях отстояли.
И прославлен наш танк легендарный,
Люди! Будьте ему благодарны!

Валентина Василевич

Испытание

Посвящается Дню снятия блокады
Ленинграда 27.01.1944 года,
а также маме и всем остальным
жителям блокадного Ленинграда

Мелькают кадры киноленты,
Жизнь ускользает в прошлый век —
Руины, раненые брезенты,
Холодный лёд, горячий снег...

Тогда нависшего угрозой
Враг дерзко рвался в Ленинград,
Вонзались пламенем занозы —
Казалось, не было преград.

Кольцом сжимался славный город,
Трепала Ладога по швам,
Но несмотря на смерть и голод,

Симфония звучала там.
Хоть стлыла кровь в озябшем теле,
Кипели души, как в огне,
Сердца решимостью твердели
В жестокой дьявольской войне.

Прошёл народ сквозь муки ада
Незабываемых времен,
Осталась в памяти блокада
Как черно-белый страшный сон.

Впиваюсь вновь в кинопрограмму
И всё смотрю я на людей,
Ищу глазами свою маму
Среди тех маленьких детей.

Петр Сеницын (Иван Абин)

О звёздах ВОВ

«Наши мёртвые нас не оставят...»
(Владимир Высоцкий)

Прорывы. Окружения. Заслоны...
И эшелоны, эшелоны, эшелоны...
Глазами лишь того не охватить,
А эшелонам всё идти, идти...

На всех героев не хватило «звёзд».
Их, только мёртвых, — 30 миллионов!
И мало всех военных эшелонов,
Чтоб переправить их на свой погост...
Они лежат на рубежах
Меж деревушек и окопков,
Там, где последняя межа —
Душ человеческих осколки...

Им не хватило и железных звёзд.
На всех им не хватало даже слёз
Обычных — бабьих...
Глаза войны (на мордах жабьих)
И «исторический вопрос»:
Кому же поднимать колхоз?!
Кому страну на рельсы ставить
Победно-мирного труда?!
Кому заводы, города
На тепелищах снова справить?!
Кому крепить итог Победы,
Выветривать из душ мороз —
Живой окопной правды беды?

Да, знали и отцы, и деды —
На всех героев не хватало звёзд.
Лишь в небе каждому из них звезда —
Награда — символ ратного труда.
И, возвышаясь над лихими временами,
Они, как звёзды, рядом с нами.
Нет, не забудет их страна,
Их русский дух
Он — здесь, он — в нас!
И, как знамен победных шёлк,
Он с нами, их Бессмертный полк.

Старкова Екатерина

После боя

Уж утро наступило.
Звёзды все ушли.
Солнце кровавым было,
И облака в крови.
Слышно, еле дышит
Под трупами земля,
Огнём деревья пышут
И выжжены поля.
Так жутко, так жестоко
Прошёл смертельный бой.
И слышен плач далёкий,
Изливаемый вдовой.
Ведь больше не вернется
Любимый сын и муж
И не улыбнется
На синь весенних луж.
Запомнится навеки
Кровавая заря.
Героя-человека
Запомним ты и я.

Нина СТРУЦ

Зелёный кедр на скалах монолитных

Древо жизни

**«Суха, мой друг, теория везде,
Но древо жизни пышно зеленеет»**
Гёте.

Не упускайте радости моменты:
Пусть жизнь сухие формулы развеет!
Бегите из лектория, студенты,
И знайте: древо жизни зеленеет.

Внимайте беззаботному напеву,
Не расставайтесь
с юностью беспечной,
Течёт вино, цветут молодые девы,
И древо жизни зеленеет вечно.

Благодарим Создателя! Он щедр.
Все тайны мира постигаем разом,
Мы знаем древо жизни. Это кедр.
Хоть он таит смертельную заразу.

Зелёный кедр на скалах монолитных,
Что он несёт? Клещей энцефалитных!

Дорожная песнь 90-х, но только ли 90-х?

Жизнь проносится, старость близится,
Были денежки — съело кризисом.

Жить хотели мы по-хорошему,
Да мошенники облапошили.

Души юные с червоточиной,
Чем же головы заморочены?

Не людские повадки — волчьи,
Для наживы мы зубы точим.

Пели песни — их растоптали,
Или тресни, или — «до стаи».

Не до совести — быть бы живу,
Так, на скорости, мчим к обрыву.

Пусть дорога нам будет скатертью,
Были силы, да все растратили.

Сами выбрали кнут да шоры:
Среди пропасти нет опоры.

Нас торговка-судьба обвесила,
И к гибели мчимся весело.

Словно зомби глядели в «ящик»,
Всю державу скоро растащат.

Да подачки ждём, как подарочка.
Да молчать мы привыкли в тряпочку.

Сила Алтая

Чернеет вертолёт на фоне скал.
Кто держит путь из Бийска на Чемал?
Охотники летят на Кош-Агач.
Архары, чья смерть, пустились вскачь.

Как воронья тревожен злобный крик!
И замерло ущелье Уландрык.

Понятна цель зловещего полета:
Охотники стреляют с вертолёта.
Не писан им закон, смешон обычай,
А что для них архары? Лишь добыча.

Но даже силу, деньги, власть имея,
Природы вы законов не сильнее.

Смеялись вы, к ущелью подлетая,
...Архары — это тоже часть Алтая.
Сильны порядком, властью возжаса,
Да выстрел с неба бьёт наверняка.

Хоть горные, а всё-таки бараны.
Укрыться негде, и смертельны раны
Заблеяли, дрожа, и сбились в кучу
И нет спасенья им на горных кручах.

В горах решает всё одно мгновенье:
На миг пилот утратил управленье.
И вертолёт в снегу, от крови алом,
Внезапно бесполезным стал металлом.

Тут улыбнулся злобный дух Алтая:
Со скал уже сбегала волчья стая.
И не спасут вас пороха запасы:
Чего тут ждать, раз волки чуют мясо.

В горах искали острых впечатлений?
Но от испуга согнуты колени,
И ни к чему тугие кошельки,
Когда у горла острые клыки.

Охотники дрожат, дышать не смея.
Ну, как вам в роли волчьего «трофея»?
Хоть прожили вы жизнь миллионерами,
В историю войдёте браконьерами.

И на телах остывших снег не тает.
Диеты волк, увы, не соблюдает.

Ну, кто тут прав? Попробуй, разузнай.
А кто Алтаем правит? Сам Алтай.

Коронавирус

Тревожно рой людской гудит,
бал пандемия правит,
А к Овид или там ковИд,
кто знает, пусть исправит.

Не найдена вакцина,
мир в самоизоляции.
Бессильна медицина,
молчит цивилизация.

Народ у «ящиков» сидит.
Забывать ли сказку старую?
Но кто додумался ковид
назвать Господней карою?

Лихие вести каждый час,
полёт шальной фантазии.
Известно, что не в первый раз
болезнь пришла из Азии.

Начнется в Азии беда —
Европе нет здоровья,

Опустошала города чума
в Средневековье.

Не так коварен и силен
коронавирус вроде бы.
Неизлечим? Но всё же он лишь
на чуму пародия.

Философы заметили:
слова припомним Маркса —
Что началось с трагедии,
то повторится фарсом.

Особенности библиотечного обслуживания в период пандемии

Действующие лица:

Библиотекарь 1

Библиотекарь 2

Читатели:

Кошей Бессмертный

Баба Яга

БИБЛИОТЕКАРЬ 1:

— Всё, карантин закончен.

Мы открылись (в сторону)

Все набегали разом, как взбесились.

Ох, слаб иммунитет, здоровье шатко.

Пройдите те,

кто в масках и в перчатках.

Входят Баба Яга

и Кошей Бессмертный

БИБЛИОТЕКАРЬ 2:

— Повсюду пандемия, дни печальные,

А вы надели маски карнавальные.

КОШЕЙ:

— Ты, погляжу, предрезкая девица!

ЯГА:

— Не маски это! Это наши лица!

БИБЛИОТЕКАРЬ 2:

— Ой, не признала я героев сказки,

(в сторону)

Намордники надеть им, а не маски.

ЯГА:

— Ты нас, душа моя, не раздражала бы.

А то директору напишем жалобу.

БИБЛИОТЕКАРЬ 1:

— Угрозу вашу слышим без опаски.

Директор тоже нынче ходит в маске.

Кипите вы какой угодно злобой:

А кто директор —

распознай, попробуй.

Хотя библиотека не забыта,

Нас нынче прировняли к Общепиту».

Читатели садятся за стол,

библиотекари подают книги

на подносах, как официанты.

ЯГА:

— Что ж, я голодной не уйду отсюда.

А что у вас в меню? Какие блюда?

БИБЛИОТЕКАРЬ 2:

— На книги благосклонный киньте

взгляд:

Вот, для начала, «Горький шоколад»,

Затем «Бульон куриный для души»,

«Бульон терзаний» — тоже хороши,

Амаду есть: «Корица и гвоздика»

А поновее книжка — «Костя Ника»

Вот «Устрицы» — классический
товар,
«Чай с птицами»,
«С шампанским самовар».
Оценит вся читающая публика
Деликатес наш «Дырка»
есть «от бублика».
ЯГА: — Мне про любовь романы
снимут стресс.

БИБЛИОТЕКАРЬ 1:

— Ах, про любовь?

С клубничкой или без?

Всё что угодно вы у нас найдёте,

Роман любовный «Курица в полёте»,

«Бессонница» — она «сестра любви»,

А вот роман «Общага на крови».

Вы полистайте «Царское гадание»

На сладкое — «Нескромные желания».

И «Лепестки»

возьмите «на ветру»

ЯГА:

— Конечно же! Беру, беру, беру!

КОШЕЙ:

— Не много же моей старухе надо,

Ей что роман, что плитка шоколада.

А я теперь читаю книги реже,

Мне детектив несите,

Только свежий.

Волнение не повредит здоровью.

БИБЛИОТЕКАРЬ 2:

— Вам детектив обычный

или с кровью?

КОШЕЙ:

— Как детективов много в этом веке!

БИБЛИОТЕКАРЬ 2:

— Вас ожидает «Труп в библиотеке»,

Затем «Концерт для колобка с

оркестром»,

А есть ещё «Опасное соседство».

Предложим вам «Зигзаг на помеле»,

За ним влетает «Ангел на метле»,

Чудесна «Стопроцентная блондинка»,

Ещё: «Канкан», представьте,

«на поминках».

А у Хмелевской «Бабский»

есть «мотив»,

«Кот Сэм», поверьте,

тоже детектив.

А вот «Бутик ежовых рукавиц»,

Ещё возьмите «Саван для блудниц».

КОШЕЙ: — Старо!

К тому же чтиво для девиц.

Новинки предоставьте непременно.

БИБЛИОТЕКАРЬ 1:

— Читайте классику. Она нетленна.

КОШЕЙ:

— Ах, классика! Души моей кумиры.

Неси скорее Данте и Шекспира.

Чтоб зацепило, чтобы потрясло!

БИБЛИОТЕКАРЬ 2:

— Однако, ваше время истекло.

ЯГА:

— Кошей, в копилку положи рубли.

Мы здесь отлично время провели.

Ну, кто ещё умеет так развлечь?

БИБЛИОТЕКАРИ:

— Счастливого пути, до новых встреч!

Ольга Грибунина

Родилась в городе Киселёвске Кемеровской области 19 октября 1947 года. С пяти лет жила в посёлке Сухаринка Таштагольского района. Когда ей было 17 лет, одно из её стихотворений было напечатано в районной газете «Красная Шория». Потом были учёба, работа, семья, дети. Окончила Новокузнецкий педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Сегодня на заслуженном отдыхе.

Любовь Алексеевна Никонова помогала ей в выпуске первой книги «Вкус жизни». Ольга Грибунина посещала литературное объединение «Гренада» при Доме творческих союзов г. Новокузнецка. Её стихи и рецензии опубликованы в журнале «Огни Кузбасса», в газетах «Вечерний Новокузнецк», «Ступени», «Кузнецкий рабочий», в литературно-художественном альманахе «Кузнецкая крепость» и других.

«... Просто сердце раздаю...»

Стихотворения из книги

... Просто сердце раздаю

Не продаю своих стихов,
Цены не знаю этим строчкам.
Их соткала я из шелков,
Неслышно падающих ночью.

В них грусть и смех, и бой часов,
И незабываемый берег — детство,
И знак судьбы, и тайный зов
В туманном царстве малолетства.

И строчки — почки тополей
После суровой зимней стужи,
Тайный родничок — ручей,
Где лист зелёный в струйке кружит.

В них две зари всегда живут,
И свет от них и смел, и ярок.
В них просто счастья люди ждут,
А «миг надежды» вечно сладок...

Стихов своих не продаю:
Цены не знаю этим строчкам.
Я просто сердце раздаю,
Чтоб всем досталось по кусочку.

Помня лотову жёнку, оглянуться не смею
И предвидеть судьбу не могу,
Важный день угадать не умею,
Миг обычный, как сон, берегу.

Иногда тороплюсь безрассудно и ярко,
Словно ветер несёт на крыле,
Но бывает и мне неуютно и жарко,
Неба нет, и надежда во мгле.

Вдруг откуда-то знак —
дерзкий запах полыни
Губ коснётся и боль принесёт,
И горячая юность жадно ветром обнимет,
Неожиданно к жизни вернёт.

Помня страшный урок, оглянуться не смею,
И судьбу изменить не могу.
Только странное сердце забыть не умеет
И живёт на другом берегу.

Поэзия

Поэзия! В твоей прихожей
Я ждать готова много дней.
И к твоему порогу брошу
Остаток жизни. Что верней?

Ты — голос, посланный вдогонку,
Среди пустых и шумных лет,
Ты — счастье моего ребёнка
И жизни неизбежный свет.

Прости, что в твоих тайных знаках
Не угадала я имён,
Запятанных когда-то в страхах,
До непонятных мне времён.

Тебя за чьей-то тайной дверью
По-фарисейски не предам,

И непривычным поздним пеньем
Возникнет где-то новый храм.

Поэзия! Ты — день погожий
В моей несбывшейся судьбе.
Строку сужу всё строже, строже
И торопливо рвусь к тебе.

Огонь закатный от себя
Заброшу в дальнее далёко,
Но, вечность сонную подняв,
Возникнет судящее око.

И в тёмной глубине зрачков
Возникнет блеск зелёных молний,
Закружит бег былых веков
И ветер наш, земной и вольный.

И, став безвестною звездой,
Под властью тайных гравитаций
Взлечу над чьей-то головой,
Не признавая стран и наций.

Исчезнут пошлость и обман,
И грязный быт, и мелочь сплетен,
А сквозь космический туман
Проступит мир, велик и светел.

Признание

— И подкошена, и подрублена,
Навсегда ты теперь погублена.
Ты головкой тронулась, неразумная, —
Говорит мне муж, — ты безумная.
Из неоконченного.

А я, друзья, больна не головою
И даже не другой какой-то частью:
Я сражена поэзией живою,
Страданием особенной напасти.

В туманных коридорах жизни бренной
Нет для меня вакансии богатой.
Какую долю выбрать бедной,
Коль родилась душа крылатой.

Рецепты выдавать мне бесполезно,
Напрасна логика лечебного сюжета,
Уж сколько нас «упало в эту бездну»,
Питаюсь от Божественного света.

И я, друзья, больна не головою:
Я сражена поэзией живою.

Я — страус.
Голову — в песок!
Глуха, слепа и ни единой мысли!
Что приключилось?
Обморок или шок?
Любовь или ненависть?
Не различить, что вышло.
Жизнь или смерть
Склонились надо мной?
Как будто в вечность
Спряталось уродство.
И всё вдруг притворилось тьмой.
И обречением стало первородство.
Крик памяти заставил
Осознать и спрятаться

В безмерности пространства.
Нельзя в песок!
Не в этом стать!
Нет ничего мертвее постоянства!

Вонзилась в сердце болью
Летящая стрела,
Прекрасная, желанная,
Смертельная игла.

Удар был хлёсткий, каменный,
Удар из-за угла.
От этой боли памятной
Я словно умерла...

Но та боль ещё не болью была:
Сердце не сгорело дотла.
Снег колючий стены белил,
Мороз окна в доме стеклил.

Боль ещё вся была впереди.
И плати ещё. И плати...
Ты-то думаешь:
Всё отдал-рассчитал,
А тебе ростовщик
Новый счёт прислал.

Пощади, прошу, пощади!
Платить нечем мне, не взыщи.
Кошелёк-то мой уже пуст,
Только пальчиков слышен хруст.
2016-2017 гг.

Время

Прислушайтесь: уходит в вечность время,
Скользит легко, мелькает у дверей
И буднично заносит ногу в стремя,
Теряясь в бесконечности своей.

В следах его вызывают льдинки
Под тяжестью невидимых шагов,
И мы справляем по нему поминки,
Считая новогодний бой часов.

Старинных манускриптов стонут свитки,
Тускнеют тайны при огне свечи.
А время наше то ползёт улиткой,
То быстро мчится всадником в ночи.

Хочу поймать летящее мгновенье,
Чтоб замер мир, подобно сказке той.
Но время мчится снова дуновеньем,
Успеть бы с ним. Но что за той чертой?

Н...

О, как была с тобой
мне сладостна земля!
А. Ахматова.

Вернулся ты. Не ветром расклеванным,
Не громом дерзким, не влюблённым,
Не мальчиком, не юношей. Мужчиной!
Суровой горною вершиной.

Я предала тебя. Ты не простишь.
Ты беспощадно на меня глядишь.
Я не раскаиваюсь. Не виню.

А злости нет...
Нет, точно, я не злюсь.

Не потому, что глупая раба,
Не потому, что подлая судьба,
А потому, что ничего не изменить,
Когда разорвана связующая нить.

Твой замок белый, в небо вознесённый,
Я предала, мой непреклонный...
Но помню зимний лес, сквозной и нежный,
В серебряном сиянье безмятежном.

Ностальгия

Из-под скалы в родном поселке Сухаринка
Таштагольского района Кемеровской
области, в десяти шагах от родительского
дома, бил родничок, где в конце 19 века
мыли золото. Теперь там нет ничего.

Где бы я ни была,
Меня тянет домой,
Где небес синева
И тайга за горой.

Там, в колючих кустах,
Воздух сладок и густ,
Жизнь ещё так проста,
Словно ягодный куст.

Там, под вечной скалой,
Бьёт усталый родник,
И хрустальной водой
Моеет солнечный лик.

Там лохматая ель,
Верный житель лесной,
Сторожит дом от бед
В лютой холод и зной.

В этом доме давно
Никого уже нет,
Бродит в комнатах тень
Быстро прожитых лет.
19. 10. 2010 г.

Сожаление

Жизнь мне много дала, да я мало взяла.
И добра не творила, и зла не несла,
Как ребёнок наивный, по течению плыла.
На земле этой горькой я просто была.
Не искала я то, что имею сейчас,
Не пришёл ещё день мой последний и час.
Нет обиды в душе и проклятия нет,
Но небрежно потрачен

Божественный свет.
Отвергая надменно хвалу и навет,
Что хранила всю жизнь, потеряла навек.
И, беспечно рассыпав богатства свои,
Я на пристань несу боль ушедшей любви.
Погружаю себя в обжигающий зной
И в душе хороню этот дар роковой...
Звук хрустальный зовёт гулким эхом вдали:
«Могут всё короли, могут всё короли...»

А на пристани той никого уже нет,
Только тени скользят давно прожитых лет,
Из неведомой всем и бескрайней дали
Не идут корабли, не идут корабли.

г. Новокузнецк.

Николай МИРОНОВ

Родился 1 января 1962 года в пос. Сарбала Кемеровской области. Вместе с родителями переехал в посёлок Малиновку. Там Николай окончил школу. Заочно учился на историческом факультете Томского университета. С 1980 по 1982 гг. – служба в Вооружённых силах СССР, затем учёба в горно-строительном техникуме Междуреченска.

Работал на разрезе «Осинниковский». Затем перешёл на шахту «Алардинская» электрослесарем подземным, где работает по сей день.

Литературным творчеством занимается с 2009 года. Регулярно печатается в городской газете и в коллективных сборниках, выпускаемых клубом «Кедр».

Николай Александрович Миронов – член союза Кузбасских писателей, является руководителем поэтического клуба «Кедр» г. Осинники.

Участник поэтических, бардовских фестивалей.

Выпустил две книги стихов, прозы, песен: «Рассвет» и «Здесь, под звёздной россыпью».

Вынужденный жить-3

Вторую неделю Филимон жил на новом месте и, осваивая дворцовые просторы, входил во вкус вольной и беззаботной жизни. Он не раз задавался вопросом относительно свалившейся на него райской жизни, за что он удосужился такой привилегии. В душу закрадывались смутные подозрения.

Судьбоносные рассуждения овладевали им по ночам, в те минуты, когда лунный свет нисходил на него своей благодатью и способствовал тщательному анализу текущего момента. День уносил сомнения, но он чувствовал, что это лишь временная передышка, что жизнь приготовила ему новый виток испытаний.

Жилище, а точнее предоставленные ему апартаменты, по пышности и убранству были несравнимы с комнатами Рощина, а сновавшая челядь лишь повышала статус этой роскоши. Неизвестность манила Филимона, и он сновал по залам дворца, оставляя неприхотливые следы своего пяточка на стенах и предметах обихода. Это его очень забавляло.

Ограничений по передвижению не было никаких, и его потуги путешественника, наконец, достигли апогея, когда он смог вырваться из дворца и устремиться к просторам теннисного сада.

Бег по аллеям и огромным газонам развивал в нём такую прыть, что от его копыт оставались следы, как от кавалерийской лошади. Никто его не пытался остановить — свобода дурманила сознание, а эйфория вседозволенности пьянила и захлёстывала совершенно новыми чувствами. Он с ещё большим остервенением носился по садовой территории, с восторгом продираясь сквозь заросли аккуратно подстриженных кустарников.

Однажды он стал свидетелем эротической сцены в кустах, а так как он от природы был лишён возможности для словесного комментирования происходящего, то мужчина и женщина лишь рассмеялись по этому поводу и продолжили своё занятие с ещё большим наслаждением. Мужчина подмигнул поросёнку и предложил занять очередь, чем ещё больше развеселил свою партнёршу.

— Да, — подумал Филимон, вспомнив подобную сцену в огороде при его

преследовании, — Роскошь роскошью, а человек счастья достигает лишь голым, а богатство и пышное убранство — только ложь и туман.

Ещё раз взглянув на отчаянно трудившуюся пару, он исчез в зарослях кустарника.

Спустя некоторое время его стали навешать люди в необычной для него спортивной одежде, под которой чувствовалась атлетическая фигура. Они резко отличались от деревенского типа людей, привыкших одеваться в фуфайки и ватники. Дискомфорта от их присутствия Филимон не испытывал. Он по-прежнему был весел и справлял свою нужду по углам апартаментов, стараясь не ходить в один и тот же угол. Апартаменты наполнялись инородными запахами и явно не гармонировали с окружающим интерьером, что не доставляло эстетического наслаждения обслуге дворца, но всё убиралось оперативно.

Один из лакеев оказался чересчур нервным и попытался пнуть Филимона. Поросёнок резко среагировал на агрессию и укусил обидчика за ногу. На две недели лакей выпал из поля зрения Филимона, а когда вновь появился, то сделал вид, что впервые видит Филю и старательно обходил его.

Кормили Филимона превосходно, и он поначалу даже прибавил в весе. Однако гонки по аллеям и газонам восстановили его в прежней весовой категории.

Такая жизнь постепенно расслабляла Филимона и погружала в какой-то летаргический сон. Он чувствовал, что приобретённые им навыки стали ускользать, улечиваться, и это тихими ночами вызывало в нём оправданное беспокойство.

Ему хотелось, как и раньше, поучаствовать в каком-нибудь расследовании или посидеть рядом с Рощиным за оформлением бумаг в кабинете, хотелось приносить людям пользу, чтобы читать в их глазах восторг и уважение к себе.

Филимон заскучал, и это сразу отразилось на его поведении — он отказался от прогулки, ел вяло, без огонька. Прислуга тотчас забила тревогу.

Пришедший ветеринар долго обследовал Филимона и, не найдя чего-то тревожного, спокойно удалился,

унося в своём чемоданчике запах лекарств.

Через день Филимона поместили в кожаный чемодан, по количеству отверстий напоминающий клетку, понесли его по залам и, выйдя из дворца, погрузили в поджидавший легковой автомобиль. Его недолго возили по городу, затем машина въехала в тихое поместье.

Его понесли куда-то, и, по мере продвижения, явственно усиливался шум и свист. Филимона освободили из чемодана. Он оказался в открытой ложе на стадионе, в компании с холёным господином и его очаровательной спутницей.

Никто не обратил внимания на Филимона — так их увлекло зрелище там, внизу, на поле. Это потом Филимон узнает, что игра называется футбол, а в данный момент он, подобно мужчине и его спутнице, уставился на снующих внизу людей, просмотрев с минуту на то, как люди в красном пытаются отобрать мяч у людей в белом, затем пнуть его в большой сетчатый сачок (таким, только поменьше и с ручкой пытались в деревне ловить Филимона).

— Бей по воротам! — услышал поросёнок возглас и понял, что этот сачок называется у людей воротами.

Филимон невольно был захвачен игрой.

«Теперь понятно, почему так увлекает людей этот процесс, — подумал Филё, — он подобен тому, что я видел неоднократно в деревне на реке: там тоже были такие ворота, но их таскали по реке, а потом доставали из них сверкающую и трепещущую рыбу».

...Люди были увлечены процессом отбирания мяча, и это захватывало всех, даже не бегающих по полю. Филимон вздохнул и более углубленно стал вникать в игру.

Стоящий у ворот игрок несколько раз ловил мяч руками, но вот не смог в очередной раз схватить его, и тот пролетел в сетку. Последующий рёв на трибунах вокруг Филимона не столь его шокировал, сколько пробудил в нём интерес — что же такого он не заметил, что заметили другие и так отреагировали. «Надо досконально изучить эту игру», — решил Филимон и обратил внимание на холёного господина и его спутницу в ложе.

Мужчина и женщина бурно отреагировали на попадание мяча в сетку ворот. Радость отразилась на их лицах, и они даже вскочили со своих мест. Филимон, повинувшись всеобщему порыву, а, может, из чувства подхалимажа, взвизгнул и застучал копытцами по деревянному поручню. На него обратили внимание. Мужчина наклонился к нему.

— Ну, что, Филимон, как ты насчёт того, чтобы мне помочь? — вопрос ненадолго застыл в воздухе.

Филимон утвердительно хрюкнул два раза, и его ответ привёл нового хозяина в довольное расположение духа. Контакт с новым хозяином был налажен, а в том, что это действительно его новый шеф-распорядитель, Филимон не сомневался. Его спутница тоже смотрела на Филимона томными глазами. Такого красивого создания поросёнку ещё не доводилось встречать, поэтому лёгкая дрожь прошла по его телу. Ему показалось, что волна теплоты захлестнула его, и будь рядом холодильник, то он непременно бы заморозился.

— Как живы-здоровы, — спросила дама, наклонившись к Филимону, — Что... тоже интересуетесь футболом?

В её глазах заблестели искорки смеха, и улыбка обнажила ряд ровных белоснежных зубов.

Филимон старался такие моменты использовать себе во благо, поэтому немедленно стал тереться о ноги красавицы, доставляя ей удовольствие, а себе истинное наслаждение.

— Филимон, ты ещё уведёшь у меня жену, — прокомментировал происходящее хозяин, и Филимон тут же прекратил заигрывания с красавицей.

Трибуны опять вскинулись в дружном порыве, и все в ложе влились в эту волну общих страстей, каждый по-своему. Филимон привстал на задние ноги и устремил рыльце туда, где происходили с ног сшибающие события в самом прямом смысле. Бордюр был невысок, поэтому его обзору было всё доступно.

— Гол! — заорали трибуны и вместе с ними хозяин и его жена.

— Го-о-л! — протяжно понеслось с разных сторон, и Филимон, поддавшись общему порыву, резко взвизгнул и продолжил повизгивать в рёве толпы.

Хозяин, которого жена называла Абрамом Ивановичем, потрепал легонько Филимона и произнёс:

— Ты, Филимон, теперь у меня та-лисман удачи....

Тут Филя почувствовал, что опять судьба поставила его в строй, и впереди замаячили контуры новой и интересной жизни...

После окончания игры игроки футбольного клуба Абрама Ивановича были поочерёдно представлены Филимону. Каждый из них называл своё имя и фамилию. Филимон понимал, что это всё неспроста, поэтому старательно запоминал каждого, будто фотографировал своим профессиональным зрением.

Игроки были неимоверно уставшими, некоторые ещё не перевели дыхание, но проявили неподдельный интерес к Филимону.

— Что? Будем дружить? — говорили многие. — Поможешь нам выигрывать?... Дружеский смех постепенно наполнял раздевалку, и атмосфера расслабленности захватила окружающих.

«Смейтесь, смейтесь, — думал про себя Филимон. — Теперь вам от меня никуда. Будете ещё ко мне обращаться, и не раз».

Он интуитивно ощутил крепнущую связь с этими людьми, и радость от захватывающей и бурной жизни переполнила его сознание.

Филимон прижился в команде футболистов, однако отношения с главным тренером не задались с самого начала.

Лев Анатольевич Загунайко был невысокого роста, с бычьей шеей и глазами слегка навязат, которые в момент гнева, казалось, должны были покинуть свои орбиты, но по счастливому стечению всегда удерживались на месте. Он давно работал главным тренером, поэтому с нервной системой ощущались периодические сбои.

Поводов для раздражительности и, как правило, последующего гнева существовало немало. Ко всему прочему Лев Анатольевич был склонен к ругательствам, и это служило своеобразным запалом к бурным скандалам. Тут он попадал в свою стихию. Лицо его багровело, глаза наливались гневом, и он, подобно быку на корриде, отдавался порыву своих необузданных чувств. Нецензурные слова изобиловали рассказами про мать, отца и небезызвестного Макара с телятами.

Наконец, исчерпав свой словарный запас, тренер начинал крушить мебель в раздевалке, которой, надо сказать, доставалось больше, чем игрокам. После погрома раздевалка напоминала Древний Рим, захваченный варварами.

Когда мебель была повержена, Лев Анатольевич удалялся в свой кабинет, где мебель никогда не ломал. В связи с участвовавшими погромами был принят в штат столяр, который ловко приводил мебель в надлежащий вид.

Такой стиль руководства не устраивал игроков футбольной команды, но не мешал Льву Анатольевичу двигаться по карьерной лестнице. Секрет успеха заключался в удивительнейших отношениях главного тренера с хозяином клуба, а иными словами, Лев

Анатольевич был чутким приспособленцем и мог мгновенно угадать желание хозяина, постараться его выполнить, а в случае неудачи ловко свалить вину на другого.

Прояви Абрам Иванович желание разбить стул на голове Льва Анатольевича, тот посчитал бы это желание вполне нормальным и даже, учитывая сходство темперамента, проявлением благосклонности.

Но хозяин был выдержан, мебель не ломал, потому главный тренер в душе даже огорчился этому обстоятельству. Всё и всех данное положение устраивало до поры до времени, а время наступало непростое, и «каре́та старого везла с сильным скрипом».

Абрам Иванович испытывал трудности в бизнесе в связи с приходом к власти нового руководства страной. Необходимы были новые, качественные наработки и в сфере бизнеса, и в руководстве клуба.

В большом спорте стали модными всяческие угадки результатов соревнований и матчей с участием животных. Кто-то из приближённых Абрама Ивановича подал идею насчёт чудо-поросят, так Филимон и оказался у них.

После знакомства Филимона с хозяином и командой был дан старт занятиям с Филимоном. Они проходили каждый день по теоретическому и практическому плану. Практические включали посещение Филимоном стадиона не только в момент проведения матча, но и во время тренировок команды.

Футболисты стали привыкать к Филимону и звали Филей. В дальнейшем они даже уговорили тренерский состав, чтобы Филя всегда присутствовал с ними на поле во время тренировки. Филимон носился по полю, сновал между ног футболистов, поднимая им настроение и вызывая прилив восторга. Он постепенно стал любимцем и талисманом команды.

Только один человек недолюбливал Филимона — главный тренер клуба. На это были объективные причины. Филимон интуитивно чувствовал, что неудачи команды кроются в неэффективной работе главного тренера, поэтому старательно уклонялся от общения с ним, насколько это было возможно. Перед матчем, когда все игроки проходили и ласково прикасались к нему, не позволял Загунайко это делать.

Не ускользнуло это от внимания хозяина клуба. Его долгий и изучающий взгляд в сторону главного тренера наводил Льва Анатольевича на мысль, что надо что-то делать с Филимоном.

Вспомнив случай с лакеем, которого укусил поросёнок за ногу, Лев Анатольевич начал с ним незамедлительные переговоры. После некоторых денежных вливаний лакей согласился помочь. Была определена стратегия и тактика, после чего они приступили к воплощению своих преступных планов.

Однако самый простой и многообещающий способ — отравить Филимона, после неоднократных попыток решено было отставить. Филимон наотрез отказывался принимать пищу с

ядом, разочаровывая преступную двойцу. Посетовав на чутьё Филимона, они не стали терять драгоценное время и приступили к следующему плану. Сумев раздобыть необходимый компонент с ядом, лакей стал обрабатывать им атрибуты Филимона — одежду с символикой. Филимон подсмотрел эти манипуляции и просто испугался на одежду, потом стал ждать, когда её заменят на другую.

Отравление человека из обслуживающего персонала, который поменял одежду Филимону, заставило врачей обратиться к службе безопасности. В ходе недолгого расследования был изобличён лакей, и ниточка повела к главному тренеру. Лев Анатольевич не стал дожидаться, когда щёлкнут наручники, предусмотрительно подал заявление об уходе.

Абрам Иванович не преследовал тренера, так как за прерванный контракт тот заплатил бешеные деньги — бизнес есть бизнес... Новый главный тренер был в курсе этой истории, поэтому постарался наладить хорошие отношения не только с командой, но и с Филимоном, чтобы благожелательная атмосфера способствовала результативной игре. К Филимону был приставлен телохранитель, что подчеркнуло его статус.

Впереди их ждал новый рубеж испытаний — чемпионат мира по футболу в России.

А пока новые горизонты лишь маячили в далёком необозримом будущем, Филимон занимался рутинным делом — учился предугадывать результат матча. Здесь его интуиция оформилась со временем в телепатическую способность мыслить и принимать решения.

Сначала у него получалось определять только выигрыш команды. Затем стало получаться угадывать результат матча, хотя расхождения иной раз были, но незначительные. Каждодневные тренировки, помноженные на трудолюбие, отразились на успехах Филимона — отклонения от результатов матчей почти исключались.

В этой житейской круговерти наступило время чемпионата мира по футболу.

Из зарубежья появился сильный противник Филимона — осьминог Пауль из Германии.

Заявку на участие Филимона в чемпионате мира Абраму Ивановичу утвердили, и Филимон окунулся в государственную деятельность с политической подоплёкой.

Занятия стал посещать Абрам Иванович, чем наводил на преподавателей неподдельный страх и ужас. Конечно, в методах преподавания витала тень шарлатанства, но выдающиеся способности Филимона ловко поворачивали эту двойственность в нужное русло.

Не гнушались некоторые проводить ставки на угадываниях Филимона.

Страсти доводили некоторых до скандала, а так как Филя был в курсе их соревнований, то специально путал некоторым особенно назойливым карты — делал ошибочные прогнозы, давал завышенные или заниженные результаты. В душе он посмеивался над

этим алчным азартом и осуждал любителей лёгких денег.

Другое дело, когда приходил Абрам Иванович, и его прогноз приобретал государственную и политическую окраску. Напряжённость создавала своеобразный отпечаток на поведении Филимона. Абрам Иванович шутил, что после прогноза готов представить Филимона в кандидаты психологических наук, а преподаватели Фили принимали слова за чистую монету и втайне начинали готовить темы для диссертации.

Филимон входил в образ всё более и более основательно. Его кандидатура была одобрена для участия в предстоящем чемпионате мира по футболу. Пробыл час испытаний, и хотя Филимон был закалённым бойцом, атмосфера нервозности охватила и его. В день открытия чемпионата суэта накалила нервы и всех окунула в общий организаторский водоворот.

Прибыл и оппонент Филимона — осьминог Пауль.

В момент сеанса прогноза оппоненты были в разных студиях, но Филимон интуитивно ощущал своего противника. Все подбадривали Филю и старались не сбить у него настрой — за состояние сосредоточенности несла ответственность охрана Филимона, которая была удвоена и дополнительно проинструктирована.

Включился яркий свет, и сеанс прогноза начался.

То, что он задаст правильный тон, в этом Филимон не сомневался. Он был уверен в своём выборе — чувство ответственности помогало ему собраться и сконцентрировать внимание на главном. Он сделал выбор и спокойно удалился из студии.

Каков был результат у осьминога, Филя не знал, да это его и не беспокоило. Главное было сделано — шаг в историю свершился.

Когда игра была закончена, оказалось, что и Филимон, и осьминог сделали правильный прогноз. Все поздравляли Филимона, другие поздравляли осьминога. Пресса и телевидение поставили между ними знак равенства.

Игра нашей команды должна была состояться через день, а пока шли тренировки, Филимон спокойно взирал на них с трибуны стадиона.

А ночью ему приснился сон. Осьминог протягивал щупальца, и они, неимоверно удлинившись, пытались обхватить Филимона.

В последний момент, когда щупальца уже готовились сдвинуть Филимона, вдруг наступала зима с трескучими морозами, и щупальца начинали рассыпаться на мелкие кусочки.

Они падали на снег, как горох. Сам же осьминог вдруг надевал фуфайку и, взявшись за неизвестно откуда появившиеся топоры, остатками щупалец начинал рубить чурки на дрова. От него исходил пар, он кричал и говорил человеческим голосом: «Ну что, мать, принеси-ка мне стакан самогона...»

К кому было адресовано обращение, Филимон не знал, но тут же около чурки появлялся стакан самогона и огурец. Осьминог прекращал работу и

жадно, одним глотком, выпивал самогон. Выпив и крикнув, долго закусывал огурцом. Потом, расправив обрубками щупальцев неожиданно появившиеся усы, он вдруг запевал хорошо поставленным баритоном: «По диким степям Забайкалья...»

Щупальца бережно поддерживали осьминога, чтоб не прервать поток выстраданной песни и раскачивались в такт мелодии. Осьминог постепенно становился пьян и развязан. В конце концов, щупальца уводили поющего осьминога, но ещё долго в ушах Филимона стояли образы, навеянные старинной песней.

Через некоторое время всё повторялось заново: щупальца пытались сдвинуть Филимона, но появлялась зима, осьминог снова рубил дрова, и поющего пьяного осьминога уводили его же щупальца. Правда, в дальнейшем осьминог уже самостоятельно доставал самогон из фляги, старательно углубляясь ко дну, но эта незначительность не меняла алгоритм последующих действий...

Проснулся Филимон в плохом настроении...

Предстояла поездка в студию, а чувство какой-то беды не покидало Филу. Как сожалел он, что не владеет разговорным языком людей. И его подавленное состояние не осталось без внимания охранника, на время поездки в студию он укутал Филу в одеяло и усадил к себе на колени.

Во время движения микроавтобуса поросёнок успокоился и даже вздремнул.

Вдруг — неожиданный удар, и микроавтобус опрокинулся на бок. Когда все выбрались из машины, Филимона пришлось вытаскивать из неё — охранник так его прижал к себе, что руки с трудом расцепили. Филимон практически не пострадал, но охраннику досталось основательно: он находился в бессознательном состоянии, и за этот поступок был награждён Абрамом Ивановичем, так как фактически спас жизнь Филимону.

Когда свидетели сообщили, что во-

дитель грузовика, который таранил микроавтобус с Филимоном, тут же скрылся с места происшествия, а дальнейшие розыскные мероприятия зашли в тупик из-за отсутствия виновника, всем стало понятно, что это происки международной мафии. Целью их был Филимон...

После ДТП Филимон был обследован ветеринарным врачом. Не выявив серьёзных последствий, тот разрешил участие Филимона в прогнозе матча, в котором предстояла встреча нашей команды с серьёзным соперником.

Филимона доставили в этот раз без происшествий — секретность соблюдалась во всём, включая время, маршрут движения и автотранспорт без символики. Абрам Иванович сам приехал в студию, чтобы ещё раз проконтролировать сеанс прогноза.

Перед сеансом он несколько минут провёл с Филимоном наедине.

— Вот видишь, Филимон, — говорил он, нежно поглаживая его за ушами, — Ты встал в ряды борцов за нашу державу. Твоё мужество должно укрепить твою Веру. Наше дело правое, мы победим! С этим напутствием он отпустил Филимона в сияющую прожекторами студию на предстоящий сеанс прогноза.

Филимон погрузился в неведомое для других состояние, и хотя осьминог был в другой студии, Филимон интуитивно чувствовал его присутствие — он, как волк, преследовал свою добычу по запаху. Именно психология хищника овладела им в этот миг.

Первой на определении была команда противника. Филимон быстро выбрал необходимую цифру.

Следующей была наша сборная. Тут Филимон проявил нервозность и даже суетливость, но потом всё в нём успокоилось, и он уверенно выбрал нужную цифру, под всеобщее ликование он прогнозировал нашу победу.

Судя по тому, как происходил прогноз, победа могла достаться только в результате нечеловеческих усилий наших игроков.

Осьминог тоже предсказал победу нашей сборной, но с Филимоном они

разошлись на одну цифру — интрига захватила всех. Болельщики ждали завтрашнего дня...

Игроки нашей сборной готовились к предстоящему матчу собранно и с уверенностью в своих силах.

Предсказание Филимона и осьминога радовали наших игроков, но не давали повода расслабиться — хотелось оправдать предсказание Филимона, но для этого нужно было забить гол дополнительно.

Важность игры сплотила команду как никогда, и, казалось, все слились в одном дыхании. Встреча началась уверенной игрой нашей сборной.

Однако то же можно было сказать и об игре противника, который, невзирая на прогнозы, играл в настоящий футбол.

Перевес был то на нашей стороне, то на стороне противника.

А когда Филимон встал передними ножками на перила своей ложи, и его рыльце стало обозримо игрокам, те, воодушевившись, переломили ход игры в свою пользу. Но необходимо было увеличить победный счёт, чтобы выйти на результат Филимона — его престиж зависел от них.

Противник был чрезвычайно силен и в обороне не допускал просчетов, и когда наш нападающий ударил почти с центра поля, то многие посчитали это жестом отчаяния. Однако мяч попал в перекладину, срикошетил и чудесным образом оказался в сетке ворот. Такого гола не мог ожидать даже сам автор. Трибуны тоже сначала не поверили в подобное, а потом взорвались оглушительными криками, и вскоре финальный свисток закрепил победный счёт Филимона.

Ликовали все: и игроки, и болельщики. Филимон глядел на табло, и до него ещё не доходило, что он шагнул навстречу своей новой жизни...

После игры Филимон оказался свадебным генералом для прессы и телевидения. Предложения сыпались от различных рекламодателей, композиторы и поэты предлагали создать своеобразный гимн нашей сборной или,

на худой конец, написать песню.

Фармацевтические компании предлагали Абраму Ивановичу прорекламировать новое средство от импотенции, окружив Филимона двумя десятками народившихся поросят.

Косметические фирмы выставили его в рекламе дезодоранта, убивающего не только дурные запахи, но и волков, преследующих добычу.

Для чего было разрабатывать последнее или оно оказалось побочным продуктом, многие не понимали, но дезодорант стали охотно покупать охотники и рыболовы.

Филимон стал кумиром не только у фанатов и рекламщиков, а уверенно проникал в душу мирового сообщества. Слава его перешагнула пределы страны. Но, врезав своей популярностью, Филимон оставался простым и скромным поросёнком. Жизнь его усложнилась, но он оставался самим собой в любых жизненных ситуациях.

Он шёл по тернистому пути прямой походкой праведника. Неведомое не пугало это отважное создание...

И когда за ним прилетели люди в военной форме, посадив вертолёт прямо посреди футбольного поля, он осознал, что жизнь пошла на новый виток.

Абрам Иванович и игроки, отложив тренировки, прощались с Филимоном. Каждый поочередно по-дружески обнимал его и отходил в сторону. У некоторых блесла слезой глаза.

Филимона унесли в вертолёт. Винты заработали, а Филимон всё глядел из иллюминатора на провожатых.

Вертолёт оторвался от земли, и что-то оборвалось у Филимона в душе, и осталась эта частичка там, внизу, среди дорогих ему людей.

Какая новизна ждала его, он не знал, но что будет всё гораздо серьёзней — это он чувствовал. Вертолёт набрал высоту и стал превращаться в удаляющуюся точку невозврата, и лишь рокот мотора ещё долго стоял в ушах застывших на поле футболистов. Потревоженные вертолётном голуби и воробьи постепенно занимали свои места обитания...

Продолжение следует.

Глубокая засада

В те сравнительно недалёкие советские годы, когда были живы участники гражданской войны, когда раритетное оружие имелось чуть ли не в каждом доме, в глухом кержацком поселении произошёл случай, который долгое время веселил местный народ.

Благо, что для этого много не надо: сибирский народ хоть суров и грубоват, но к юмору относится очень положительно. Если бы не эта черта, то скукота в духовной жизни была бы непременным атрибутом. От природы в людях заложено многое. Некоторые, не имея артистического образования, так искусно могут подать какую-либо небылицу, что слушатели невольно попадают в плен этой словесной круговерти, забывая на время про свои житейские трудности.

Ярким представителем этой балагурной театральности был дед Макар

Кержакин. Кряжистый, с мужицкой поступью, он обладал своеобразным интеллектом, артистизмом, а мимика на его заросшем бородой и усами лице так и высвечивала очередным сюжетом. Глядя на него во время его «выступлений», можно было подумать, что это отставной артист, случайно забредший в далёкую глухомань.

Дед Макар ценил это качество и не упускал момента его продемонстрировать, наблюдая, как загораются глаза у местной публики. Был он мастером не только рассказов, но и всякого рода проделок. Частенько пугал залётных рыбаков, отчего те в дальнейшем не решались на промысел в его владениях. Ухищрения были разные, но довольно безобидные, не приносящие физического вреда рыбакам, однако оставаться на ночёвку никто не отваживался. Таким образом, долгое вре-

мя сохранялись паритетные отношения между рыбаками и старожилом этих мест — такая высокая дипломатия базировалась на уважении к кержакам, к их трепетному отношению к природе и, наконец, подкреплялась почтительностью к людям преклонного возраста.

Периодически дед Макар запрягал коня Воронка и отправлялся в ближний посёлок закупать необходимые продукты. Набив подводу мукой, крупами, сахаром, солью и прочим, он отправлялся домой, благо, что спиртное употреблял только своего приготовления, поэтому повода задерживаться у него не было.

В этот приезд картина повторилась как под копирку, но тут дед неожиданно повстречал своего флотского сослуживца. Завязался простой разговор, в основу которого легли воспоминания

о днях минувшей совместной службы. К приятелям присоединились местные мужики, и беседа, получив новый импульс, переросла в балагурство старых приятелей.

От присутствия такого числа собеседников дед Макар впал в раж и начал откровенно привирать. Ввиду того, что свежая и, как всегда, любимая тема была связана с проделками деда по отпугиванию залётных рыбаков от его любимого озера, то в этот раз он с захватским восторгом повёл рассказ о том, как необычным образом загнал бобров в сети рыбаков, и те буквально их изрешетили.

Тут внимание деда Макара привлёк молоденький милиционер, который проявлял начальные филёрские навыки, а в простонародье — «грел уши», пытаясь ненавязчиво выведать полезную информацию.

Заметив такое внимание, дед Макар продолжил своё повествование, украсив его безудержной фантазией.

— Итак, друг мой, — говорил он якобы только своему сослуживцу, — решил я с ихним братом, с браконьерами, побороться по-серьёзному. На чердаке своего дома установил пулемёт «Максим», который достался по наследству от моего отца, служившего у Колчака и благополучно его припрятывавшего. Вот я удачно и воспользовался его арсеналом.

Поставил пулемёт на чердак, и как только замелькает по озеру рыбацкая лодка, поднимался на чердак и давал короткую очередь из пулемёта в воздух. Эффект всегда получался сногшибательный — рыбаков как ветром сдувало. А так как я часто бываю на охоте, то к стрельбе из пулемёта подготовил свою старушку: специально соорудил нехитрое устройство, чтобы она, в силу своих преклонных лет, не поднималась на чердак, а дёргала лишь за верёвочку, соединённую с пулемётом.

Всё бы ничего, но благоверная никак не могла вовремя отпустить верёвочку, вследствие чего очередь получалась очень длинная. По приходу с охоты приходилось закладывать новую ленту. Хотя, если судить по тому, как сматывались с озера рыбаки, у неё получалось гораздо лучше. Жаль, конечно, потраченные патроны, но я эту убыль восстанавливал благодаря природной находчивости — за неделю лента была готова.

Дед Макар скосил глаза, с удовольствием отметив, что его вычурный рассказ всерьёз заинтересовал милиционера. Судя по озабоченному выражению лица, сомнений в правдивости у него не было — служитель порядка аж вытянулся в струнку, а его слуховой аппарат заработал в усиленном режиме. Дед Макар ухмыльнулся себе в бороду, а богатое воображение неожиданно бурным потоком переросло в так называемый среди балагуров «словесный понос». Язык нёс такое, что даже сам дед Макар дивился очередному своему сюжетному выкрутасу, что, наоборот, придавало рассказу большую правдивость. Прирождённый актёрский дар бил ключом. В последний момент дед начал уже скрыто издеваться над наивным слушателем порядка:

— Всё бы ничего, но как-то моя Анка-пулемётчица так увлеклась процессом стрельбы, что очередь получилась не то что длинная, а длиннющая, и под град пуль попал медведь, который крался к моим пчелиным ульям. Мишка был сражен наповал, а то я ведь хотел заминировать подходы к ульям, вывесить табличку «Мины!» Всё, как полагается, но бабка опередила меня — ох, и ловкая, как в молодости, нутром чует добычу. Я этого медведя раздал, напичкал мясо снотворным, теперь ловлю на прикормку рысь. Повадилась, зараза, задирает овец. Я уже решил — сдам её в зоопарк, большие деньги получу. Вот и новые боеприпасы, новая пулемётная лента!

...Дед Макар нагнулся, еле сдерживая смех, якобы поправить сапоги, а сам бросил косой взгляд в сторону милиционера. Тот смотрел вроде в сто-

рону, но открытый рот и сбегающая тонкая слюна говорили совершенно о другом. Это польстило деду и подзадорило. Сослуживец деда Макара вовремя разобрался в ситуации и, не прерывая своего приятеля, одобрительно ему поддакивал.

— Буквально недавно, — продолжал дед Макар, — в лесу нашёл спрятанные с гражданской войны боеприпасы — в масле сохранились превосходно. Теперь с лентами к пулемёту стало совсем хорошо, можно от взвода солдат отстреляться, вот так обстоят дела!

Дед Макар хлопнул себя по коленкам в знак чрезвычайного удовлетворения и в очередной раз скосил глаза на милиционера.

Немая, окаменевшая фигура служивого находилась под тяжким гнётом от вновь услышанного. «Наверное, — подумал дед Макар, — думает о продвижении по службе. Такая информация «тянет» может даже на звёздочку на погоны».

Вновь что-то подхлестнуло неуёмного старика. «Рассказать ему, что золото Колчака нашёл», — пришло вдруг на ум старожилу, решившему идти до конца в своём повествовании. Но потом передумал: слишком неправдоподобным будет выглядеть новый сюжет, да и на золото много охотников, того и гляди, можно и «гостей» привадить, а это ни к чему в глухом кержацком селении.

«Хватит и этого», — решил дед Макар. Привстал с лавочки, душевно попрощался с сослуживцем и другими мужиками, не спеша сел в телегу. Мерно громыхая на ямках, Воронок медленно потащил телегу с продуктами и дедом Макаром. Сзади клубился небольшой шлейф пыли. Телега постепенно исчезала из вида...

Из того нелепого рассказа, что поведал дед Макар наивному милиционеру, не всё было голой выдумкой. Правда была в том, что он действительно нашёл пулемёт «Максим», но в таком состоянии, что он походил на пулемёт лишь на значительном расстоянии, чем не преминул воспользоваться неутомленный дед. Он затащил его на чердак и установил по направлению к озеру.

На некотором удалении пулемёт походил на грозное оружие времён гражданской войны, но на этом всё сходство и заканчивалось, так как технически он был утилём. Однако неуёмный характер не давал покоя деду, поэтому он приобщи́л к затее сделать более правдоподобным муляж пулемёта своего внука, активно занимающегося радиodelом. Тот соорудил лампочку в стволе пулемёта и записал синхронно пулемётную дробь, выдав её в эфир первозданной природы.

Вспышка лампочки настолько гармонировала с пулемётной дробью, что дед Макар чувствовал себя в этот момент на чердаке Чапаевым в одноимённом фильме с участием актёра Бабочкина, отстреливающегося от наседавших беляков. Для большей убедительности он выломал на чердаке несколько зашивочных плах — в вечернем зареве хищная фигура за рукоятками пулемёта выглядела зловеще и даже внушала откровенный страх.

После такой имитации залётные рыбаки быстренько сматывали снасти и благоразумно удалялись. На ночевку желающих не находилось. Верёвка с приводом для «стрельбы» с нижнего жилого расположения тоже существовала, так что доля правды в рассказе деда Макара всё же имелась.

На этом бы стоило закончить рассказ, но дальнейшие события выдали неожиданное продолжение.

Впечатлительный молодой милиционер передал своему начальнику в мельчайших подробностях весь подслушанный разговор. Начальник с большой долей подозрительности выслушал и решил, на всякий случай, поинтересоваться по этому поводу у знакомых рыбаков. Рыбаки, как известно, народ с присущим чувством преувеличения, поэтому приятель начальника милиции не упустил такой превосходный шанс, выдав полуправду за ужасную действительность, приукрасив свое повествование жутким свистом пуль и целой просекой срезанных деревьев.

Дело требовало безотлагательного вмешательства, поэтому на следующий день вооружённая группа милиционеров выдвинулась к поселению деда Макара. Подходили скрытно.

Когда до дома оставалось метров около ста, неожиданно «заработал» пулемёт (дед Макар решил отпугнуть залётных рыбаков). Однако те оказались с ружьями и с издёвкой несколько раз пальнули в направлении, близком от дома деда Макара. Дробь кучно легла в цепь наступающих милиционеров. Послышались стоны раненых.

Дед Макар, услышав ружейные выстрелы, достал ружьё и в отместку сделал несколько выстрелов под дробь пулемёта, скрыв тем самым ружейные выстрелы. Дробь фронтально встретила без того уже обезумевший отряд милиции. Раненых добавилось.

Отряд залёг, а кое-кто начал окапываться среди поваленных деревьев. Помимо табельных пистолетов, имелся и автомат. Отряд открыл беспорядочный огонь, и автоматная очередь прошла пулемёт «Максим». Тот, в свою очередь, ответил длинной пулемётной очередью (замкнуло запускающее пулемёт устройство).

Дед Макар встревожился — он отчётливо разобрал автоматную очередь, в результате которой что-то полетело из интерьера чердака. Накатило нехорошее предчувствие. «Быть беде», — мелькнула у него мысль и укрепились в свете новых событий.

Неизвестно откуда повалил густой дым. Слегка оторопев, дед Макар обогнул дом и увидел около завалинки дымовую шашку. Густые клубы дыма обволакивали родное строение. «Ну и рыбацки», — со злостью подумал сторожил и, перезарядив ружьё, сделал несколько выстрелов в сторону от озера, чтобы не задеть хулиганистых рыбаков. Дуллет ранил ещё двоих из числа наступающих, поубавив наступательный пыл.

Со стороны озера слышались ответные ружейные выстрелы. Рыбаки-охотники стреляли мимо дома деда Макара, но по трагической случайности как раз в сторону залёгших мили-

ционеров. Дробь секла листья и кусты деревьев. Такой перекрёстный огонь окончательно остановил продвижение опергруппы.

Раненые нуждались в медицинской помощи. Отряд вынуждено отступил...

Когда начальнику милиции доложили о случившемся, а четверо из шестерых обратились в поликлинику, недоумение его переросло в негодование. Будучи человеком храбрым, он на следующий день отправился лично посетить разбереившегося деда, прихватив в качестве провожатого сослуживца деда Макара.

День выдался тёплым и ласковым. Дед Макар с утра копал картошку. Урожай был вполне приличный, поэтому настроение было превосходным. Супруга помогала ему. В мирную идиллию незванно вторгнулся только дятел, постукивая по дереву. Появление начальника милиции и дедовского сослуживца вызвало у деда Макара удивление. Такая пёстрая компания наводила на разные тревожные мысли, которые заегозились в голове опытного таёжника.

— Бог в помощь, — начал милицкий чин и предъявил своё служебное удостоверение.

Дед Макар воткнул вилы в землю, поздоровался за руку с сослуживцем и спокойно рассмотрел документ.

— Милости прошу, — пригласил он нежданных гостей в дом. Супруга тоже поспешила в хату — ею овладело беспокойство.

Когда все расселись за столом, начальник милиции приступил к допросу. Потом обследовал останки пулемёта «Максим». Следы от пуль автомата были чётко видны на щитке пулемёта и на чердачном интерьере.

Картина в конце следствия представила явственно и неоднозначно. С одной стороны дед Макар с муляжом пулемёта, неизвестные рыбаки-охотники, наверняка имеющие документы на оружие, с другой стороны — опергруппа, открывшая автоматный огонь по людям в жилом строении без предупреждения о своём местонахождении и своём свидетельстве. Все это усложняло дело, а привлечение деда Макара юридически было необоснованным.

Однако начальник милиции приказал снять муляж пулемёта, чтобы в дальнейшем исключить подобную ситуацию, попросил сторожила не распространяться о произошедшем случае. На этом официальный визит был завершён.

Какая была неофициальная часть, никто не знает. Только супруга сослуживца деда Макара три дня искала своего благоверного по всей родне, так как он не оповестил её об отлучке. На этом инцидент был исчерпан, однако долго ещё ходили слухи о наступательной операции местного отделения милиции, приукрашенные подробностями применения пушки времён гражданской войны.

Находились и свидетели огромных воронок от взрывов снарядов. Дед Макар эти слухи не опровергал, ссылаясь на частичную потерю памяти по возрасту.

Из книги «Здесь, под звёздной россыпью»

Маятник жизни

В утробе толкнулся ножонкой малыш
И вновь, во внимании, слушает тишь.
Ему неподвластна желаний волна,
Лишь маленькой толикой жизнь вручена.

В кровати лежит недвижим человек,
Он стар, но прожил он неплохо свой век,
К чему-то стремился, чего-то искал,
Любил и любим был, горел и страдал.

Связала их в жизни невидимо нить,
Она их толкает свой шаг совершить:
Кому до рожденья, кому до ухода,
И ждут они, каждый, судьбы перехода.

Отмеряно времени будет сполна,
Качается маятник, словно волна:
С приливом в жизнь вернет, отлив — жизнь уйдёт,
Дыханье возникнет, дыханье замрёт!

Безжалостен маятник, выверен ход,
Земному один уготован поход.
Но чтобы значенье своё осознать,
Не надо бессмысленно жизнь прозябать!

Воспоминания об Афганистане

1. Запьют, увлекая, подруга,
Будоража в потоке весны.
Но щемлящая сердце натуга
Как наследие прошлой войны.

Припев:
Марш-бросок, на броне — папираса,
Разрываю я замкнутый круг...
Переходы, крутые заносы,
Пулемётов глухой перестук.

2. Родились мы как будто в Афгане,
Так впитали мы эту страну.
В тех горах, несогласные с нами,
«Шурави» объявили войну.
Припев.

3. Мы боролись не против народа,
Но народ правду не принимал.
И с призывом при слове: «Свобода»
Вынимал он из ножен кинжал.
Припев.

4. Вся война для народа проклятье.
Но, не в силах забыть о войне,
На гражданке не в радость занятия,
Часто вижу Афган свой во сне.
Припев:

Я весенней цветущей порою,
С автоматом... и снова в бою.
То, что было — от вас я не скрою.
Но Афган... как и прежде люблю.

Разломы души

1. Не по душе, когда пьют с горя водку.
Я не люблю задутую свечу.
И как шальной, когда, не взяв высотку,
Вдруг понимаю — дело по плечу...
Пыля дорогой по Афганистану,
Я от жары как будто бы в бреду:
«Я не люблю садистов и душманов,
Они в горах, но я их всех найду».

Мы вновь в строю с привала,
Машины завелись.
Бросок до перевала
И цепью разошлись.
Загнал патрон в патронник,
Нацупал грань гранат,
На «боевой» поставлен автомат.

2. Мне нервы жмут, когда я в ожидании,

И не терплю быть в радость палачу.
Когда стреляет «дух» на расстоянии,
Его достать хоть чем-нибудь хочу.
Развернут «Град» — враги полезли в норы.
Я, как осины листик, трепещу:
Не по себе, когда тревожат горы,
И не по мне, что я не отомщу.

Закончились разрывы,
Мы в жажде боя все.
«Душманы» в норах живы,
Стреляют из «Бурэ».
Приблизились вплотную,
Дошло и до гранат,
Но бой наш завершает автомат.

3. У нас у всех сейчас на сердце рана,
Ведь не вернуть погибших в ту войну.
Приказ пришёл: «Всем выйти из Афгана...»
Идем колонной через всю страну.
Мост переходим, дёрнуло машину.
Я оглянулся — что мы там нашли?
А горы, молча, нам смотрели в спину,
«Прости, Афган, простого «шурави».

Нас Родина встречает,
Афганистан во тьме.
Нас братство собирает,
«Афганцев» по войне.
Пусть прошлое порукой,
Своим помочь в беде,
А третий тост: «За павших на войне».

Прошедший через Ад

Моему дяде Макушенко Ивану
Лукичу посвящается

Вдоль вагонов фашист с изготовкой:
Пленных русских к вокзалу ведут,
Подгоняют прикладом винтовки,
Обессиленных тут же добьют.
Шёл солдат подневольный куда-то,
Тень влачил, как бурлак средь степеней,
Гимнастёрка в поту у солдата...
Память стёрла все поступи дней...

...Фёдор в Армию взят по призыву,
Быть военным — почётная статья,
Чтоб страна была всхожею нивой,
Присягнул он её защищать...
Гром войны. Отступает пехота.
Нет патронов. Примкнули штыки.
Накрывал их огонь миномёта.
К ним вплотную враги подошли...
Восторгались служители Ада,
Сотрясали планету волной,
Новобранцы вливались в бригады,
Шли солдаты Второй мировой...
Тошнота после взрыва снаряда,
Наземь бросило — всё же живой,
Защищаться хоть как-то, но надо,
На пехоту пошли «в штыковой»...
Он очнулся вечерней порою,
В голове от контузии звон,
«Похоронщики»-немцы толпою,
Подошли к нему с разных сторон...
Лагерь в поле... Колючка... Охрана...
Стоны раненых... Голод сковал...
Случай выдался — немец был пьяный,
Ночью Фёдор с друзьями сбежал.
Диким полем по звёздам шагали,
Всех тревожил неведомый путь,
Утром ноги у всех отказали,
В стоге сена решили вздремнуть...
Немцы ехали мимо, пальнули
И случайно их стог подожгли,
От пожара бежали на пули —
Их стреляли, где только могли.
Беглецов весь отряд окружённый,
Каждый пятый попал под расстрел,
Кто в стогах оказался сожжённый,
Фёдор, волей судьбы, уцелел...
Для сбежавших режим был особый,
Избивали за то, что «беглец».
Каждый чуял солдатской утробой:

«Скоро жизни настанет конец»...
Мчится поезд на Запад куда-то,
Голос ангела шепчет: «Бежать!».
В темноте кто-то крикнул: «Ребята!
Надо пол у вагона вскрывать!»
Затрещала вагонная рейка,
Навалились и стали ломать,
Расширялась средь пола лазейка,
В темноте стали зубы блистать!
Поезд скорость уменьшил в подъёме.
Вот удача! Чего ещё ждать!
Фёдор скрылся в холодном проёме,
Повезёт ли? Сумеет сбежать?
Рисковали ребята собою,
Повторяя: «Была, не была...»
Смерть кого-то цепляла порою,
А кого-то судьба берегла...
Ночью тёмной по лесу шагали,
Рассветало. Всё стало видать.
Горстью ягоды жадно глотали,
Угощала всех Родина-Мать...
Воевал все четыре годочка,
Удостоен старшинских погон,
У венгерского озера — точка,
Стал победным для них Балатон...
На груди — ордена и медали,
Но душа не находит покоя,
По ночам палачи истязали,
Продолжался невидимый бой...

К Дону сумрачной порою
Едет в поезде герой.
Жгут в груди места родные,
Вдоль дороги фронтовой.
Из купейного окна воин наблюдает:
По оконным бугоркам ветерок гуляет.
Обелиск вдали мелькнул,
Он лицом к стеклу прильнул:
Пионеров длинный строй
Видит из окна герой.
Вверх приподнят алый стяг,
На ветру трепещет флаг.
Лица строги у ребят —
Продолжается парад...

Фронтовик всю ночь не спит —
По щеке слеза бежит.

Музыкальная школа

К ней лечу, как будто в сказке,
На восторженной волне,
Здесь учусь я без указки,
И портфель не нужен мне.
Я душою отдыхаю —
Не гнетёт любимых труд:
Гаммы весело играю,
За стеной аккорд берут.

Вот ансамбль затаился,
Инструментов говор стих.
С дирижёрской волей слился,
Вывел тоненький мотив.
А потом все разом взвились,
Шторы в окнах затряслись,
Вмиг баяны всполошились,
Домры в пляске завелись.

Капельмейстер, как фанатик,
Всех руками достаёт.
Вот притих и, как лунатик,
Тихо с музыкой плывёт.
Полюбил я музыкалку,
А Русинов (вот артист)
Говорит: «Пройдёшь закалку,
Будешь лучший баянист!»

Маслов — наш директор школы,
Всё здесь с камня создаёт:
Выбивает плаху, краску,
Сам баян преподаёт.
Здесь Петрушина, Панзыга,

Гусева и ряд других,
Написать про всех бы книгу,
Иль, на крайность, лучший стих.

Вам, кто нас учил искусству,
Зёрна лучшего вложил,
Говорю с оттенком грусти —
На всю жизнь вас полюбил...
Юбилей сегодня школе,
Ей цвести желаю век.
Пусть, как прежде, в этих стенах
Чище станет человек!

Музыкальная обитель

1. Как в широком поле
Мы росли на воле,
Девочки — ромашки,
Парни — васильки.
В сентябре учитель
Пригласил в обитель —
В школу музыкальную
Весело пошли.

Припев:
Переливы баянистов,
Струн дыханье у домристов,
Пианистка тает чуть дыша...
Мы оркестром собирались,
Пьесы в памяти остались,
В такт стучали детские сердца.

2. С песней мы шагаем,
Школу вспоминаем.
Значит не напрасно
С музыкой росли.
Пусть не молодые,
Но всегда родные,
Мы любовь сквозь годы
К школе пронесли.
Припев.

В зимнем лесу

Печально ели вверх глядели,
В погонах снежных ввысь стремясь.
И к небу вырваться хотели,
С земли навечно удалясь.

А рядом с ними кедр могучий,
Который год ветрам назло
Вещал, что он гоняет тучи
И взять их может под крыло.

Ему внимали лишь осинки,
Зимой раздеты донага.
В лесу они судьбы былинки,
Склоняемы туда, сюда.

Рябины гордой куст смеялся
Над тем, что кедр говорил.
А насмеявшись, наслаждался,
Что так достойно в жизни жил.

Калина тоже веселилась,
На гроздьях алых озарясь,
И даже брызгами залилась,
От смеха на снегу искрясь.

Доступен лес в своём величье.
Бери его красу, дары.
Мальчонкой щедр до неприличья.
А так ли благодарны мы?

Гроздья рябины

Гроздья рябины под тяжестью снега,
Словно судьбою склонённые вниз.
Сколько печали и сколько разлуки,
В кистях багряных Рекой разлились.

Гроздья рябины под серебром снега,
Что вы молчите? Встряхнитесь на миг,
Ярким дыханьем зиме улыбнитесь.
Пусть радость жизни